

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
№ 6/2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Ж.А. Ермакова, доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (г. Оренбург)

Ответственный секретарь

А.П. Цыпин, кандидат экономических наук, доцент (г. Оренбург)

Редакционный совет

П.П. Володькин, д.т.н., доцент (г. Хабаровск)
И.И. Елисеева, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург)
Н.С. Захаров, д.т.н., профессор (г. Тюмень)
В.В. Ивантер, д.э.н., профессор (г. Москва)
Н.А. Кузьмин, д.т.н., профессор (г. Нижний Новгород)
А.Т. Кулаков, д.т.н., профессор (г. Набережные Челны)
Б.В. Марков, д.ф.н., профессор (г. Санкт-Петербург)
В.В. Миронов, д.ф.н., профессор (г. Москва)
В.В. Носов, д.э.н., профессор (г. Москва)
К. Олимов, д.ф.н., профессор (г. Душанбе)
В.С. Осипов, д.э.н., доцент (г. Москва)
А.В. Смирнов, д.ф.н., профессор (г. Москва)
Г.Л. Тульчинский, д.ф.н., профессор (г. Санкт-Петербург)
Т.д. Федорова, д.ф.н., профессор (г. Саратов)
В.А. Цветков, д.э.н., профессор (г. Москва)
А.Г. Шеломенцев, д.э.н., профессор (г. Екатеринбург)
N. Scelles, PhD (г. Манчестер)

Редакционная коллегия

И.А. Беляев, д.ф.н., доцент (г. Оренбург)
И.Б. Береговая, к.э.н., доцент (г. Оренбург)
В.В. Боброва, д.э.н., доцент (г. Оренбург)
Н.К. Борисюк, д.э.н., профессор (г. Оренбург)
И.Н. Корабейников, к.э.н., доцент (г. Оренбург)
О.Н. Ларин, д.т.н., профессор (г. Москва)
А.М. Максимов, д.ф.н., профессор (г. Оренбург)
В.И. Рассоха, д.т.н., доцент (г. Оренбург)
Р.Ю. Рахматуллин, д.ф.н., профессор (г. Уфа)
Ю.В. Родионов, д.т.н., профессор (г. Пенза)
Н.З. Султанов, д.т.н., профессор (г. Оренбург)
Д.М. Федяев, д.ф.н., профессор (г. Омск)
В.Н. Шепель, д.э.н., профессор (г. Оренбург)
А.С. Юматов, к.э.н., доцент (г. Оренбург)
Н.Н. Якунин, д.т.н., профессор (г. Оренбург)

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Журнал включен в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований. Журнал включен в базы данных eLIBRARY, ВИНИТИ РАН и имеет Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс по каталогу Российской прессы «Почта России» – 16478

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

И.Р. Курнышева

Взаимосвязи структурных изменений и налоги
(методологические аспекты)4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Г. Зельднер

Управление в системе социально-экономического
развития России10

Л.Н. Иванова-Швец

Факторы, ограничивающие инновационную
активность: территориальный аспект17

К.В. Кикилашвили

Трансформации нефтяной отрасли России и СССР:
сравнительный анализ24

Д.А. Кузин, А.С. Кузин

Изучение влияния факторов на экономическое
развитие стран-участниц СНГ33

Н.П. Кузьмич

Управление земельными ресурсами в сфере
жилищного строительства38

В.С. Осипов

Политика цифровизации: необходимость защиты
живого труда42

Ю.В. Сажин, А.А. Ганина

Статистическое исследование девиантного
поведения населения в современном обществе47

О.С. Смотрина, А.С. Коренная

Методика оценки антикризисного управления
предприятием АПК54

А.М. Хежев, А.В. Кабулов

Сбалансированная система показателей как
инструмент управления стоимостью компании ...59

А.П. Цыпин

Изучение трансформации экономики постсоветских
стран методами системного анализа
и статистики68

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

А.А. Байрон

Вера и знание в системе философских воззрений
Б.Н. Чичерина79

Т.Х. Керимов, И.В. Красавин

Проблема сложности: множественная природа
структуры85

П.В. Ляшенко

К проблеме концептуальных оснований утопии
в античной философии90

К. Олимов

Вклад русских учёных в развитие общественных
наук Таджикистана (на примере академика
А.А. Семёнова и Е.Э. Бертельса)95

ANNOTATION OF THE ARTICLES99

УДК 338.242.2

Ирина Романовна Курнышева, доктор экономических наук,
зав. сектором, ФГБУН Институт экономики Российской академии
наук
e-mail: kurnisheva@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗИ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И НАЛОГИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

*Цель статьи – способствовать выполнению указа Президента РФ В. Путина, сформулированного в Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года, что «Для дальнейшего изменения структуры национальной экономики необходимо на принципиально ином уровне задействовать источники роста». Актуальность определяется тем, что курс на преодоление экспортно-сырьевой зависимости страны на основе технологического обновления выбран в числе важнейших приоритетов развития на долгосрочную перспективу. Реализация такого масштабного стратегического проекта требует согласования концепций, целей и механизмов многих отраслевых и функциональных программ, содействующих структурным преобразованиям в рамках единой модели ее формирования. На сегодняшний день постановка и решение задачи структурной и технологической модернизации российской экономики лишены прочного методологического и информационного фундамента, согласованно взаимодействующего с другими необходимыми ресурсами. Вопрос об источниках и масштабах необходимых финансовых ресурсов для модернизации и инновационного развития также до сих пор остается дискуссионным. **Научная и практическая значимость** заключается в обосновании актуальности использования системы таблиц «затраты-выпуск» в практике разрабатываемых директивных решений в сфере налогообложения. **Достоверность** достигнутых результатов подтверждают аналитические расчеты, что налоговая политика – один из инструментов, реально способствующих формированию новых структурных пропорций и росту финансовых ресурсов национальной экономики. Проведенное исследование позволило выявить новые тенденции в структурные пропорции в российской экономике.*

Ключевые слова: структура, метод, методология, таблицы «затраты-выпуск», налоги.

В настоящее время расчеты макроэкономических показателей структурных параметров и их динамика, а соответственно и разработка научно обоснованной и количественно определенной траектории экономического роста наталкивается на отсутствие надежной информационной базы, в которой система макроэкономических показателей, межотраслевых связей промышленности и характер их взаимодействия с другими отраслями и секторами экономики были бы формализованы и взаимосвязаны в единую информационную модель. Одновременно к настоящему моменту не существует на практике и целостной концепции создания такого инструментария [4].

С этой точки зрения, обращение к проблематике инструментария, адекватного изучения усложняющейся экономики, приводит к пока незадействованному в полной мере и имеющему значительный потенциал аналитического и практического применения инструментария – к методологии и методу МОБ СНС [2, 3].

Метод межотраслевого баланса может служить моделью и информационной базой для системного анализа и прогнозных расчетов в связи с изменениями в налоговой системе, содержащей достаточно полные количественные данные о производстве и распределении продукции в разрезе продуктов, видов экономической деятельности и секторов экономики в стоимостном выражении. Модель межотраслевого баланса можно назвать в современных терминах своего рода «агрегатор-контента» о взаимосвязях и взаимодействиях продуктов, отраслей и институтов в экономике.

Модель межотраслевых балансов, с 60-х годов XX в. трансформированная в систему таблиц «затраты-выпуск», внедрена по рекомендации ООН в повседневную практику работы статистических органов широкого круга стран. На сегодняшний день таблицы «затраты-выпуск» широко применяются в большинстве развитых стран мира как инструмент комплексного анализа и прогнозирования структуры экономики. Так, Бюро экономического

анализа Министерства торговли США официально заявляет, что в США Совет управляющих Федеральной резервной системы формирует валютную политику с использованием показателей, основанных на таблицах «затраты-выпуск». Административные и законодательные власти Правительства США используют эти таблицы для коррекции налоговой политики. В бизнесе макро- и микроэкономические модели прогнозирования также выстраиваются с использованием таблиц «затраты-выпуск».

Возобновление в России разработки базовых таблиц «затраты-выпуск» на регулярной основе оценивается научным сообществом как значимый шаг в повышении эффективности управления отечественной экономикой в условиях повышения ее открытости.

МОБ СНС, трансформированный в таблицы «затраты-выпуск», может и должен стать одним из основным инструментом разработки вариантов траектории развития стратегического планирования, в связи с изменениями в налоговой системе, так как методология СНС, с одной стороны, позволяет оптимальным способом аккумулировать и классифицировать первичную статистическую информацию, а с другой стороны, дает возможность оптимальным способом обрабатывать полученные макроэкономические сдвиги и показатели. Например, наиболее важными для составления

таблиц «затраты-выпуск» являются данные структурной статистики предприятий, которые ежегодно предоставляют информацию для расчета объем выпуска (оценка на основе реализованной продукции и изменения запасов), состава промежуточного потребления и элементов валовой добавленной стоимости институционального сектора нефинансовых корпораций. Собираемая в рамках этого обследования информация позволяет получать показатели выпуска и добавленной стоимости по отдельным продуктам.

Информационная база и методология таблиц «затраты-выпуск» на сегодняшний день имеет целый ряд преимуществ для налогового анализа, планирования и прогнозирования по сравнению с другими возможностями:

- возможность расчетов и анализа коэффициентов прямых затрат, характеризующих прямые затраты продукции (налогов) одного вида продукции на производство единицы другой продукции и отражают прямые производственные связи между отраслями (например, прямые затраты налогов в электроэнергетики на производство единицы продукции сельского хозяйства). Из данных таблицы 1 (расчеты автора) видна тенденция снижения коэффициентов отдельных прямых налоговых затрат на производство продукции в промежуточном потреблении;

Таблица 1. Динамика коэффициентов отдельных прямых налоговых затрат на производство продукции в промежуточном потреблении

Коды	Отрасли ОКВЭД 1.1	2012	2013	2014	2015
01	Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	1,01	1,03	0,88	0,65
11	Добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях	0,10	0,10	0,09	0,06
15	Производство пищевых продуктов, включая напитки	1,96	2,27	2,34	2,55
23	Производство кокса; производство нефтепродуктов	0,87	0,96	0,98	0,96
24	Химическое производство (без производства пороха и взрывчатых веществ)	3,99	5,09	3,40	2,05
27	Металлургическое производство	1,25	1,26	0,91	0,59
34	Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	20,62	6,86	5,66	15,86
35	Производство судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств; производство прочей продукции машиностроения и нефтехимии	1,70	1,42	1,18	1,09
45	Строительство	1,87	1,90	1,79	1,74
52	Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования; розничная торговля моторным топливом	0,29	0,29	0,24	0,16

Коды	Отрасли ОКВЭД 1.1	2012	2013	2014	2015
55	Деятельность гостиниц и ресторанов	2,35	2,21	1,91	1,56
60	Деятельность сухопутного транспорта	1,73	1,53	1,45	0,98
70	Операции с недвижимым имуществом	0,48	0,49	0,48	0,59
73	Научные исследования и разработки	1,80	0,99	0,91	1,35
75	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5,76	4,83	4,03	4,21
80	Образование	3,06	2,45	2,03	2,26
85	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,79	5,06	4,75	5,24
92	Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	3,54	2,76	2,74	2,63
	Итого	1,62	1,41	1,26	1,23

– возможность анализа межотраслевых зависимостей через систему коэффициентов полных затрат, т. е. с учетом косвенных взаимосвязей по всей технологической цепочке производства и распределения продукции. В результате выявляются примеры, иллюстрирующие нестандартные взаимосвязи между процессами развития финансово-кредитной системы, институциональными секторами, макроэкономическими и налоговыми пропорциями; Оценки важнейших коэффициентов матрицы полных затрат таблиц «затраты-выпуск» позволяют выявить ограниченное число наиболее значимых точек структуры экономики России, воздействие на которые наиболее чувствительно сказывается на параметрах развития экономической системы страны, и существенно сузить круг показателей, которые целесообразно использовать при аналитической работе руководителей и прогнозировании последствий принятия управленческих решений на макроуровне [9].

В ряде случаев решения, представляющиеся оптимальными с точки зрения прямых затрат и выгод при их оценке с общеэкономических позиций (в полных затратах) таковыми не являются. Например, полный экспорт по методологии межотраслевого баланса включает прямой экспорт, а также косвенный экспорт, рассчитываемый как полные затраты этой же продукции на экспорт продукции всех отраслей.

Уникален расчет полного экспорта по методологии межотраслевого баланса, включающий прямой экспорт, а также косвенный экспорт, рассчитываемый как полные затраты этой же продукции на экспорт продукции всех отраслей.

Анализ данных таблиц «затраты-выпуск» по экспорту с использованием коэффициентов прямых и полных затрат позволяет выявить и количественно оценить финансовые последствия экспортно-ориентированного сырьевого развития, особенно, если рассматривать экономические процессы в динамике [6].

С помощью коэффициентов полных затрат добавленной стоимости можно оценивать влияния изменений отраслевой структуры конечного спроса на состав добавленной стоимости – источника финансовых ресурсов государства и налоговых поступлений. Так, увеличение в конечном спросе удельного веса видов экономической деятельности: добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях; производство кокса; производство нефтепродуктов; металлургическое производство будет приводить к росту валовой прибыли; увеличение удельного веса конечного спроса в управлении, финансах и т. д. – к дополнительному росту оплаты труда, а удельного веса конечного спроса на продукцию сельского и лесного хозяйства – к дополнительному росту смешанного дохода.

– макроэкономические показатели в таблицах «затраты-выпуск» включают в себя и оценку теневой деятельности, что позволяет выявлять и отслеживать «теневые» экономические взаимосвязи в народном хозяйстве, как скрывающие значительные необлагаемые налогами средства. Снижение издержек производства и обращения за счет неуплаты налогов и несоблюдения ряда правовых норм достигает значительных сумм (до 10% и более от конечной цены товаров и услуг). Благодаря такому внеконкурентному преимуществу организации, осуществляющие теневую деятельность, даже при низкой производительности труда, могут подрывать позиции своих конкурентов-организаций, осуществляющих легальную деятельность. Это искажает цивилизованный процесс конкурентной борьбы на рынках и тем самым искажает структурные пропорции в экономике. Данные таблиц «затраты-выпуск» наиболее полно характеризуют объемы и структуру теневого сектора экономики, проявляющиеся там как диспропорция между располагаемыми и использованными ресурсами товаров и услуг. При этом в расчетах используются как стоимостные, так и натуральные

показатели производства и использования продукции, а также косвенная информация. Выявленные объемы производства товаров, работ и услуг в форме скрытой экономической деятельности (диспропорции) являются потенциальными источниками расширения роста ресурсов, удовлетворяющих как промежуточный, так и конечный спрос внутреннего рынка, что в конечном счете может стать источником налоговых потоков. Международные эксперты оценили объем теневой экономики РФ в 40% [8]. По мнению Г. Остапковича, директора Центра конъюнктурных исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, подсчитать долю теневого сектора достаточно трудно, а если речь идет о неформальном секторе – это не более 20-22% от ВВП [6];

- возможность составления таблиц «затраты-выпуск» в основных ценах производится на основе данных таблицы «затраты-выпуск» и в ценах покупателей. Для этого составляются матрицы распределения налога на добавленную стоимость, налогов на продукты, субсидий на продукты, торговых и транспортных наценок и матрицы использования импортной продукции;

- оценка взаимного влияния изменения выпуска и цен конкретных видов товаров и услуг на структуру затрат на производство и выпуски продукции, конечный спрос и элементную структуру валовой добавленной стоимости (ВДС);

- проведение расчетов для комплексного прогнозирования развития экономики, проверка сбалансированности прогнозных показателей динамики выпусков и институциональных секторов;

- анализ чувствительности налогового потенциала на воздействия различных факторов (изменения производства, спроса, налоговых ставок, цен и т.п.).

Одним из важнейших и в тоже время не оцененных в должной степени структурных факторов, влияющих на уровень налогового потенциала страны и налоговой политики, являются структурные параметры цен конечного потребления, а именно роль торгово-посреднической наценки в формировании конечной цены реализации продукции. Особенно это очевидно в отраслях-экспортерах продукции, например, нефтегазового комплекса, лесного комплекса и др. [1].

Разрыв в уровнях цен приобретения и цен производителей на продукцию отраслей промышленности связан с величиной налогов, транспортной и торгово-посреднической наценкой в цене товаров и услуг. За начальные годы реформ резко возросла звенность в продвижении товара от производителя к конечному потребителю. Значительная часть продукции закупается не у производителя непосредственно, а у других организаций оптовой торговли.

Следует заметить, что структура формирования «цены» продукции промышленных комплексов,

или в данном случае структура затрат на производство и товаропродвижение продукции к конечному ее потребителю, может быть выявлена только с использованием таблиц «затраты-выпуск». Объектом анализа в таком случае являются не только производственные затраты (традиционные границы анализа отраслевых издержек производства), но и затраты, связанные с транспортировкой продукции комплекса, с торговыми, посредническими и финансовыми услугами, налогами на производство, т.е. все другие затраты, которые компенсирует конечный потребитель [10].

Результаты анализа структуры цены конечного потребления продукции по некоторым основным промышленным комплексам (по основным видам деятельности) привели к выводу о неоправданно высокой доле торгово-посреднической наценки в структуре цены в 1999–2003 гг. Существовавшая в те годы статистическая отчетность не разделяла торговую и посредническую деятельность, что снижало качество аналитических исследований.

Влияние внедрения новых методологических принципов расчетов тенденций и закономерностей, сложившихся в динамике элементного состава цен покупателей, можно увидеть в таблицах 2 и 3 (расчеты автора). Трудно напрямую сравнивать эти данные, но налицо новые структурные пропорции. Можно сказать, что изменилась роль торгово-транспортных наценок в формировании цен покупателей на продукты ОКПД, а следовательно, и основных макроэкономических пропорций [5].

Нельзя не видеть большой разброс доли торгово-транспортных наценок в ценах реализации продукции на внутреннем рынке. Возможно, что приведение всех цен к уровням, близким к рыночным, приведет к исчезновению части теневых схем. Огромная разница в ценах – питательная среда для посредников, которые зарабатывают исключительно на марже, а не только на неформальных сделках. Особенно это относится к «Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты», «Продукция лесоводства, лесозаготовок и связанные с этим услуги», «Продукты пищевые и напитки», видам продукции, определяющих модернизацию и конкурентоспособность национальной экономики – «Вещества химические, продукты химические и волокна химические, кроме веществ взрывчатых», «Машины и оборудование, не включенные в другие группировки (кроме оружия и боеприпасов)», «Компоненты электронные; аппаратура для радио, телевидения и связи».

Использование таблиц «затраты-выпуск» позволяет по новому увидеть и задействовать в практике разрабатываемых директивных решений большой потенциал информации о налогах в структуре цен покупателей как ресурсов финансирования устойчивого развития российской экономики, роста ее конкурентоспособности.

Таблица 2. Структура цен покупателей по некоторым основным промышленным комплексам, в % к ресурсам товаров и услуг в ценах покупателей (по старой методологии)

	Ресурсы товаров и услуг в основных ценах			Наценки						Чистые налоги на продукты		
				Транспортные			Торгово- посреднические					
	1999	2000	2003	1999	2000	2003	1999	2000	2003	1999	2000	2003
Промышленность, всего	67,0	66,0	65,3	3,0	3,0	3,3	23,0	23,0	22,6	7,0	8,0	8,4
в том числе Нефтегазовая	44,0	43,0	43,0	5,0	4,0	4,0	39,0	40,0	38,0	12,0	13,5	14,1
из нее нефтедобывающая	—	54	55,2	—	5,0	4,1	—	31,0	32,5	—	31,0	32,5
нефтеперерабатывающая	—	58	49,3	—	5,0	6,0	—	27,0	26,3	—	11,0	12,5
Газовая	—	17	19,7	—	1,0	4,0	—	63,0	52,0	—	19,0	22,6
Лесная, деревообрабаты- вающая и целлюлозно- бумажная	71,0	70,0	68,0	6,0	6,0	4,2	18,0	18,0	20,2	5,0	7,0	7,6
Машиностроение и ме- таллообработка	79,0	80,0	79,3	1,0	1,0	0,9	14,0	14,0	13,9	6,0	5,0	5,8

Таблица 3. Структура цен покупателей по некоторым продуктам, в % к ресурсам товаров и услуг в ценах покупателей (по новой методологии)

ОКПД	Ресурсы товаров и услуг в основных ценах				Торгово-транспортные наценки				Налоги за вычетом субсидий на продукты			
	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015
Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты	83,8	84,2	84,5	85,7	15,2	14,8	14,4	13,2	1,0	1,0	1,1	1,1
Продукция лесоводства, лесозаготовок и связанные с этим услуги	71,3	71,7	71,3	70,2	23,3	24,0	23,6	25,4	5,4	4,3	5,1	4,4
Нефть и газ природный; услуги, связанные с добычей нефти и газа, кроме геологоразведочных работ	58,4	60,0	60,2	68,6	16,2	16,4	15,5	16,4	25,4	23,6	24,3	15,0
Руды металлические	92,6	93,2	92,3	93,0	7,3	6,7	7,7	6,9	0,1	0,1	0,0	0,1
Продукты пищевые и напитки	55,7	55,6	56,1	58,0	31,7	32,6	32,0	30,5	12,6	11,9	12,1	11,5
Продукция коксовых печей и нефтепродукты	69,0	70,7	70,1	74,8	10,5	9,6	9,3	11,7	20,5	19,7	20,5	13,5
Вещества химические, продукты химические и волокна химические, кроме веществ взрывчатых	71,1	69,5	68,6	70,7	22,7	24,1	24,9	23,5	6,2	6,3	6,5	5,8

ГОСТЬ НОМЕРА

ОКПД	Ресурсы товаров и услуг в основных ценах				Торгово-транспортные наценки				Налоги за вычетом субсидий на продукты			
	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015
Готовые металлические изделия, кроме машин и оборудования	81,7	82,3	82,4	82,9	14,6	14,2	14,1	14,3	3,7	3,5	3,5	2,8
Машины и оборудование, не включенные в другие группировки (кроме оружия и боеприпасов)	79,5	78,3	79,0	78,1	16,9	18,2	17,3	18,6	3,6	3,5	3,7	3,3
Электрические машины и электро-оборудование	83,8	83,5	84,1	83,0	13,8	14,2	13,6	15,0	2,4	2,3	2,3	2,0
Компоненты электронные; аппаратура для радио, телевидения и связи	71,6	71,3	74,3	73,0	22,6	23,7	21,4	23,2	5,6	5,0	4,4	3,8

Литература

1. Баранов, Э.Ф., Соловьев, Ю.П., Посвянская, Л.П. Цены на продукцию естественных монополий и инфляционные процессы в промышленности / Э.Ф. Баранов, Ю.П. Соловьев, Л.П. Посвянская // Банковское дело. – 2007. – № 1. – С. 37-43.
2. Крюков, В.А. Больше моделей – хороших и разных / В.А. Крюков // ЭКО. – 2011. – № 5 (443). – С. 3.
3. Курнышева, И.Р. Макроэкономическое развитие: тенденции и развитие / И.Р. Курнышева – Москва: Наука, 2005. – 285 с.
4. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости экономики / отв. ред. Е.Б. Ленчук. – Санкт-Петербург: Алетей, 2016. – 336 с.
5. Остапенко, Т.В. Межотраслевой анализ внешнеэкономических связей продуктовых цепочек АПК / Т.В. Остапенко // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – Том 7. – № 4А. – С. 173-182.
6. Остапкович, Г. Смотря как считать / Г. Остапкович // «Российская газета». – 04.07.2017.
7. Пономаренко, А.Н., Мурадов, К.Ю. Новая статистика движения добавленной стоимости в международной торговле / А.Н. Пономаренко, К.Ю. Мурадов // Экономический журнал ВШЭ. – 2014. – Том 18. – № 1. – С. 43-79.
8. «События дня». 05.07.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/207283532.html> – (дата обращения: 15.5.2018).
9. Суворов, П.А. Метод «Затраты-Выпуск» как инструмент оценки макроэкономической эффективности инновационно-инвестиционных проектов: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Суворов Павел Анатольевич. – Москва, 2014. – 26 с.
10. Kurnysheva I., Burakov. D. Do Oil Price Shocks Matter for Competition: A Vector Error Correction Approach to Russian Labor / I. Kurnysheva, D. Burakov. // Market International Journal of Energy Economics and Policy. – 2017. – Vol. 7 (4). – pp. 68-75.

Статья подготовлена по материалам исследования темы государственного задания «Структурная модернизация российской экономики в контексте формирования новой модели развития».

УДК 338.242.4

Алексей Григорьевич Зельднер, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН
e-mail: zeldner@inecon.ru

УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Актуальность темы статьи определяется той ролью, которую играет функционирующая система управления в реально сложившихся низких темпах развития экономики и уровня жизни населения. За последние годы устойчиво снижаются реально располагаемые доходы населения, объем инвестиций и синхронно темпы роста ВВП в сопоставимых ценах. В связи со сложившимся положением, в статье предлагается рассматривать направления совершенствования управления как следствие становления модели социально-рыночной экономики. **Цель статьи:** на базе анализа социально-экономического состояния экономики России определить основные направления ее развития за счет совершенствования правового поля, оптимизации структуры и качества управления. В процессе подготовки статьи учитывались труды академиков Л.И. Абалкина, В.А. Трапезникова, американского исследователя Парисона И., Ли Куан Ю. и других исследователей. **Результаты:** в рамках проведенного исследования удалось систематизировать причины, связанные с неэффективным управлением и наметить основные направления улучшения качества и эффективности управления. **Направление использования результатов:** материалы статьи будут интересны научным и практическим работникам, аспирантам и студентам.

Ключевые слова: управление, качество, эффективность, социально-рыночная модель развития.

Введение. Уровень сложившегося социально-экономического развития страны – зеркальное отражение выбранной модели развития и реальной эффективности государственного управления. Дело в том, что любая организованная социально-экономическая система, любая модель развития для обеспечения самосохранения и достижения поставленных целей нуждается в управлении. Рационально построенное управление обеспечивает развитие производительных сил, социализацию общественных отношений и рост уровня жизни населения. Управление (administration), как экономическая категория, предполагает целенаправленное воздействие управляющей системы (на основе поступающей обработанной информации) на объект управления с целью его функционирования по заданной программе. Более сжато определяет управление академик РАН Трапезников В.А., это «направленное воздействие субъекта управления на объект управления с целью приведения его в заданное состояние». Эффективность достижения поставленных в модели развития целей определяется достоверностью и полнотой аналитической информации, поступающей управляющей системе. В противном случае принятые управленческие, организационные и кадровые решения приведут к росту затрат и неэффективным результатам. В общем плане управление – это процесс рациональной организации социально-экономического развития и оптимизации затрат при достижении цели. В зависимости от уровня и объекта управления, инвестиционных возможностей и других факторов механизм достижения целей может меняться. По обоснованному мнению Л. Абалкина, «конкретные модели и формы организации общества не являются универсальными» [1, с. 72].

Анализируя процессы управления ростом и развитием экономической системой, следует учитывать, что это взаимосвязанные категории, дополняющие друг друга. Эта взаимосвязь проявляется во времени по-разному в зависимости от уровня социально-экономического развития. Многое определяется выбранной моделью развития, формой ее становления для достижения цели, под которую отрабатывается схема управления. Процесс управления реализуется через функции, важнейшей из которых на данном этапе выступает технологически-инновационная, которая в конечном итоге обеспечивает рост производительности труда и конкурентоспособность национальной экономики. В условиях однопартийной системы для достижения целей социализма использовалась линейная, линейно-функциональная система управления, по сути, армейского типа. С реформированием экономической системы и распадом СССР попытки совершенствования социализма за счет введения понятий «социализм с человеческим лицом», «суверенный социализм» не были восприняты, надвигалась «невидимая рука рынка» возникли условия для быстрого обогащения. Реформированный шоковыми методами социализм трансформировался в рыночную систему со всеми недостатками раннего капитализма (дифференциацией в доходах, в монополизацией, отсутствием конкуренции и коррупции). В этот переходный период линейно-функциональную систему управления почти не меняли, модернизация экономики на инновационно-технологической основе только декларировалась. Основное внимание уделялось приватизации собственности и слабо обоснованному доказательству более эффективного ее использования в условиях рыночных отношений.

Возникшая в России после слома планово-директивной модели рыночная система так и не трансформировалась в социально-рыночную модель ни по форме, ни по содержанию. Да такая цель в этот период и не ставилась. А потом надо было защищать итоги «праведной» приватизации и «сложившаяся» форма управления всех «новых» русских устраивала. Оценивая итоги сложившегося в России госуправления американский экономист И. Парисон отмечал: «В период коммунистического правления (как, впрочем, и при царском режиме до этого) государственное управление являлось частью централизованного механизма власти правителя страны над населением. В результате сформировалась культура жесткого контроля. Ситуация не изменилась и по сей день. В истории России не сложилась культура гражданской службы; не было и традиции «общественной службы» или того, что обычно понимается под духом гражданской или общественной службы. Фактически в России гражданская служба более точно и правильно соответствует понятию «государственная служба», т. е., прежде всего, ориентируется на государство, а еще более точно – на его главу» [6, с. 204-208].

Экономический рост принято ассоциировать с увеличением реальных объемов производства, отражая его таким показателем как валовой внутренний продукт (ВВП) в различных модификациях. Развитие (необратимое и закономерное изменение материальных объектов. Одно из всеобщих свойств материи и сознания) предполагает производство качественной продукции на базе прогрессивной технологии и инновационного обновления.

Основные достижения России в последние годы связаны с ростом добычи сырьевых ресурсов. Несмотря на падение мировых цен, добыча полезных ископаемых обеспечила 75% всего промышленного роста. Доля нефти и газа в структуре экспорта составила в 2017 г. 57% (в 2016 г. 53,5%). Что касается структурных реформ, модернизации несырьевых отраслей экономики с использованием новейших технологий и инновации, то это все регулярно анонсируется во всех стратегиях и предвыборных обещаниях. Доля инновационной продукции в промышленности не превышает 9%. По темпам развития цифровой экономики Россия существенно отстает от развитых стран мира. По мнению А.Чубайса, «догнать следующее поколение технологии в микроэлектронике мы вряд ли сможем» (РБК. 7.04.2016). В 2017 г. мировой объемом продаж систем искусственного интеллекта составил 12 млрд долл. удельный вес России 0,1% (12,0 млн долл.). (Российская газета. 20.02.2018). В результате медленных темпов технологически-инновационного обновления производства Россия, несмотря на санкции, вынуждена наращивать импорт машин и оборудования, продукции легкой промышленности и сельского хозяйства. Это след-

ствие управленческих ошибок, недооценки необходимости развития НТП.

Падение темпов роста экономики в сочетании с дефицитом консолидированного бюджета и санкциями привели к снижению воспроизводственных возможностей и реально располагаемых доходов населения. Реально располагаемые денежные доходы населения – это полученные доходы за минусом обязательных платежей, скорректированных на индекс потребительских цен, они снижаются с 2014 г. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. они снизились на 1,7%, а в декабре 2017 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года – на 1,8% (Российские банки: халва закончилась. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2018/01/26/11626393.shtml>). Четвертый год подряд снижается прирост инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах) и соответственно темпы роста ВВП также в сопоставимых ценах.

В период высоких цен на нефть и профицита бюджета была упущена возможность модернизации несырьевой экономики на технологически-инновационной основе. Следует, видимо, признать, что опора только на сырьевую модель развития деструктивна. Сырьевая специализация, развал несырьевой экономики и, как следствие, потеря высокотехнологического сектора экономики, темпов инновационного развития, неэффективная система линейного управления, связанное с подбором кадров по корпоративному и семейному принципу, нарастающий разрыв в уровне доходов, постоянный рост цен и тарифов под влиянием монополий, снижение реально-располагаемых денежных доходов, растущая коррупция – все это говорит о том, что сложившуюся модель развития, так и систему управления, необходимо менять. Это объективное требование времени и россиян, заслуживающих не обещаний, а реально более высокого уровня жизни.

Стоит отметить, что добыча нефти – высокотехнологический процесс, и особенно в условиях санкций на высокотехнологическое оборудование целесообразно было бы нефтяную ренту использовать для развития соответствующих промышленных технологий, машиностроения, электроники. Такой путь развития сырьевых отраслей в технологическом плане мог бы стать условием и ускоренного развития российской промышленности. Но импорт технологического и электронного оборудования оказался предпочтительнее.

Состояние функционирующей системы управления. Проблема совершенствования управления – постоянный спутник роста и развития, никогда не снималась с повестки дня, ибо было ясно, что без эффективно функционирующей системы управления устойчивой технологично-инновационной экономики не построят. В декабре 1999 г. Путин, будучи председателем Правительства РФ в программном докладе «Россия на рубеже тыся-

челетия» подчеркивал: «Мы находимся на этапе, когда даже самая верная экономическая и социальная политика дает сбой при проведении ее в жизнь из-за слабости государственной власти, органов управления. Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство. Я вижу следующие направления его формирования:

- рационализация структуры органов государственной власти и управления, повышение профессионализма, дисциплины и ответственности государственных служащих, усиление борьбы с коррупцией;
- перестройка государственной кадровой политики на основе принципа отбора лучших специалистов;
- создание условий, благоприятствующих становлению в стране полноправного гражданского общества, уравнивающего и контролирующего власть;
- повышение роли и авторитета судебной ветви власти;
- совершенствование федеративных отношений, в том числе в бюджетно-финансовой сфере;
- развертывание активной и наступательной борьбы с преступностью» [7].

Следует отметить, что предложения по совершенствованию госуправления в связи с его недостаточной эффективностью и в дальнейшем озвучивались регулярно. Так, в 2003 г. в Послании Президента Федеральному собранию недостаточная эффективность госаппарата была названа в качестве основного препятствия экономическим реформам. Были поставлены задачи о проведении административной реформы (Указ Президента № 824 от 23 июля 2003 г.).

В проекте доклада «Административная реформа и создание «электронного государства» (2005 г.), подготовленного МЭР России в рамках реализации ФЦП «Электронная Россия (2002–2010)», отмечается, что «несмотря на постоянно проявляемую «политическую волю», административная реформа практически не имела успехов не только в достижении заявленной цели облегчения экономических реформ, но и в собственно административной сфере: качество [8] государственного управления за годы административной реформы только ухудшилось».

«Административная реформа, поскольку она решалась административными средствами без учета конфликта интересов реформаторов с реформируемыми, была провалена. В ходе инвентаризации... функций федеральных органов исполнительной власти было проанализировано 5634 функции государственного управления, из них экспертно признано избыточными – 1468, дублирующими – 263, требующими изменения – 868 функций. Ничего существенного далее в этом направлении не было сделано». Попытка устранить конфликты интере-

сов федеральной исполнительной власти: разделить ведомства по сферам деятельности государства: политической (министерства), правовой (службы) и собственно административной (агентства) (март 2004 г.). Эта часть реформы была проведена на федеральном уровне непоследовательно, и многие конфликты интересов так и не были устранены. Региональный уровень вообще не был затронут изменениями» (Административная реформа и создание «электронного государства». – Режим доступа: <http://www.elrussia.ru/54150>).

«Нынешняя государственная система управления, состоящая из трех уровней: министерства, агентства и службы «пожирает» эффективное управление» Более того, трехуровневая система госуправления, введенная в 2004 году, согласно президентскому Указу «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» закрепила функции нормативно-правового регулирования министерствами. Однако «в 2016 г. оказалось, что эти функции выполняли две службы из 19 и три агентства из 18. Функции по контролю и надзору закреплялись за службами, их выполняют восемь министерств из 16 и пять агентств из 18. Функции по оказанию государственных услуг возлагались на агентства, но в 2016 году их оказывали десять министерств из 16 и четыре службы» (Сомнения на трех уровнях. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/17/5a5dc0879a7947b7348f2440>).

Неэффективность сложившейся системы управления социально-экономическим развитием реально ощущается населением и признается руководством страны (В утвержденной Указом Президента РФ (13 мая 2017 г. № 208) «Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2010 г.» недостаточно эффективное госуправление названо одной из главных угроз экономической безопасности). Даже по мнению профессионального реформатора А.Чубайса, «все изменения, произошедшие после распада СССР, привели к избыточной централизации управления», «необходимо разворачивать ситуацию в обратную сторону и начать наполнять федерализм реальным смыслом. По его обоснованному мнению регионам необходимо делегировать больше полномочий и наполнить их соответствующими бюджетными источниками» (Сомнения на трех уровнях. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/17/5a5dc0879a7947b7348f2440>).

Выступая на Гайдаровском форуме (январь 2018 г.) на панельной дискуссии «Эффективность бюджетных расходов как зеркало эффективности государственного управления» министр финансов А. Силуанов подчеркнул, что необходимо выстроить такую систему управления, которая бы работала. В рамках нынешней системы «действует более 400 документов, от которых нет никакого результа-

та». «Они писались, когда не было той ситуации, которая сложилась три года назад, мы живем в другой финансовой парадигме. Поэтому управленческие решения не выполняются, а их постановка не соответствует реалиям либо не транслируется на уровень ведомства и конкретного исполнения» (Сомнения на трех уровнях. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/17/5a5dc0879a7947b7348f2440>).

По мнению вице-президента Центра стратегических разработок М. Шклярук, основные проблемы госуправления включают: неэффективность процедур целеполагания и отсутствие системной работы; сохранение старой кадровой системы, основанной на личной лояльности, а не на профессионализме; наименее проработанные решения принимаются быстро, наиболее подготовленные «тонут» в процедурах согласования; отсутствие внешнего контроля. «Мы считаем, что государство должно быть ориентировано на результат для граждан культурно, ценностно и на практике» (Гайдаровский форум. – Режим доступа: <http://www.gaidarforum.ru/news/kakie-vyzovy-stoyat-pered-gosudar>). Реформа госуправления нужна для проведения других ключевых государственных реформ.

Линейно-функциональная система управления поддерживалась либералами в условиях благоприятной конъюнктуры мировых цен на сырьевые ресурсы. Но эта схема управления в условиях падения мировых цен на сырье, снижающихся темпов роста производства и реальных доходов населения уже не срабатывает. Ее необходимо модернизировать, но для этого надо честно проанализировать свои ошибки и показать, почему Россия превратилась в сырьевую, а не технологически-инновационную страну. Президентский бизнес-омбудсмен Б.Титов в этой связи отмечает: «та команда, которая стояла у руля экономики последние 17 лет, показывала достаточно эффективные результаты в старых условиях высоких цен на нефть. В новых условиях, когда цена нефти упала, и надо развивать новую экономику, от макростабилизации переходить к активной политике стимулирования инвестиций, эта команда не хочет, (а вернее, не умеет) меняться. Весь мир перешел на QE (количественное смягчение), а они не умеют. Самый простой путь – заткнуть уши и закрыть глаза» (Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2018-02-06/100_180206_control.html).

Факторы, тормозящие рост эффективности системы управления. В условиях постоянно растущих в мире инновационно-технологических достижений рост и развитие экономики в значительной мере определяется тем, в какой мере процесс управления обеспечивает постоянное технологическое обновление производства, то, в какой мере система управления обеспечивает достижение поставленных в модели развития целей.

В развитых странах система управления создает условия для широкого внедрения технологически-инновационных достижений в различные отрасли экономики, обеспечивая конкурентоспособность и рост производительности труда. В условиях плановой системы достижения научно-технического прогресса, внедрялись директивно. В рыночных условиях при преобладающей численности частных предприятий они сами решают вопросы модернизации. Частные предприятия, основная цель которых прибыль, добиваются ее любыми средствами, минимизирующими издержки производства, включая дешевый ручной труд. В этих условиях совершенствование управления заменялось реформированием организационной структуры, что в условиях линейной системы управления приводило к росту численности управленческого аппарата на всех иерархических уровнях и, учитывая систему подбора кадров по принципу «персонального магнетизма», к управлению привлекались и недостаточно подготовленные кадры.

1. О численности управленческого аппарата. Нарастающая волна численности управленческого персонала, начатая с начала 90-х годов прошлого века в связи с образованием новых структур (административная реформа), не ликвидировала дублирования функций управления с солидным аппаратом администрации премьер-министра и президента. При наличии линейной системы управления такой микст приводил к дублированию и ослаблению роли министерств, непосредственно отвечающих за результат отрасли (сферы). Этому способствует и расширенный состав правительства (вице-премьеров (первых), просто вице-премьеров, заместителей и министров), что способствует росту численности аппарата и создает дублирование функций, а также проблемы в борьбе за сферы влияния, что в итоге приводит к слабой исполнительной дисциплине (В Госдуме подсчитали, что исполняется лишь одно из 15 поручений Президента. По сути дела, чуть ли не ежедневно девальвируются слова и его речи // Аргументы и факты. – 2014. – № 1-2. – С. 6).

В 1995 г. численность работников государственной власти и местного самоуправления РФ составила 1061,8 тыс. чел., в том числе властные органы субъектов РФ – 534,8 тыс. чел., это 50,4% общей численности. В 2000 г. соответственно: 1163,3 тыс. чел. и 482,1 тыс. чел. (41,4%). В 2010 г. начался более существенный рост численности работников госорганов, общая численность которых составила 2211,9 тыс. чел., в том числе в регионах – 1404,7 тыс. чел. (63,5%). В 2016 г. рост продолжился и составил соответственно: 2146,3 тыс. чел. и 1360,7 тыс. чел. (63,4%). («Российский статистический ежегодник 2006», «Россия в цифрах 2017»). Следует отметить, что в связи с санкциями с 2013 г. по 2016 г. темпы прироста численности работников госорганов снизились на 3%.

Среднегодовые темпы прироста численности работников госорганов и органов местного самоуправления с 2010 по 2016 г. составили 4,5%, в том числе на региональном уровне – 8,8%, и это происходит при достаточно сложном положении большинства региональных бюджетов. При этом среднегодовая численность занятых с 1990 г. по 2016 г. снизилась с 75,3 млн чел. до 68,4 млн, или на 9,2%. Удельный вес численности работников госорганов в общей среднегодовой численности занятых в 2016 г. составлял 3,1%. По численности чиновников, занятых в бюджетной сфере в расчете на 1 тыс. жителей, Россия опережает развитые страны ОЭСР в 1,4 раза, а в темпах роста экономики отстает. В 2017 г. затраты на содержание органов управления в федеральном бюджете превысили втрое затраты на здравоохранение и вдвое на образование.

Центр стратегических инициатив разработок (ЦСИ) предоставил на Гайдаровском форуме свои предложения по созданию «государства для граждан». В основе предложений: «стратегический» первый вице-премьер, единая кадровая служба Белого дома, сокращение госслужащих на треть, единая цифровая платформа для госаппарата и госуслуг, разделение госпрограмм на «отраслевые» и «нацпрограммы» (Исследование РБК: потерянное десятилетие российского бюджета. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/09/12/2016/584824c89a79474012386691>). Кроме того, предлагается создать орган, ответственный за управление кадрами на госслужбе и «центр оценки госслужащих». «Если в настоящее время 148 чиновников обслуживают 10 тысяч населения, то после сокращения их количество снизится до 103. При этом стоимость госуправления тоже упадет: с нынешних 2844 рублей в год на гражданина – до 1990 рублей. По замыслу специалистов ЦСИ, сокращение будет поэтапным: начавшись в 2018 г., оно завершится к 2024 г. Одновременно будет происходить перевод ряда управленческих функций в цифровой формат». Разросшийся чиновничий аппарат остро нуждается в оптимизации, но качественной через конкурсный отбор с отработанной системой премирования и депремирования.

2. Зарубежный опыт подбора и подготовки кадров. При любой, даже оптимально выбранной системе управления, решающую роль играют кадры, профессиональные с хорошими деловыми качествами управленцы. Опыт развитых стран, в том числе наших азиатских соседей, подтверждает это. Так, Сингапур при очень грамотной работе по подбору кадров и курсе на инновационное развитие сумел выйти из третьего мира в первый. Сингапур – лидер в области высоких технологий и крупнейший финансовый центр, занимает высокое место в мире по доходу на душу населения – 30 тыс. долларов США. Будущее, по мнению Ли

Куан Ю, принадлежит тем, кто обладает знаниями. «Мы должны учиться и стать частью мира, основанного на знаниях». При этом необходимо придерживаться принципов, которые помогли преуспеть стране. «Это – общественное согласие, достигаемое путем справедливого распределения плодов прогресса. Это – равные возможности для всех. Это – система продвижения по заслугам, при которой лучшее место занимает наиболее достойный. Последнее особенно важно, когда речь идет о людях, возглавляющих правительство» [3, с. 653]. Подход Ли Куан Ю при формировании правительства состоял в том, чтобы поставить наиболее способных, а не наиболее преданных людей во главе наиболее важных министерств, используя в управлении целевой метод: перед министром ставилась задача и предоставлялась возможность для ее реализации.

Экономические и социальные достижения Китая, который за относительно короткий исторический период вышел на первое место в мире по объему торгового оборота и на ведущее место в мире по объему ВВП, связаны в значительной мере с грамотной работой по тщательному подбору кадров управленцев. По свидетельству Ли Куан Ю, автора «сингапурского чуда», общий уровень китайских руководителей впечатляет. «Я ожидал этого от руководителей в Пекине, но с удивлением обнаружил, что провинциальные должностные лица: секретари комитетов партии, губернаторы, мэры и высшие должностные лица, также руководители высокого класса. Толстая прослойка талантливых людей, рассеянных по целому континенту, впечатляет. Те из них, кто попал на самый верх, не обязательно на голову выше тех, кого они обошли. В такой густонаселенной стране как Китай удача играет существенную роль в продвижении к вершинам власти, даже при наличии тщательного отбора, который делает ударение на способностях и характере, а не на идеологической чистоте и революционном рвении, как в годы «культурной революции» [3, с. 592-593].

При подборе кадров в Китае каждая ступень карьеры претендента отслеживается, учитывается не только отношение к учебе, но и характеристики руководителей и коллег. При каждом повышении по службе, перед назначением, все кандидаты проходят аттестацию. В высших эшелонах пирамиды власти существует ядро численностью пять-десять тысяч человек, которые были тщательно отобраны и отсеяны компартией Китая, а не правительством. Чтобы удостовериться, что эти оценки верны, специальная инспекционная комиссия из центра посещает провинции и города, оценивая лиц, проходящих аттестацию, а также интервьюируя их перед тем, как повысить.

Опыт стран, четко определившихся с системой управления, показывает, что России необходимо

реформирование системы управления, позволяющей преодолеть деструктивные тенденции, сложившиеся в экономике. Отсутствие достаточного уровня профессионального мастерства привело к тому, что Президент России переходит на ручное управление, заслушивая министров по различным вопросам. Опыт подготовки к Сочинской Олимпиаде показал, что на данном этапе – это единственный возможный путь решения крупных проблем. Учитывая разбалансированность экономических связей и наличие сильнейшего монополистического лобби, у России не остается другого пути для решения приоритетных национальных проблем (продовольствие, жилье, инфраструктура) как переход на ручное управление. Возможно повторение опыта Ли Куан Ю, который ставил наиболее талантливых, а не преданных людей во главе важнейших направлений экономического развития, используя целевой метод, обеспечивая правовые и финансовые условия для его выполнения. В России при достижении цели целесообразно включить обязательный мониторинг, систему стимулов и антистимулов. Количество таких целей должно быть ограничено с тем, чтобы концентрированно использовать свои ресурсы и максимально, как в Сочи, обеспечить результат. Складывающееся в России положение с управлением социально-экономическим блоком оставляет актуальными те проблемы, которые еще в постреволюционный период озвучивались Ф.Дзержинским. В письме к В.Куйбышеву он писал: «...У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством. Если не найдем этой линии и темпа – оппозиция наша будет расти, и страна тогда найдет своего диктатора – похоронщика революции – какие бы красные перья ни были на его костюме» [4, с. 270].

Выводы:

1. На данном этапе развития сложившаяся в России власть аппарата управления – это реальная форма бизнеса со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Англии, например, – это власть, которая обеспечивает и гарантирует независимость судов, их неподотчетность власти. В России без независимой судебной системы, гарантированной смены власти, выборности всех ветвей власти сложно говорить о повышении качества и эффективности управления. В соответствии с рейтингом Всемирного банка, Россия по качеству управления занимает 120 место из 200 обследованных стран (см. Аргументы и факты. – 2018. – № 11).

2. Судя по складывающемуся тренду социально-экономического развития России модернизация сложившейся системы управления бесперспективна, она все время будет напоминать квартет из

известной басни Крылова. Необходимо менять модель развития. В условиях дефицита бюджета, санкций и реально сложившейся смешанной экономики привлечение инвестиций возможно за счет перехода на использование механизма государственно-частного партнерства. Речь, по сути, идет о переходе на модель [2] социально-рыночного развития России на базе смешанной экономики и механизма ГЧП и формировании адекватной этой модели развития системы управления.

3. В стране отсутствует единая схема развития и размещения производительных сил, крупные частные предприятия, да и госкорпорации, занимаются, по сути, саморазвитием, и то без серьезного учета новейших технологически-инновационных достижений. Отсутствует в России и постоянный центр по разработке структурных реформ и формированию модели социально-рыночного хозяйства. Была попытка запустить центр рабочих реформ при правительстве РФ, но он не выдержал конкуренции с «ручным управлением». Теперь временно функционирует «Центр стратегических разработок» (ЦСР). Желательно сохранить такой Центр при Правительстве, придав ему координационные и конструктивные функции. При этом четко разграничить функции, права и ответственность федеральных, региональных и муниципальных властей, одновременно отработав условия и взаимодействие в решении вопросов, отнесенных к их совместному ведению.

4. Повышение эффективности госуправления в оптимизации, а по сути, в сокращении избыточных функций и избыточной численности госаппарата, в том числе за счет широкого внедрения цифровых технологий, одновременно необходимо провести анализ уровня квалификации имеющихся кадров, определить их соответствие целям, обеспечить переподготовку, а также подбор кадров на конкурсной основе путем экзаменов на право занимать соответствующую должность, включая и заключение психолога.

5. Отработать систему льгот и стимулов с учетом специфики приоритетных проектов. Установить базовую ставку зарплат и стимулирующие добавки в зависимости от достижения намеченных показателей в дорожной карте проекта, а также систему депремирования.

6. Необходимо постоянно осуществлять мониторинг качества государственного управления с использованием информационно-коммуникационных технологий. Качественное государственное управление предполагает использование программы административного реинжиниринга, использование механизмов, обеспечивающих качественное улучшение деятельности субъектов хозяйствования, оцениваемых системой показателей, включая стоимостные.

Литература

1. Абалкин, Л.И. Проблемы современной России. – Москва: ИЭ РАН, 2011. – 110 с.
2. Зельднер, А. Национальная модель социально-рыночного развития России на базе смешанной экономики и механизма государственно-частного партнерства. – Москва: Анкил, 2017. – 80 с.
3. Ли Куан, Ю. Сингапурская история: 1965-2000 гг. из третьего мира – в первый. – Москва: МГИМО-университет, 2010. – 656 с.
4. Очерки истории КПСС. – Москва: Политиздат, 1967. – 448 с.
5. Осипов, В. Проектно-функциональная структура управления для государственных органов / В. Осипов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3. – С. 219-230.
6. Парисон, И. Инвестиционный климат и перспективы экономического роста в России / Под ред. Е.Ясина. – Москва: ВШЭ, 2001. – С. 204-208.
7. Путин, В. Россия на рубеже тысячелетия. Независимая газета. – 30.12.1999.
8. Смотрицкая, И. Новая экономическая стратегия требует нового качества госуправления / И. Смотрицкая // Вестник института экономики РАН. – 2017. – № 5. – С. 7-22.

УДК 332.1

Людмила Николаевна Иванова-Швец, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова)
e-mail: ivanova_l_n@mail.ru

ФАКТОРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ИННОВАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена важностью определения факторов, ограничивающих инновационную активность регионов. Учет и нивелирование таких факторов может быть стимулом для реализации потенциальных возможностей инновационного прорыва регионов.

К основным **методам** исследования можно отнести: анализ, графический, детализация, группировка, системный. Системный подход позволил выявить основные аспекты проблемы и определить характер связей между свойствами и характеристиками объекта.

В статье рассмотрены и проанализированы политические, экономические, правовые, технологические, социально-культурные, организационно-управленческие факторы, влияющие на инновационную активность Федеральных округов России. Показана динамика инновационной активности регионов в течение последних лет, и выделены факторы, оказывающее негативное влияние на инновационную деятельность.

Материалы статьи могут быть использованы на региональном уровне для разработки и реализации программ инновационного развития, а также в научно-исследовательской работе по вопросам повышения инновационного развития территорий России.

Ключевые слова: инновационная активность, факторы, влияющие на инновационную активность Федеральных округов.

21 век – век инноваций. Инновации обладают способностью стремительно превращаться в результат, приносить дивиденды его обладателям, если для этого созданы соответствующие условия.

Инновационная среда должна способствовать приращению, распространению и внедрению инноваций. Этот процесс происходит во всех странах. В России он развивается, но не такими быстрыми темпами, как это происходит в других странах и как планируют на государственном уровне. Казалось бы, принимается много программ на федеральном и региональном уровнях, выделяются значительные финансовые ресурсы, но процесс идет медлен-

нее, чем хотелось бы. Одна из серьезных причин – влияние факторов, ограничивающих инновационную активность.

Инновационная активность в регионах Российской Федерации имеет свои особенности. Но единичными остаются такие базовые средства ее реализации, как законодательная база, наличие целевых программ.

Инновационная активность регионов зависит от многих факторов, которые условно можно разделить на политические, экономические, правовые, технологические, социально-культурные, организационно-управленческие (таблица 1).

Таблица 1. Факторы, влияющие на инновационную активность регионов

Факторы	Характеристика факторов
Политические	Инновационная политика государства Стимулирование конкретных инновационных проектов с помощью государственных заказов, субсидий, выделения грантов Создание благоприятного инновационного климата Создание условий для эффективного взаимодействия всех участников инновационного процесса
Экономические	Цикличность экономики Характер конкуренции Возможность получать дополнительную прибыль Открытость экономики
Правовые	Правовое регулирование интеллектуальной собственности Принятие федеральных и региональных программ, направленных на развитие инновационной экономики

Факторы	Характеристика факторов
Технологические	Недостаток инвестиций Износ основных фондов Технологическое отставание
Социально-культурные	Дисбаланс в структуре трудовых ресурсов Низкий уровень доходов Низкий престиж научного труда Сопrotивление изменениям
Организационно-управленческие	Недостаточные знания в области управления инновационной деятельностью Недостаточная компетентность и незаинтересованность управленческого звена Недостаток квалифицированного персонала
<i>Примечание:</i> составлено автором	

Все перечисленные факторы условно можно разделить на те, которые действуют на макроуровне, и те, которые должны работать на мезоуровне [1, 2]. Но отчасти такое деление может быть условным, так как среди факторов есть и те, которые оказывают влияние на инновационную активность, как на макро- так и на мезоуровне. Так, например, стимулирование конкретных инновационных проектов с помощью государственных заказов, субсидий, выделения грантов используется как на федеральном, так и на региональном

уровнях. Все они связаны между собой, но вместе с тем, регионы России находятся в разных условиях, имеют разные стартовые показатели, а также в неодинаковой мере используют предоставленные возможности из федерального центра и не задействуют свой потенциал для повышения инновационной активности.

Анализ данных Росстата по инновационной активности (таблица 2) дает возможность уточнить состояние инновационной активности организаций федеральных округов.

Таблица 2. Динамика показателей инновационной активности организаций по Федеральным округам за период 2010–2016 гг. (в %)

Федеральные округа	Годы			
	2010	2012	2014	2016
Центральный Федеральный округ	8,6	10,9	10,9	10,3
Северо-Западный Федеральный округ	9,4	11,0	10,3	8,3
Южный Федеральный округ	7,5	7,4	7,7	7,1
Северо-Кавказский Федеральный округ	6,2	6,4	6,5	2,9
Приволжский Федеральный округ	12,3	11,9	11,4	9,4
Уральский Федеральный округ	11,5	10,6	8,9	8,2
Сибирский Федеральный округ	8,2	8,5	8,8	6,9
Дальневосточный Федеральный округ	8,6	10,8	8,9	6,4
<i>Источник:</i> составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел «Инновации»				

Данные таблицы 2 демонстрируют постепенное снижение инновационной активности организаций по всем Федеральным округам. Снижение темпов роста инновационной активности отчасти объясняется включением в состав организаций определенных видов деятельности (строительство, животноводство). Тем не менее, можно наблюдать достаточно резкий спад инновационной актив-

сти, особенно в Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном Федеральных округах.

Рассматривая группу политических факторов, влияющих на инновационную активность, можно увидеть, что по такому фактору, как «Стимулирование конкретных инновационных проектов с помощью государственных заказов, субсидий, выделения грантов» все Федеральные округа по-

чти в два раза увеличили внутренние затраты на научные исследования и разработки (таблица 3), но это не способствовало повышению инновационной активности.

Таблица 3. Внутренние затраты на научные исследования и разработки по Федеральным округам Российской Федерации (млн руб.)

Федеральные округа	Годы			
	2010	2012	2014	2016
Центральный Федеральный округ	288960,04	369069,5	447161,2	491139,8
Северо-Западный Федеральный округ	70737,3	100002,7	118612,3	131973,6
Южный Федеральный округ	13027,3	18618,0	30053,6	25797,0
Северо-Кавказский Федеральный округ	2639,8	3448,1	4197,3	4397,3
Приволжский Федеральный округ	74942,4	109155,0	126552,5	147735,0
Уральский Федеральный округ	29441,8	40420,2	48800,0	63655,2
Сибирский Федеральный округ	33870,02	47011,7	58435,9	63958,6
Дальневосточный Федеральный округ	9758,76	12144,6	н/д	н/д
<i>Источник:</i> составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел «Наука»				

Скорее всего, к такому состоянию могли привести те факторы, которые сложно просчитать, но которые являются весьма значимыми для развития инновационной активности: недостаточно благоприятный инвестиционный климат, неблагоприятные условия для взаимодействия участников инновационного процесса в регионе.

Группа экономических факторов, влияющих на инновационную активность, действует в основном на макроуровне, но негативные последствия прояв-

ляются на мезоуровне. Кризисные явления в экономике приводят к снижению прибыли, а, следовательно, и к снижению инвестиций и низкой доле затрат на инновационную (наукоемкую) продукцию в регионах России [2, 3, 5, 7]. Об этом свидетельствуют и статистические данные (таблица 4), где можно видеть, что некоторые Федеральные округа из-за кризиса 2013-2014 года снизили темпы производства инновационных товаров, работ, услуг (Центральный ФО, Северо-Кавказский ФО).

Таблица 4. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (в %)

Федеральные округа	Годы			
	2010	2012	2014	2016
Центральный Федеральный округ	4,3	10,2	9,6	11,6
Северо-Западный Федеральный округ	4,1	7,3	8,1	5,1
Южный Федеральный округ	6,5	3,0	4,8	8,4
Северо-Кавказский Федеральный округ	8,5	7,8	7,6	6,4
Приволжский Федеральный округ	10,2	12,7	13,8	14,1
Уральский Федеральный округ	2,2	2,1	2,3	4,4
Сибирский Федеральный округ	1,5	2,7	3,5	3,5

Федеральные округа	Годы			
	2010	2012	2014	2016
Дальневосточный Федеральный округ	1,5	22,6	25,0	3,1

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел «Иновации»](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел%20«Иновации»)

В целом, такие экономические факторы, как цикличность, открытость экономики, имеющие макроэкономическую природу, отчасти препятствуют оптимальному решению поставленных задач не только на региональном уровне, но и на федеральном [9].

Правовые факторы играют первостепенную роль в развитии инновационной активности. За последние 3-4 года приняты важные нормативно-правовые документы регулирования и программы развития инновационной деятельности. Основными из них являются: ФЗ от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017), Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденная приказом Минэкономразвития России от 9 июня 2017 г. N 285 и другие.

Обычно выделяют три уровня нормативно-правового регулирования инновационной деятельности:

- к первому уровню относятся федеральные и региональные законодательные акты;
- второй уровень включает подзаконные нормативно-правовые акты;
- на третьем уровне находятся локальные акты, принимаемые субъектами инновационной деятельности.

Все субъекты Российской Федерации в своей нормативно-правовой базе в зависимости от специфики региона учитывают федеральные законодательные и подзаконные нормативно-правовые акты. Для эффективного развития инновационной активности на региональном уровне в законодательстве отдельных регионов предусмотрено создание специализированных координационных центров, экспертных советов и рабочих групп [6, 11]. Недостаточная активность и профессионализм руководителей специализированных подразделений тормозит развитие инновационной активности регионов. Это негативно сказывается на финансовой обеспеченности инновационных проектов, выходе на международный уровень, развитии инновационного малого предпринимательства.

Одним из важных направлений правового обеспечения инновационной деятельности является

защита интеллектуальной собственности, под которой понимается совокупность авторских и других прав на результаты этой деятельности, охраняемые законодательными актами государства. По данным Росстата, на период с 2010 по 2016 год использование объектов интеллектуальной собственности (включая изобретения, полезные модели, промышленные образцы, базы данных, программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем) выросло на 13 155 ед., с 19601 ед. до 32 756 ед. [4]. Основной объем и рост использования объектов интеллектуальной собственности приходится на Центральный, Северо-Западный и Приволжский Федеральные округа. Это свидетельствует об очень низком уровне использования объектов интеллектуальной собственности.

Технологические факторы, тормозящие развитие инновационной активности – это, в целом, проблема отставания экономики России от развитых экономик других стран. В России преобладают технологии четвертого и пятого технологических укладов, и современный технологический уровень российской промышленности определяет низкую инновационную активность [4, 7, 10]. Так, по данным Росстата, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в целом по России составляет всего 7,3% в 2016 году, в то время как в странах ЕС этот показатель доходит до 50%. За период с 2010 года удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации не только не повысился, а сократился на 0,6% (таблица 5).

Только в Центральном Федеральном округе этот показатель вырос, а во всех остальных Федеральных округах удельный вес таких организаций сократился. Это может привести к серьезным последствиям для нашей страны, потере конкурентоспособности многих российских предприятий не только на международном, но и на внутреннем рынке.

Особое влияние на инновационную активность оказывают социально-культурные и организационно-управленческие факторы. Они тормозят инновационную активность как на макроуровне, так и на мезоуровне. На макроуровне проявляются общие закономерности: низкий уровень доходов, несбалансированный рынок труда, низкий престиж научного труда, сопротивление изменениям со стороны не только рядовых работников, но и управленческого звена, как бизнеса, так и государственных структур.

Таблица 5. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации за период 2010–2016 гг. (в %)

Федеральные округа	Годы			
	2010	2012	2014	2016
Центральный Федеральный округ	7,3	9,7	9,8	9,0
Северо-Западный Федеральный округ	7,6	9,5	8,9	7,1
Южный Федеральный округ	6,2	6,3	6,6	6,2
Северо-Кавказский Федеральный округ	5,0	5,6	5,8	2,6
Приволжский Федеральный округ	10,2	10,8	10,4	8,4
Уральский Федеральный округ	9,6	9,0	7,1	6,5
Сибирский Федеральный округ	6,8	7,7	7,9	6,0
Дальневосточный Федеральный округ	7,0	9,6	7,9	5,7
<i>Источник:</i> составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел «Иновации»				

тур. А низкая квалификация, некомпетентность всех категорий работников ограничивает развитие инновационной активности. Если рассмотреть одни из самых важных показателей, влияющих на инновационную активность: численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, и численность исследователей по областям наук, то можно констатировать, что в целом в России по

первому показателю снизилась численность, по всем Федеральным округам численность этих категорий с 2010 года незначительно меняется (таблица 6 и таблица 7).

С одной стороны, неблагоприятное сочетание негативных факторов, влияющих на инновационную активность на уровне территорий, не может быть преодолено самими территориями.

Таблица 6. Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками за период 2010–2016 гг. (человек)

Федеральные округа	Годы	
	2010	2016
Российская Федерация	736540	72229
Центральный Федеральный округ	381795	372293
Северо-Западный Федеральный округ	95826	95118
Южный Федеральный округ	28109	28011
Северо-Кавказский Федеральный округ	6053	76556
Приволжский Федеральный округ	1162852	104304
Уральский Федеральный округ	42672	46437
Сибирский Федеральный округ	53024	5528
Дальневосточный Федеральный округ	127760	н/д
<i>Источник:</i> составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел «Наука»		

Таблица 7. Динамика численности исследователей по областям наук за период 2010–2016 гг. (человек)

Федеральные округа	Годы	
	2010	2016
Российская Федерация	105114	108388
Центральный Федеральный округ	611133	56828
Северо-Западный Федеральный округ	13538	12784
Южный Федеральный округ	3145	5011
Северо-Кавказский Федеральный округ	1877	3513
Приволжский Федеральный округ	7877	92504
Уральский Федеральный округ	3591	4883
Сибирский Федеральный округ	10683	11965
Дальневосточный Федеральный округ	3290	н/д
<i>Источник:</i> составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#раздел «Наука»		

Это должно решаться на федеральном уровне и затрагивать те направления, по которым федеральный центр несет основную ответственность: решение правовых, экономических, социально-культурных вопросов. Они должны быть катализатором положительных изменений в инновационной политике. Каждый регион сам должен определять, какие факторы в наибольшей степени тормозят инновационную активность, и формировать свои программы инновационного развития с учетом преодоления этих факторов. А органы

государственной власти могут решать вопросы о предоставлении регионам дополнительных ресурсов, оказания помощи, не только финансовой, но и консультативной, правовой.

Устранение или снижение влияния негативных факторов на инновационную активность регионов является важнейшей задачей государства. Это будет способствовать преодолению технологического отставания, повышению конкурентоспособности и развитию инновационной экономики на всей территории России.

Литература

1. Авдониная, С.Г. Факторы инновационной активности предприятий / С.Г. Авдониная // Экономические науки. – 2010. – № 6 (67). – С. 49-52.
2. Астапенко, М.С. Пространственное развитие экономики России в условиях формирования национальной инновационной системы / М.С. Астапенко, Е.Ф. Никитская // Управление экономическими системами. – 2017. – № 3. – С. 17.
3. Боброва, В.В. Классификация факторов, определяющих эффективность экономической деятельности территориальных образований / В.В. Боброва, С.Г. Орлов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 10. – С. 15-18.
4. Гришин В.И., Гагарина Г.Ю. Российское экономическое пространство: проблемы и перспективы реструктуризации: монография / В.И. Гришин, Г.Ю. Гагарина. – Москва: ИНФРА-М, 2013. – 187 с.
5. Земцов, С.П. Факторы региональной инновационной активности: анализ теоретических и эмпирических исследований / С.П. Земцов, В.А. Барина, А.К. Мурадов // Инновации. – 2016. – № 5 (211). – С. 41-51.
6. Кабачевская, Е.А. Нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности / Е.А. Кабачевская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 41. – С. 110-115. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56927.htm> – (дата обращения: 20.05.2018).
7. Макарова, Е.С. Классификация факторов инновационного потенциала региона / Е.С. Макарова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2012. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2012/01/319> – (дата обращения: 20.02.2018).
8. Осипов, В.С. Стратегическое значение территорий опережающего развития для экономики страны / В.С. Осипов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2016. – № (19). – С. 5-12.

9. Осипова, О.Н. Оценка и классификация факторов, сдерживающих инновационную восприимчивость региона / О.Н. Осипова, Н.С. Бороздина // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2011. – № 2 (26). – С. 58-63.

10. Чайран, Ю.А. Факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности / Ю.А. Чайран, Г.Я. Белякова // Креативная экономика. – 2014. – № 11 (95). – С. 162-170.

11. Чистов, И.В. Анализ нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации / И.В. Чистов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2012. – № 1. – С. 58-64.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00986 А «Исследование институциональных условий и организационно-экономических механизмов преодоления инновационного торможения на региональном и муниципальном уровнях» (2018–2020 гг.).

УДК 622.276

Кегеван Владимировна Кикилашвили, аспирант кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
email: kikilashvili@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИИ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ И СССР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Выявление закономерностей развития нефтяной отрасли во взаимосвязи с развитием национальной экономики в целом **актуально** для выработки рекомендаций по стратегическому управлению развития как самой отрасли, так и всей экономики нашей страны. В качестве отдельных периодов для изучения данных закономерностей целесообразно рассмотреть периоды трансформаций нефтяной промышленности с их последующей сравнительной оценкой в разные исторические периоды.

Целью работы было выявление наиболее эффективных трансформаций нефтяной отрасли с начала советского периода истории до настоящего времени.

Под трансформациями национальной нефтяной отрасли автор понимает взаимосвязанные организационно-структурные, управленческие, инновационно-технологические, территориальные (региональные) изменения, а также взаимосвязанные изменения в разведке, добыче, транспортировке, переработке, хранении и снабжении нефти и нефтепродуктов, вызванные либо общеэкономическими интересами повышения эффективности производства, реализация которых становится доступна при появлении новых технологий разведки, добычи, транспортировки, хранения, снабжения и переработки, либо необходимостью резкого увеличения производства и/или изменения качества продукции, связанной с новыми задачами развития энергопотребления.

Методической основой исследования являлся комплексный анализ нефтяной отрасли по совокупности показателей в контексте динамики развития отечественной экономики в целом. На его основе в работе проводится выделение исторических периодов и сравнительный анализ основных характеристик трансформаций нефтяной отрасли СССР и Российской Федерации.

Показано, что наиболее эффективной для развития отрасли и экономики страны в целом была послевоенная инновационно-технологическая и региональная трансформация, характеризующаяся, прежде всего, как смещение центра добычи нефти с Кавказа в Волго-Уральский регион и обеспечение формирования современной, опирающейся в значительной степени на нефть национальной экономики.

Результаты исследований могут быть использованы для учета в стратегическом управлении развитием нефтяной отрасли России на долгосрочный период.

Ключевые слова: нефтяная отрасль, трансформация, организация, управление, инновации, технологии, экономика СССР, экономика Российской Федерации.

Наступившее сложное для России время международного обострения, сопровождающееся как экономическими, так и технологическими санкциями, побуждает обратиться к опыту советского времени (от «молодой республики в кольце врагов» до «холодной войны» и противостояния хоть только в военной сфере, но паритетов), когда, несмотря на колоссальное, далеко превосходящее нынешний уровень внешнее давление, экономика в целом не просто росла, но и росла большую часть советского периода истории темпами, опережающими мировые.

Согласно заявлению министра финансов РФ А.Г. Силуанова, доходы нефтегазового сектора России составили 40 % доходов федерального бюджета в 2017 году (ТАСС, 28.12.2017). Кроме того, добыча нефти, газа и других полезных ископаемых, а также продажа продуктов нефтепереработки продолжают обеспечивать более 60 % всех поступлений от экспорта, более трети сальдированного финансового результата в экономике. В то же время в нефтегазовой отрасли сосредоточено более 20 % всей

задолженности по обязательствам (Бюллетень Института экономики роста имени П.А. Столыпина, январь 2018). То есть, нефтяная отрасль – главный наполнитель бюджета, требующий, однако, беспрестанно возрастающих не всегда пропорционально инвестиций. Задачей, которую ставит перед собой автор, является выяснение того, развитие нефтяной отрасли какого периода истории, советского или российского, является более успешным и эффективным как для самой российской «нефтянки», являющейся частью глобальной нефтяной промышленности, так и для российской экономики в целом. Успешность в данном контексте следует понимать как величину показателей работы отрасли, а эффективность – уровень финансовых, кадровых и иных затрат на показатели.

Экономическое развитие мира и страны неравномерно, как и развитие любой отрасли на глобальном и национальном уровнях. При устаревании структуры, кадрового и технологического содержания отрасли или/и при появлении новых к ней задач возникает потребность в ее трансформации. Об-

ращение к отраслевым трансформациям, в общем понимании этого слова, направленным изменениям отрасли по одному или нескольким направлениям для достижения решения вышеобозначенной сверхзадачи оправдано тем, что успешность трансформации определяется (как правило) ростом объемов производства, а ее эффективность – отношением этого роста на величину затраченных кадровых, организационных и финансовых затрат.

На взгляд автора, именно сравнение трансформаций одного периода истории с трансформациями другого позволит дать более точную картину сравнительной успешности и эффективности работы отрасли в эти периоды, чем любой иной подход.

Однако сравнения трансформаций российского и советского периода только между собой не даст полную картину для понимания того, какой период был наиболее успешным и эффективным. Его необходимо дополнить сравнением текущих трансформаций на национальном уровне с таковыми на уровне глобальном, то есть, в основном, с тем, какие процессы идут у зарубежных лидеров отрасли. В сущности, глобальная (мировая) нефтяная отрасль также может рассматриваться в трансформационном ключе, и если, например, в одной стране (гипотетически) происходит трансформация от таргетирования к скоростному бурению, в то время как в другой или в группе передовых стран в уже активно осваивают технологически сложное шельфовое бурение, то такая трансформация может быть признана успешной и эффективной только на национальном, но никак не на глобальном уровне. Таким образом, сравнивая трансформации нефтяной отрасли современной России и СССР, мы всякий раз должны соотносить полученный результат с тем, насколько отечественные трансформации были успешными и эффективными относительно мирового уровня.

Глобальные трансформации отрасли или, в самом общем определении, глубокие структурные, институциональные, технологические, кадровые и другие изменения в ней, вызванные причинами глобального масштаба, то есть изменениями условий их функционирования, как объект исследования интересны, прежде всего, в плане изучения закономерностей долгосрочной динамики развития глобальной (мировой) экономики в целом. В связи с этим, выделение периодов основных глобальных трансформаций нефтяной отрасли как одной из ключевых отраслей в последнее столетие может представлять первоочередной интерес. В свою очередь, для решения этой задачи потребуются определение наиболее четких индикаторов начавшихся трансформаций.

В экономической теории термин «трансформационная экономика» (хотя вернее с точки зрения русского языка называть ее «трансформирующейся») характеризует «промежуточное» состояние общества, эпоху преобразований. Такую экономи-

ку называют еще переходной. Обычно этот термин применялся к постсоветским и бывшим социалистическим странам (в основном, Восточной Европы), экономика которых переходила в 1990-е годы от социалистических к рыночным формам хозяйствования, как правило, понимаемым в западной науке как «вестернизация» организации, управления, работы с кадрами.

В отношении трансформации собственно нефтяной отрасли экономики России по этому периоду можно выделить масштабную работу Сары Диксон «Organisational Transformation in the Russian Oil Industry» (2008) [17]. В ней процессы приватизации нефтяной отрасли новой России образования вертикально-интегрированных компаний рассматривалась как организационная трансформация, мерой успешности которой была, по мнению автора, степень освоения западных норм управления, организация, взаимодействия с персоналом, хозяйствования в целом.

Однако глобальные экономические трансформации были и ранее и будут и впредь. Наиболее системный взгляд на них, исходя из глобального инновационно-технологического развития, предлагает теория длинных циклов Н.Д. Кондратьева [4].

Если попытаться определить строго, то под трансформациями национальной нефтяной отрасли автор понимает взаимосвязанные организационно-структурные, управленческие, инновационно-технологические, территориальные (региональные) изменения, а также взаимосвязанные изменения в разведке, добыче, транспортировке, переработке, хранении и снабжении нефти и нефтепродуктов, вызванные либо общеэкономическими интересами повышения эффективности производства, реализация которых становится доступна при появлении новых технологий разведки, добычи, транспортировки, хранения, снабжения и переработки, либо необходимостью резкого увеличения производства и/или изменения качества продукции, связанной с новыми задачами развития энергопотребления. Ввиду нелинейного развития экономики, технологий, общества а также внутри- и вне-политической ситуации эти изменения естественным образом сконцентрированы в определенные периоды трансформаций.

Автор выделяет следующие периоды трансформаций нефтяной отрасли СССР – России, выделяя их сущность и останавливаясь на ключевых из них подробно.

Первая трансформация: с 1920 по 1928 годы. Данный период характеризуется восстановлением отрасли после Гражданской войны, организационной (централизацией на общегосударственном уровне, а на местах, формированием трестов и введение «американской» культуры работы) и технологической модернизации. Добыча шла в основном в традиционных районах: в Азербайджане и на Северном Кавказе. Период характеризовался ак-

тивной ориентацией продукции отрасли на экспорт и налаживание соответствующей инфраструктуры.

Эпоха НЭПа принципиально не повлияла на нефтяную промышленность в плане обращения ее к частному или зарубежному капитализму. Лишь на Сахалине в 1925 году шла добыча нефти по концессии с японцами, однако, львиная доля производства и экспорта находилась в руках государства. С 12 сентября 1923 года Синдикат нефтяной промышленности (Нефтесиндикат) являлся монопольным органом по реализации нефти как на внутреннем, так и на внешнем рынках с непосредственным подчинением ВСНХ СССР в лице Главного управления по топливу ВСНХ СССР (ГУТ). В 1920-х годах экспорт нефти и нефтепродуктов был одной из главных статей экспорта из СССР [7].

Вторая трансформация: с 1928 по 1937 год. В контексте ускоренной индустриализации экономики СССР нефть и нефтепродукты постепенно стали все более нужны в отечественном хозяйстве. Период характеризуется развитием нефтепереработки, строительством НПЗ, освоением западных и созданием собственных технологий, постепенным сворачиванием экспортной ориентации отрасли, разворачиванием научных исследований в сфере нефтепереработки и нефтехимии.

После ликвидации Нефтесиндиката в 1930 году для торговли нефтью за рубежом было создано специальное государственное объединение «Нефтеэкспорт», подчиненное Наркомату внешней торговли. К 1928 году структура мирового нефтеэкспорта существенно изменилась по сравнению с довоенным временем и существенно отличалась от структуры нефтеэкспорта СССР. Доля керосина на международном рынке за 15 лет упала втрое и составляла 9,3 %, хотя в советском нефтеэкспорте керосин занимал почти четверть объема – 24,3 %. Мировой экспорт бензина увеличился вдвое и практически весь бензин, произведенный в Советском Союзе, отправлялся за границу [7].

Третья трансформация: с 1943 (или 1942) по

1955 годы. Период проходит в контексте восстановления и развития послевоенной экономики, обеспечения «советского экономического чуда» 1950-х годов, укрепления обороноспособности страны (создается массовый танковый и машинный парк ВС). Идет освоение новых районов добычи (Волга-Урал), резкое увеличение объемов добычи и переработки, создание самостоятельного производства.

Примечательная черта третьей трансформации – ее технологическая насыщенность, причем за счет собственных сил. До и сразу после Великой Отечественной войны в стране не выпускались комплектные буровые установки, изготавливались лишь отдельные их части: лебедки, роторы, насосы, вертлюги, крюки и т. д. Однако в 1945 г. на «Уралмашзаводе» было начато производство буровых установок, и к концу года были изготовлены три первые отечественные комплектные буровые установки «Уралмаш-1М». В 1946 году на базе «Уралмашзавода» создано конструкторское бюро нефтепромыслового оборудования. В 1946 г. было произведено 128 буровых установок, в 1947 г. – 284, а в 1948 г. – уже 298 [13]. В 1959 году на «Уралмашзаводе» создан первый в стране заводской НИИ, в котором был предусмотрен отдел главного конструктора буровых установок.

Для более глубокого бурения в 1963 г. на «Уралмашзаводе» были созданы две новые буровые установки – «Уралмаш-300Э» и «Уралмаш-300ДЭ», способные бурить на глубину в 8 км, а в 1972 г. – установка для бурения сверхглубоких скважин «Уралмаш-15000». На Кольском полуострове этой установкой был установлен мировой рекорд глубины бурения (12 262 м). В 1977 г. была выпущена первая партия установок для бурения скважин на нефть и газ («кустом» с одной точки [13].

Итогом первых трех трансформаций стало закрепление России в статусе нефтяной державы.

На рисунке 1 представлена динамика добычи нефти, производства стали и общего роста ВВП СССР в 1928–1975 годах.

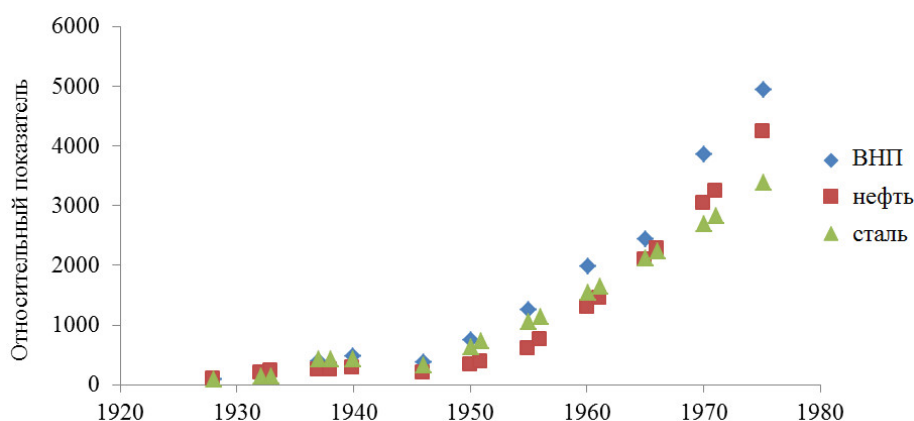

Рисунок 1. Рост ВВП [14], добычи нефти и производства стали в 1928–1975 годах в СССР (уровни 1928 года всех показателей приняты за 100)

Как видно из рисунка, динамика роста как ВВП в целом, так и показателей ключевых отраслей отечественной промышленности в советский период были сходными. Однако при детальном рассмотрении выявляется период ускорения роста

нефтяной отрасли по отношению к экономике в целом, в то время как помимо стали в качестве одного из основных ее продуктов, очевидно, появляются и другие, более современные приоритеты (таблица 1).

Таблица 1. Показатели добычи нефти и производства стали в СССР относительно уровня ВВП (уровни 1928 года всех показателей приняты за 100)

Год	Отношение уровня добычи нефти к уровню ВВП	Отношение уровня производства стали к уровню ВВП
1928	1,00	1,00
1932	0,99	0,74
1937	0,62	1,04
1940	0,57	0,90
1946	0,50	0,82
1950	0,44	0,86
1955	0,48	0,83
1960	0,64	0,76
1965	0,86	0,87
1970	0,79	0,70
1975	0,85	0,69

Из таблицы 1 видно, что минимальный уровень роста добычи нефти по отношению к росту ВВП наблюдается в 1950 году, как раз в начале фазы третьей трансформации, а результатом третьей трансформации стало превращение СССР в настоящую «нефтяную» державу уже к 1965 году (что интересно, перед активным освоением месторождений Западной Сибири).

Таким образом, первые трансформации нефтяной отрасли советского периода были совокупно и каждая в отдельности успешными и достаточно эффективными, однако, развитие отрасли было все еще не достаточным для выхода страны в клуб держав с «нефтяным» укладом экономики. Нефтепродукты использовались для тяжелой, в т. ч. военной техники, личных автомобилей было немного относительно западных стран и, прежде всего, США. Наиболее успешной с технологической точки зрения была третья выделенная автором трансформация, фактически направившая отрасль на путь обеспечения строительства в СССР экономики, соответствующей уровню развитых стран. Эта трансформация была сбалансирована в кадровом и в научном отношении.

Четвертая трансформация: 1960-е – начало 1970-х годов. Освоение Западно-Сибирской нефти. Резкое увеличение производства машин и автомобилей и необходимость пополнения валютных запасов страны для устранения дефицита продоволь-

ствия и современных технологий. Идет освоение трубопроводной системы «Дружба» и строительство трубопроводной системы «Дружба-2». СССР становится одним из ключевых игроков мирового нефтяного рынка. Формируется масштабно-экстенсивный подход к добыче с постепенным технологическим отставанием от зарубежных конкурентов (в добыче и отрасли в целом).

Трансформация сулила (и на первых порах – дала) огромные объемы добычи, прибыли, способствовала развитию трубопроводного транспорта, но в итоге не стала успешной. Более того, отдаленные последствия трансформации привели к печальным итогам.

После открытия сверхбогатых месторождения сибирской нефти, стали безудержно наращивать добычу и экспорт нефти, а о геологоразведке и развитии инфраструктуры часто забывали. Месторождения разрабатывали недопустимо высокими темпами, и ценнейшие из них загубили. На сверхмощном месторождении Самотлора при начальных запасах нефти 6,5 млрд тонн пик добычи (154 млн тонн) пришелся уже на 1980 год. Месторождение кормило почти всю страну: на заработанные им нефтедоллары за рубежом приобретались продукты питания и потребительские товары. Затем, уже в 1980-х добыча на Самотлоре стала быстро падать: до 60 млн тонн в 1990 году и 20 млн тонн в 1995 году [19].

Структура новых запасов ухудшалась: нефть оказывалась все более вязкой, залегала все глубже, крупные открытия делались все реже, запуск новых месторождений обходился все дороже. Если в 1975 году новая скважина в Тюменской области давала 138 тонн нефти в сутки, то в 1994 году – лишь 10-12 тонн [1].

Е.Т. Гайдар приводит [3] красноречивые выдержки из стенограммы совещания 17 сентября 1990 г., на котором Председатель Совмина СССР

говорил, что добыча нефти в 1975-1990 гг. колебалась в пределах 500-600 млн т, а капиталовложения за этот период выросли в 4 раза – с 3,8 млрд руб. до 17 млрд руб. в 1991 г. При этом резко упала эффективность добычи – число скважин на 1 млн т добычи увеличилось в 10 раз – с 16 в 1975 г. до 165 в 1990 г., а количество метров бурения также выросло в 10 раз. Сама же добыча нефти к концу 1980-х вследствие «хищнического» ее метода начала падать (таблица 2).

Таблица 2. Средний дебит нефтяных скважин в СССР и РСФСР в 1975–1990 гг., т/мес.

Показатели	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	Отношение уровня 1990 г. к 1975 г.
СССР							
Все скважины	652,2	621,1	447,8	368,4	338,7	314,4	0,48
Новые скважины	1755,8	1167,3	808,4	609,5	549,9	518,1	0,3
РСФСР							
Все скважины	882,7	828,8	555,0	429,1	394,5	354,2	0,4
Новые скважины	1873,6	1214,7	851,9	627,7	566,3	522,1	0,28
<i>Источник:</i> Топливо-энергетический комплекс СССР 1988 г. – Москва: ВНИИКТЭП, 1989. – С. 127; Топливо-энергетический комплекс СССР 1990 г. – Москва: ВНИИКТЭП, 1991. – С. 140–141; период после последней советской «западно-сибирской» трансформации нефтяной отрасли.							

Данные таблицы являются дополнительным, но наглядным (правый столбец) свидетельством неуклонности трансформации в плане снижения эффективности добычи за счет ставки на «сверхэкстенсивное» освоение нефтяных богатств.

В 1991 г. положение еще более ухудшилось, руководство отрасли констатировало, что вследствие отставания в развитии машиностроительной базы и невыполнения договорных обязательств предприятиями-поставщиками потребности отрасли в основном оборудовании и материалах были удовлетворены только на 50-60%. В 2 раза упали поставки труб по импорту, так как валюты вследствие падения цен на нефть также стало меньше, наблюдался простой 22 тыс. нефтяных скважин, в связи с истощением запасов ежегодно выбывают мощности по добыче почти 100 млн тонн нефти, дебиты скважин снизились более чем в два раза за последние годы, обводненность продукции возросла до 80%, снижаются другие экономические показатели, и все это при удвоении удельных затрат на создание новых мощностей [3].

Во времена позднего СССР нефтедобывающие предприятия применяли существующие на тот момент простые технологии первичной и вторичной разработки нефтяных месторождений. Предприятия зависели от технологий СССР, подводных трубопроводов и, кроме всего прочего, от распоряже-

ний правительства СССР. Хотя в развитие системы и вкладывались большие средства, в существовавших условиях не было стимулов к улучшению используемых технологий и серьезным инвестициям в новую технику, так как была установлена слишком низкая цена. Нефтедобывающие предприятия СССР не могли планировать добычу на перспективу. Лучше быстро добыть сейчас, разрушив месторождение и разлив нефть, чем добывать медленнее, но зато максимально увеличить объем. Снижение добычи произошло из-за нехватки нефти, а отсутствие эффективных технологий помешало решить проблему. В конце концов, если бы у СССР было в 10 раз больше нефти, чем в Западной Сибири, «удушающего» СССР кризиса, скорее всего, не произошло [12].

Собственные разработки откладывались в «долгий ящик», так технология гидроразрыва пластов, разработанная в общих чертах еще 1950-х годах в СССР, оказалась невостребованной, сегодня приходится закупать ее за рубежом, и это в условиях наступившего режима санкций [15]. Экстенсивно разрабатывались фонтанирующие нефтяные гиганты, а средние и мелкие месторождения практически не разрабатывались, о повышении нефтеотдачи не думали.

Нефтеперерабатывающие заводы не стали логикой технологического развития отрасли, да

и сами по себе не могли быть ими, поскольку личные автомобили в СССР были роскошью, грузовой парк превалировал, а эти машины использовали низкооктановый бензин или мазут. НПЗ в основном были старыми, их вводили в эксплуатацию в основном с конца 1940-х до середины 1960-х годов, а после 1966 года построили всего 7 новых заводов (из них 6 – на территории союзных с РСФСР республик). К концу эпохи СССР в России остались самые старые предприятия с низкой глубиной переработки – около 67% против 85-95% в развитых странах («Нефтепереработка в России: состояние и перспективы развития» – обзор Центра макроэкономических исследований компании БДО Юникон, 2007). Они поставляли первичные нефтепродукты, которые доводили до кондиции уже в странах-потребителях.

В 1970–1986 годах темпы роста капитальных вложений в нефтяную и газовую промышленность были существенно (до 3-5 раз) выше, чем в среднем по всему народному хозяйству. В 1970–1973 годах, то есть до энергетического кризиса, доля нефтяной промышленности в капиталовложениях всей промышленности колебалась в пределах 8,8-9,3%, а в 1986-м она составила 19,5%. При этом добыча нефти давалась все труднее. Большая часть капитальных вложений шла на поддержание достигнутого уровня добычи. В 1966–1970 годах эти цели требовали менее половины всех капиталовложений нефтедобывающей промышленности, в девятой пятилетке (1971–1975 гг.) доля составила уже 64%, в десятой (1976–1980 гг.) – 77% [2]. Удельные капиталовложения на одну тонну новой мощности выросли с 21,3 руб. в 1975 году до 97,1 руб. в 1988-м; далее экспертная комиссия Госплана СССР намечала экспоненциальный рост. Естественно, что прогнозировалось и сокращение инвестиций в жилищное строительство, непроектную сферу, экологию.

В целом, западно-сибирская трансформация нефтяной отрасли оказалась неудачной. В 1987-м на совещании экономистов один из работников Госплана СССР заметил: «Не будь нефти Самотлора, жизнь заставила бы начать перестройку экономики еще лет 10-15 назад» [2].

Пятая трансформация: 1991–2003 годы. Коренной перелом в государственном устройстве, кризис отрасли, период достаточно низких мировых цен на нефть, приватизации отрасли, попытки привлечения иностранного капитала, технологическое обновление за счет иностранных технологий. Коренные организационные изменения создают (в основном, частные) вертикально-интегрированные нефтяные компании, которые «захватывают» почти весь рынок российской нефти. Технологическое обновление добычи и нефтепереработки.

Главной причиной подъема нефтепроизводства на постсоветском пространстве стало изменение

соотношения цены энергии и труда, изменение в правах на собственность и изменение глобальной структуры рынка, стоящей за этой технологией.

Вертикально-интегрированные компании (сегодня их 11) захватывают к началу 2000-х годов 80% добычи. С организационной точки зрения, это революция – большие компании занимаются и разведкой, и добычей, и транспортировкой, и переработкой, и снабжением и даже продажей продуктов потребителю. Газовая реформа, сделавшая «Газпром» монополистом в сфере экспорта газа, упростила отношения между ним и другими газовыми компаниями донельзя: с середины 2000-х годов последние должны продавать топливо «Газпрому», а тот, используя свою систему магистральных газопроводов, отправляет его на экспорт. В нефтяной отрасли тоже есть свой трубопроводный монополист – «Транснефть», но он саму нефть у производителей не выкупает, а только берет плату за транзит. С одной стороны, это позволяет нефтяникам получить дополнительную прибыль, с другой – вынуждает их искать клиентов самостоятельно.

Шестая трансформация: с 2004 года до середины 2010-х годов. Рост цен на нефть и необходимость масштабных реформ в управлении и экономике страны в целом создал условия для увеличения доли государства в нефтебизнесе (стремительный «взлет» «Роснефти»). Развитие экспортной ориентации отрасли. Нефть и газ становятся главными «наполнителями» бюджета. При этом, однако, собственное технологическое развитие отрасли стагнирует, разведка и освоение новых месторождений ведется за счет в основном импортных технологий.

Рост инвестиций в добычу составил почти 9 [9] раз, но ценовой эквивалент рубля уменьшился в 4,5 раза с 2000 по 2014 годы, поэтому реальный рост инвестиций за 15 лет не более чем в 2 раза.

Шестую трансформацию по своей эффективности можно сравнить с четвертой, и это является тревожным фактом. Но последствия шестой трансформации могут в полной мере проявиться уже в ходе наступившей седьмой.

Седьмая трансформация: с середины 2010-х годов и на предстоящий период. На фоне экономических и технологических санкций и необходимости освоения труднодоступной и трудноизвлекаемой нефти Арктики и Восточной Сибири отрасль столкнулась с недостаточностью поддержки и внедрения собственных инноваций на пути вынужденного импортозамещения.

К середине 2010-х стало ясно, что «полужесткий», с опорой на зарубежные технологии, путь освоения отечественных нефтяных запасов близок к своему тупику. Так, несмотря на существенный прирост числа новых скважин в 2016 г. (а именно, на 15% по сравнению с 2015 г.), месторождения Западной Сибири продемонстрировали снижение добычи из-за сокращения эффективности бурения

и роста обводненности, повышения доли трудно-извлекаемых запасов (Нефтегазовый сектор: итоги 2016 года и текущая конъюнктура/ Национальное рейтинговое агентство, 2017).

По данным The Economist за 2010 год, в мире растёт стоимость добычи энергии, поскольку добыча уходит «вглубь», разрабатываются все более сложные месторождения, добывается все более трудноизвлекаемая нефть и требуется все больше энергии для того, чтобы добывать новую энергию. То есть, падает уровень возврата инвестиций в энергию [12]. Очевидно, что инвестиции должны расти опережающими темпами – это нормально. Но какова сфера вложения инвестиций?

Анализ советских и российских трансформаций показал, что наиболее эффективным периодом развития отрасли был послевоенный, опирающийся на масштабные инвестиции в человеческий капитал, исследования и инновации. Сравнение трансформаций последних 15 лет с позднесоветским периодом показывает значительную схожесть – возможно, с преимуществом у отрасли нынешнего этапа по сравнению с советским в организации и с недостатком в развитии нефтяной науки и, по крайней мере, создания собственных разработок, если не внедрения инноваций.

Даже в условиях относительно низкоинновационного (точнее, инновационного, но за счёт заимствованных инноваций) роста добычи, осуществляемого в последние годы, развитие экспорта стимулировало производство труб для трубопроводов, развитие морских портов (но, к сожалению, не собственное судостроение). Шельфовая добыча развита слабо, о строительстве собственных, полностью импортозамещённых платформ можно только мечтать.

В работах зарубежных экономистов отмечается, что страны «догоняющего развития», обладая «преимуществом отсталости» [18], могут не проделывать весь путь технико-экономического развития, который уже пройден странами мирового авангарда. Они могут решать задачи индустриализации и дальнейшего развития промышленности с помощью «активной диффузии новых технологий и других овеществлённых и неовеществлённых инноваций из центра мирового хозяйства к его периферии и притом все ускоряющимися темпами» [16]. Однако здоровый протекционизм способствует созданию и развитию промышленности или отдельных ее отраслей на этапе их зарождения и становления. Политика же свободной торговли также даёт результаты, но совсем на другом этапе, когда промышленность страны или отдельные ее отрасли развиваются настолько успешно, что для дальнейшего роста им становятся нужны новые и новые рынки [11]. Можно привести пример, что, когда в Бразилии государственная нефтяная компания Petrobras начала активно развивать добычу углеводородов на

шельфе, государство обязало ее закупать буровые и добывающие платформы, а также танкеры только на собственной территории. За десять лет ведущие корейские, китайские и японские компании совместно с бразильцами построили более десятка крупных современных верфей, а также заводов по производству комплектующих. В итоге Бразилия вошла в пятерку крупнейших стран с гражданским судостроением [11].

Тревожным является факт, что итоги шестой трансформации практически напоминают итоги четвертой. Зависимость отрасли от импортного оборудования и технологий значительно повысилась. Так, по горношахтному оборудованию она составляет 70 %, как и по нефтегазовому – 70 % (Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утв. 15.04.2014). Иностранные компании, специализирующиеся на производстве основного промышленного оборудования для нефтегазовой отрасли, пока не спешили размещать свое производство в России, предпочитая экспортные поставки [10].

Несмотря на отсутствие реальной добычи углеводородов на российском арктическом шельфе, «Роснефть» и «Газпром» сейчас имеют контроль над 80 % перспективных площадей. В случае если разработки все-таки начнутся, российским компаниям придется практически с нуля создавать и осваивать высокотехнологичное производство, что реально только в союзе с компетентными зарубежными партнерами. Это даёт уникальную возможность построения на российской территории новой индустрии.

СССР ещё в конце 1970-х стал одним из крупнейших импортеров западного оборудования – нефтегазового, трубопрокатного, энергетического, газо-, лесохимического и т.п. Эта ситуация «перешла» в постсоветскую Россию. В нефтепереработке наиболее проблемным с точки зрения отказа от импорта, конечно, является критическое емкостное реакторное оборудование и емкостное оборудование [8], работающее под высоким давлением и/или в сверхагрессивных средах. В текущих экономических условиях и вследствие ужесточения требований к качеству выпускаемых топлив, многие НПЗ России идут по пути развития глубокой переработки нефти, обращаясь к зарубежным лицензиарам таких технологий. Естественно, что при разработке подобной документации лицензиар ориентируется на зарубежные материалы, которые должны использоваться изготовителем. При этом несоблюдение требований спецификаций лицензиара приводит порой к самым плачевным последствиям для конечного заказчика, например, снятие гарантий. В подобной ситуации изготовитель вынужден изготавливать аппараты в соответствии с требованиями лицензиара по материальному исполнению, используя импортную сталь, сварочные матери-

лы и так далее. Высокая доля импорта характерна и для поставок внутренних устройств как для критического, так и прочего емкостного оборудования. Группы центробежных и поршневых компрессоров зависимы от импорта как минимум на 80 %. Причем как в случае центробежных, так и в случае поршневых компрессоров система управления для данных машин практически на 100 % будет импортной. Несмотря на общую высокую степень импорта, в нефтепереработке есть вид оборудования, по которому наблюдается реальная конкурентоспособность – российские поставщики и проектировщики способны спроектировать и поставить заказчику нагревательные печи, отвечающие всем самым жестким международным требованиям в области энергоэффективности, безопасности и экологии.

После внедрения санкций в 2014 году возникли непредвиденные препятствия для перехода к добыче углеводородов из трудноизвлекаемых запасов на небогатых месторождениях, шельфе Северного ледовитого океана, на сланцевых блоках. Реализация ряда крупных нефтегазовых проектов отложена. Так как традиционные участки к настоящему времени исчерпываются, складывающаяся ситуация может привести к снижению объемов добычи и ударить по экспортному потенциалу России. Под санкционный запрет попали, в том числе, такие товары, как буровое оборудование, электронасосы, морские платформы и другие компоненты для добычи. Кроме того, речь идет о прекращении поставок иностранной электроники, которой оснащаются морские платформы. При введении санкций был сделан акцент на блокировании поставок высокотехнологичной продукции, которая применяется при освоении трудноизвлекаемых запасов. По данным Центра международной торговли, ограничения охватили 68 % импортного оборудования. Для примера, половина жидкостных насосов для нефтедобывающего оборудования импортировалась до 2014 года из США, Германии, Италии и Украины. На поставки из КНР приходится 15 % насосного оборудования [6].

И это при том, что необходимость замены бурового парка является одной из основных проблем отрасли на сегодня. Из работающих сейчас 1,8 тыс. буровых комплексов порядка 40 % устарели, так как произведены в 1980-е годы. Адекватных предложений от отечественных производителей – и по качеству, и по количеству – пока не хватает. По данным Союза производителей нефтегазового оборудования, до введения антироссийских санкций порядка

80 % используемого в стране бурового оборудования поставляли иностранные компании [6]. Единственная в России буровая платформа «Приразломная» обслуживается российскими компаниями, но конструктивно на 90 % состоит из импортного оборудования.

Возникает естественный вопрос, что же нефтяная отрасль совсем не может претендовать на роль «локомотива развития» России? Ответ: может, но только в случае инновационно-опережающего развития и соответствующих инвестиций, сравнимых по относительным объемам с таковыми в ведущих странах Запада.

Показатель доли расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы к выручке от транспортировки ПАО «Транснефть» в 2015 г. составил 1,404 %, что почти в два раза превышает уровень конкурентов (в т.ч. зарубежных, и это позитивный, внушающий оптимизм показатель – «Сравнительный анализ ключевых показателей деятельности ПАО «Транснефть» и зарубежных трубопроводных компаний за 2014–2015 гг.»). Но при этом соотношение затрат на НИОКР и объемов годовой добычи в конце 2000-х годов у ведущих российских нефтяных компаний («Роснефть», «ЛУКОЙЛ») было в 2-4 раза ниже, чем у ведущих зарубежных [5]. Период санкций парадоксальным образом дает российской нефтяной отрасли инвариантный путь опоры на собственные инновации, что может способствовать ее будущему успеху.

Таким образом, выделенные в ходе работы периоды семи основных трансформаций отечественной нефтяной отрасли в последние 100 лет значительно имеют многочисленные черты сходства между собой как условий их осуществления, так и хода их реализации.

Сравнительный анализ трансформаций советского и современного периода показывает, что наиболее эффективной для развития отрасли и экономики страны в целом была послевоенная инновационно-технологическая и региональная трансформация, характеризующаяся, прежде всего, как смещение центра добычи нефти с Кавказа на Волго-Уральский регион и обеспечение формирования современной, опирающейся в значительной степени на нефть национальной экономики. Недостаток внимания к развитию инновационного процесса в отрасли за счет собственных разработок обуславливает более низкую эффективность как российских, так и других советских трансформаций.

Литература

1. Алекперов, В.Ю. Вертикально-интегрированные нефтяные компании России: монография / В.Ю. Алекперов. – Москва: АУТОПАН. 1996. – 294 с.
2. Арбатов, А.А., Смирнов В.С., Фейгин, В.И. Циклы нефтяной зависимости / А.А. Арбатов, В.С. Смирнов, В.И. Фейгин // Россия в глобальной политике. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 185-198.
3. Гайдар, Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп.: монография / Е.Т. Гайдар. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 448 с.

4. Глазьев, С.Ю., Харитонов, В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике: монография / С.Ю. Глазьев, В.В. Харитонов. – Москва: Тривант, 2009. – 304 с.
5. Гусейнов, Б.М. Инновационное развитие российских нефтегазовых компаний / Б.М. Гусейнов // Финансы и кредит. – 2011. – № 1. – С. 51-55.
6. Зеников, С. Производство бурового оборудования в России: импортозамещение как оно есть [Электронный ресурс] / С. Зеников // ПРОНЕДРА, 20.02.2017. – Режим доступа: <https://pronedra.ru/oil/2017/02/20/proizvodstvo-burovogo-oborudovaniya-v-rossii/> – (дата обращения: 1.04.2018).
7. Иголкин, А.А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток / А.А. Иголкин // Нефтяное хозяйство. – 2006. – № 9. – С. 139-141.
8. Импорт оборудования в нефтегазовую отрасль. Проблемы импортозамещения [Электронный ресурс] / Все о транспорте газа. – Режим доступа: <http://www.turbínist.ru/page,2,49492-import-oborudovaniya-v-neftegazovuyu-otrasl-problemy-importzamescheniya.html> – (дата обращения: 1.04.2018).
9. Кайзер, К.А. Оценка динамики инвестиций в проекты нефтедобычи в России в 2000-2014 гг. [Электронный ресурс] / К.А. Кайзер // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/02/10805> – (дата обращения: 20.02.2018).
10. Квашнина, И.А., Оболенский, В.П., Шуйский, В.П. Внешнеэкономические факторы модернизации российской экономики [Электронный ресурс] / И.А. Квашнина, В.П. Оболенский, В.П. Шуйский // Научный доклад. Отв. редактор В.П. Оболенский. Институт экономики РАН, 2013. – 55 с. – Режим доступа: https://inecon.org/docs/Obolensky_paper_2013.pdf – (дата обращения: 1.04.2018).
11. Лебедев В. Про бразильской системе [Электронный ресурс] / В. Лебедев. – Режим доступа: <http://mediator-rus.com/images/portfolio/investobzor/Invest-Expert-2013-2.pdf> – (дата обращения: 1.04.2018).
12. Мировую экономику ждет судьба СССР? [Электронный ресурс] / «БИЗНЕС Online», 6.06.2011. – Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/41443> <https://www.business-gazeta.ru/article/41443> – (дата обращения: 1.04.2018).
13. Пармухина, Е.Л. Развитие рынка наземных буровых установок в России / Е.Л. Пармухина // Территория Нефтегаз. – 2016. – № 3. – С. 25-27.
14. Пачин, Н. Был ли экономический рост СССР низким? [Электронный ресурс] / Н. Пачин // Информационно-дискуссионный портал «NEWSLAND», 05.12.2013. – Режим доступа: <https://newsland.com/user/4297798077/content/byl-li-ekonomicheskii-rost-sssr-nizkim/4549823> – (дата обращения: 1.04.2018).
15. Пусенкова, Н.Н. Российская нефтяная промышленность: двадцать лет, которые потрясли мир [Электронный ресурс] / Н.Н. Пусенкова // История новой России. – Режим доступа: <http://www.ru-90.ru/node/1319/> – (дата обращения: 1.04.2018).
16. Шишков, Ю.В. Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики: монография / Ю.В. Шишков. – Москва: ИМЭМО РАН, 2009. – 92 с.
17. Dixon, Sarah. Organizational Transformation in the Russian Oil Industry: монография / Sarah Dixon. – Centre for International Business. University of Leeds (CIBUL), UK, 2008. – 282 p.
18. Gerschenkron, A. Economic Backwardness in historical Perspective: монография / A. Gerschenkron. – Cambridge, Mass., 1962. – 456 p.
19. Gustafson, T. Crisis Amid Plenty. The Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev: монография / T. Gustafson. – Princeton University Press, US, 1989. – 387 p.

УДК 339.9

Дмитрий Анатольевич Кузин, кандидат экономических наук, начальник управления научных исследований, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
e-mail: starina84@mail.ru

Анатолий Сергеевич Кузин, ведущий инженер отдела управления имущественным комплексом, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: yas.aslk@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ

*Формирование многополярного мира подразумевает образование политико-экономических коалиций и союзов. Данный процесс активизировался в конце XX-го века в результате перехода стран бывшего социалистического лагеря от плановой экономики к рыночной. В этой связи считаем **актуальным** изучение факторов, оказывающих влияние на развитие экономики такого большого объединения республик, как СНГ. **Цель** выполняемого исследования заключается в измерении влияния макроэкономических факторов на развитие экономики стран СНГ. Для достижения поставленной цели использовались следующие **методы** научного познания: анализ и синтез, табличный и графический, корреляционно-регрессионный. К **основным результатам** проведенного исследования можно причислить следующие: экономики стран СНГ подвержены негативному влиянию мировых кризисов; члены союза значительно отстают от развитых стран по уровню ВВП на душу населения; факторами, сдерживающими рост экономики стран-участниц, являются высокая доля сельского хозяйства в экономике и значительная величина импорта. **Направление использования результатов:** полученные результаты исследования будут полезны, в первую очередь, ученым, занимающимся проблемой интеграции стран СНГ в международное пространство, а также государственным деятелям для проведения политики сближения стран-участниц союза.*

Ключевые слова: экономический рост, Содружество независимых государств, постсоветские страны, валовой внутренний продукт, вариация, зависимость.

С момента распада Советского Союза прошло уже более четверти века, но большинство республик, входивших в его состав, продолжают взаимодействовать и совместно противостоять экономическому давлению развитых стран. Одним из таких «новых» союзов бывших «братских республик» является Союз независимых государств (СНГ), образованный в 1991 году и включающий на сегодняшний момент 11 стран. В этой связи считаем, что рассмотрение совместной динамики экономических показателей, а также влияния факторов на развитие экономики данных стран, представляет научный интерес. Данное высказывание подтверждается значительным количеством исследований, посвященных изучению экономики стран СНГ, среди которых хотелось бы обратить внимание на таких авторов, как: Герасимова Р.Г. [1], Журавлёва Г.П. и Смагина В.И. [2], Кулевская С. [3], Кушенов С.Н. [4], Молчанов А. [5], Накопия, К.И. [6], Орозбекова А.М. [7], Осипов В.С. [8, 9], Попов В.В. [10], Вардомский Л.Б. и др. [11], Цыпин А.П. [12]. Опираясь на мнение данных авторов, проведем анализ динамики ВВП на душу населения стран СНГ, а также определим факторы, оказывающие основное воздействие на экономическое развитие членов союза.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению динамических изменений и факторов, определяющих положение экономик стран СНГ,

укажем, что основным источником информации о рассматриваемой совокупности республик является Всемирный банк (Режим доступа: <https://data.worldbank.org>). В базе данных представленной организации содержится более 200 показателей, характеризующих различные стороны экономики и социальной сферы, в рамках проводимого нами исследования были отобраны следующие ключевые макропоказатели: ВВП на душу населения (Y), долл. США; ВДС сельского хозяйства (X1), в % от ВВП; ВДС промышленности (X2), в % от ВВП; Экспорт (X3), в % от ВВП; Импорт (X4), в % от ВВП; Безработица (X4), в % от общей численности рабочей силы; Чистый приток прямых иностранных инвестиций (X5), в % от ВВП.

На первом этапе были рассчитаны коэффициенты роста (снижения) ВВП на душу населения по каждой из 11 стран, далее по каждому году были найдены средние значения, общая динамика показателя представлена на рисунке 1.

Согласно представленной на рисунке 1 информации, наблюдается зона роста с 1995 г. по 2008 г. (снижение в 1999 г. объясняется последствиями кризиса 1998 г.), далее динамику можно охарактеризовать как «спад», при этом налицо влияние кризисов 2008 г. и 2014 г. Выявленная общая закономерность косвенно указывает на схожесть механизмов функционирования экономик рассматриваемых стран.

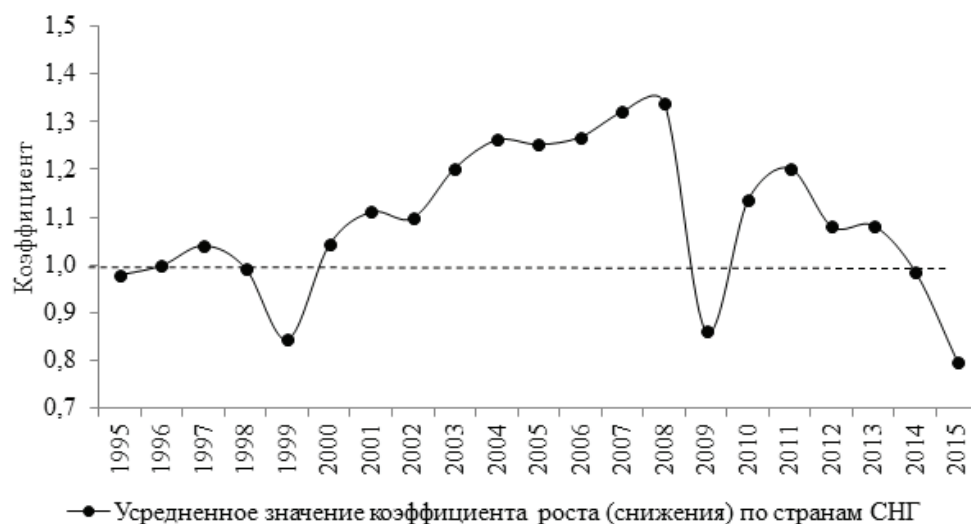

Рисунок 1. Динамика усредненного значения коэффициента роста (снижения) ВВП на душу населения стран СНГ (Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка)

Оценим как последний кризис (2014 г.) оказал влияние на «расстановку сил» среди стран участниц союза, для этого обратимся к информации, представленной на рисунке 2.

Признаковое пространство графика разделено на 4 сегмента по следующим соображениям: ось ОХ поделена на две половины до единицы и после,

тем самым страны группируются на успешные (осуществившие прирост ВВП на душу населения) и отстающие (которые под влиянием кризиса не смогли прирастить валовой продукт); водораздел по оси ОУ проходит по среднему мировому значению ВВП на душу населения, которое в 2015 году составляло 4843,3 долл. США.

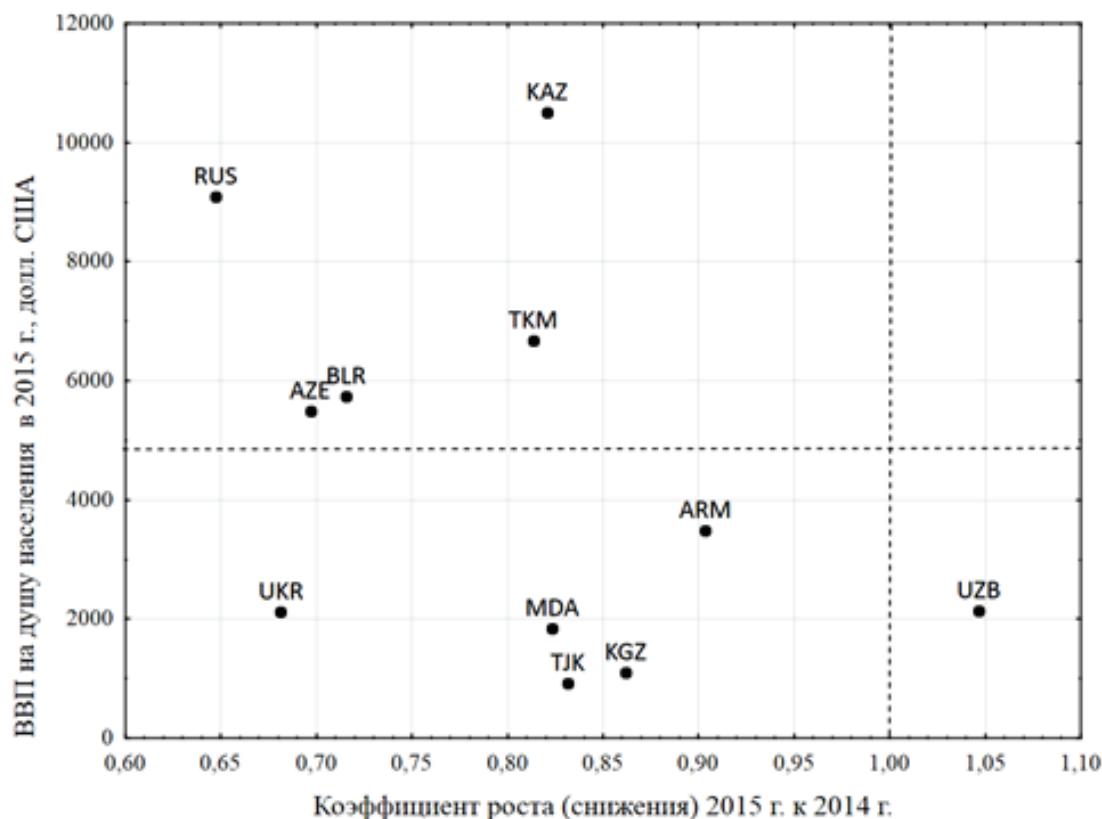

Рисунок 2. Вариация стран СНГ по уровню ВВП на душу населения и коэффициенту его роста (снижения) (Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка)

Согласно полученной группировке, лишь Узбекистан смог прирастить свой внутренний продукт на 5 %, остальные страны содружества имели снижение (наибольшее у России, которая потеряла 35 % от уровня 2014 года).

Также можно указать на страны с высокими значениями ВВП на душу населения (выше среднемирового значения), это Казахстан (10510 долл. США), Россия (9093 долл. США), Туркменистан (6672 долл. США), Белоруссия (5741 долл. США) и Азербайджан (5496 долл. США). Данные значения,

конечно, далеки от показателей развитых стран, к примеру, в США – 56469 долл. США, в Японии – 34568 долл. США, но рост налицо, так в России показатель в 1991 году составлял 3485 долл. США, т. е. рост в 2,6 раза.

Чтобы выявить, какие факторы оказывали решающее воздействие на ВВП на душу населения в 2015 году, обратимся к корреляционно-регрессионному анализу, результаты расчета коэффициентов корреляции по группе стран представлены на рисунке 3.

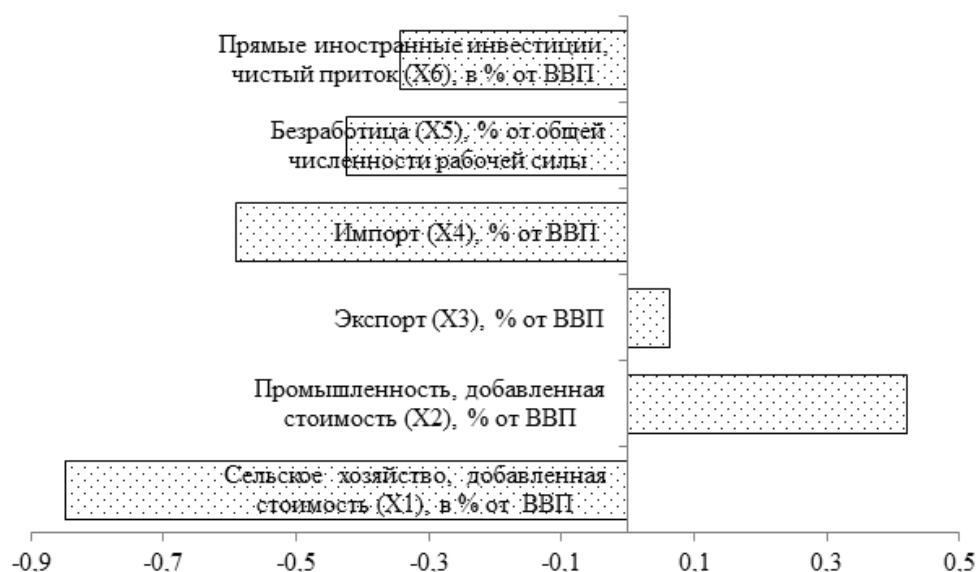

Рисунок 3. Вариация значений коэффициентов корреляции между ВВП на душу населения и макропоказателями (Источник: расчеты автора в пакете STATISTICA)

Согласно представленной на рисунке 3 информации, положительное влияние оказывают всего лишь два фактора X2 и X3, что не противоречит логике, так как промышленность (особенно добывающая) является основным «двигателем» экономики этих стран, а экспорт ее продукции основным источником наполнения бюджета республик (особенно экономик, завязанных на добыче и продаже углеводородов).

Наибольшее отрицательное влияние оказывает сельское хозяйство, чем больше его доля в ВВП, тем хуже положение в стране, что также очевидно по причине отсталости аграрно-ориентированных экономик.

По результатам отбора факторов в итоговую модель вошли всего две переменные X1 и X4, при этом регрессионное уравнение имеет следующий вид:

$$Y = 11958,68 - 365,14X1 - 65,86X4, R^2 = 0,867;$$

$$F_{\text{факт}} = 22,750; p < 0,05$$

Согласно представленным характеристикам, по-

лученная модель статистически значима, а факторы, включенные в модель, описывают 86,7 % вариации зависимой переменной.

Интерпретация влияния регрессоров заключается в следующем: во-первых, увеличение доли сельского хозяйства в структуре ВВП на 1 % приводит к снижению ВВП на душу населения на 365 долл. США при неизменности остальных факторов; во-вторых, рост импорта (в % к ВВП) приводит к снижению резульативного показателя на 66 долл. США.

Для того чтобы оценить чувствительность зависимой переменной на изменения факторов, включенных в модель, проведем имитацию различных сценариев. Входные значения переменных X1 и X4, а также отклик переменной Y представлены в таблице 1.

Анализируя полученные в ходе моделирования результаты, можно сделать вывод, что наилучшие значения ВВП на душу населения получены при минимальных значениях факторов, но этот сценарий не достижим на практике, так как прекращение сельскохозяйственного производства ставит под угрозу продовольственную безопасность рассматриваемой

совокупности стран. В свою очередь снизить уровень импорта до 10,5% от ВВП как в случае Нигерии, не представляется возможным, так как страна в условиях рыночной экономики не может обеспечивать себя полностью всеми товарами и услугами и их приходится получать из-за границы.

Вариант с максимальными значениями (в силу особенностей построенной модели) приводит к результатам, которые противоречат экономической сущности показателя ВВП на душу населения (он не может быть отрицательным), соответственно признать результаты удовлетворительным нельзя.

Таблица 1. Результаты моделирования отклика переменной Y при заданных значениях X1 и X4

Показатели		Варианты прогноза		
		Средняя	Минимум	Максимум
X1 – ВДС сельского хозяйства, в % от ВВП		9,2	0,04 (Сингапур)	60,5 (Сьерра Леоне)
X4 – Импорт, в % от ВВП		24,5	10,5 (Нигерия)	187,5 (Люксембург)
ВВП на душу населения, долл. США	Фактические значения	4843,3	168146,0 (Лихтенштейн)	300,7 (Бурунди)
	Предсказанные значения	6985,70	11254,09	-29939,57*
	Нижняя доверительная граница	5431,43	8555,55	-44448,15*
	Верхняя доверительная граница	8539,97	13952,63	-15430,98*
Источник: данные Всемирного банка, расчеты автора в пакете STATISTICA				
Примечание: * результат не имеет экономического смысла				

Реалистичным можно признать прогноз со средними значениями, но при этом стоит указать на расхождение между предсказанным уровнем (6985,7 долл. США) и фактическим, который представляет собой среднее по всем странам мира (4843,3 долл. США). В случае стран СНГ этот показатель выше на 44%, что указывает на постепенный отрыв республик союза от развивающихся и приближение к группе развитых стран.

Подводя итоги проведенного анализа влияния факторов на экономическое развитие стран-участниц СНГ, можно сделать ряд выводов:

1. Несмотря на различные методы управления, экономики стран СНГ по-прежнему проявляют

схожую динамику, в частности бурно реагируют (в форме резкого спада) на финансовые кризисы 1998 г., 2008 г., 2014 г.

2. Несмотря на значительный рост ВВП на душу населения, уровень данного показателя в странах-членах союза по-прежнему остается низким, так в 2015 году всего 5 стран из 11 превысили среднемировой порог.

3. Анализ влияния факторов на ВВП на душу населения показал, что наибольшее влияние на «тормозящее» развитие экономики стран СНГ оказывает высокая доля ВДС сельского хозяйства и импорта, что не противоречит экономической сущности данных процессов.

Литература

1. Герасимова, Р.Г. Сравнительный анализ экономического развития и рыночных реформ в странах с переходной экономикой в 1990–2009 годы / Р.Г. Герасимова. – Москва: ИНФРА-М, 2010. – 176 с.
2. Журавлёва, Г.П. Содружество независимых государств - 20 лет / Г.П. Журавлёва, В.И. Смагина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12-1 (104). – С. 18-28.
3. Кулевская, С. Экономическое развитие стран СНГ / С. Кулевская // Наука и инновации. – 2011. – Т. 7. – № 101. – С. 36-37.
4. Кушенов, С.Н. Экономическая безопасность и социально-экономическое развитие государств СНГ / С.Н. Кушенов // Транспортное дело России. – 2012. – № 6-1. – С. 224-228.
5. Молчанов, А. СНГ: потенциал роста / А. Молчанов // Свободная мысль. – 2010. – № 9 (1616). – С. 28-38.
6. Накопия, К.И. Статистический анализ тенденций социально-экономического развития стран СНГ в переходный период: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.11 / К.И. Накопия. – Тбилиси, 1997. – 181 с.
7. Орозбекова, А.М. Взаимодействие стран СНГ как фактор ускорения экономического развития /

А.М. Орозбекова // Экономика. – 2011. – № 8. – С. 59-63.

8. Осипов, В.С. Политическая экономия санкций (новая аграрная политика) / В.С. Осипов // Международные научные исследования. – 2014. – № 3-4 (20-21). – С. 6-8.

9. Осипов, В.С. Политическая экономия санкций предмет и метод / В.С. Осипов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 2. – С. 102-115.

10. Попов, В.В. Анализ таможенных платежей региона в условиях создания и развития Таможенного союза / В.В. Попов // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 44. – С. 47-53.

11. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия / отв. редактор Л.Б. Вардомский, Е.М. Кузьмина. – Москва: ИЭ РАН, 2012. – 400 с.

12. Цыпин, А.П. Статистический анализ трансформации экономики России: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.12 / А.П. Цыпин. – Оренбург, 2005. – 199 с.

УДК 339.138:67/69

Наталья Павловна Кузьмич, кандидат экономических наук, доцент кафедры геодезии и землеустройства, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный аграрный университет»
e-mail:kuzmiz@list.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что её решение влияет в целом на комфортность проживания и качество жизни населения, поскольку проекты комплексного освоения территорий имеют очевидные преимущества перед объектами, создаваемыми точечно, так как формируется единая концепция и архитектурный стиль всех возводимых зданий и т. д. *Цель* статьи заключается в выявлении тенденций управления земельными ресурсами в сфере жилищного строительства как части государственной земельной и градостроительной политики.

Методологической основой работы явились общенаучные принципы и методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция. В рамках комплексного подхода использовались также методы наблюдения и сравнения.

В качестве основных *результатов*, достигнутых в ходе проведенного исследования, можно выделить: выявление основных направлений развития городских территорий; анализ точечной застройки и комплексного освоения территории в целях строительства стандартного жилья; анализ затрат по комплексной жилой застройке; вскрытие самых существенных проблем реализации комплексной жилой застройки территории. Результаты научной статьи будут полезны как исследователям в области градостроительства, так и специалистам строительных организаций, осуществляющих застройку территорий.

Ключевые слова: городская территория, жилищное строительство, земельные ресурсы, инженерная и социальная инфраструктура, комплексная застройка территорий, рациональное использование, точечная застройка.

В системе управления земельными ресурсами наиболее важными действиями являются разграничение земель по формам собственности, выбор наиболее эффективного способа использования конкретных земельных участков и т. д. В современном городе, в процессе его развития, происходят неизбежные изменения как в сложившейся планировочной структуре, так и во всей городской среде, что приводит к изменениям в городском землепользовании. Исторически сложившаяся застройка, особенности климатических условий, рельеф и другие природные факторы определяют конкретные решения по выбору путей развития города. В целях управления эффективным использованием земельных ресурсов города разрабатываются документы как долгосрочного, так и краткосрочного планирования: генеральные планы, правила землепользования и застройки, проекты планировки территорий. Публичные обсуждения этих документов с широким участием населения города должны удовлетворять требования к лучшему и наиболее эффективному землепользованию со стороны населения, частного инвестора и органов местного самоуправления. Вместе с тем, как показывают наблюдения, зачастую снижается роль местных нормативов, регламентов, предписывающих эффективное использование земельных ресурсов города и их охрану, а иногда они попросту не выполняются.

Интересы и ответственность за застройку городских территорий возникают у разных групп потенциальных инвесторов, среди которых следует

рассмотреть администрацию поселения (органы местного самоуправления), потенциальных инвесторов – бизнесменов и собственно населения. Несмотря на то, что в целом интересы по развитию городской застройки у каждой группы инвесторов общие, но, тем не менее, конкретно они у всех имеют разнонаправленный вектор получения результатов.

Органы местного самоуправления отвечают за рациональное использование ограниченных бюджетных средств, выделяемых на развитие городской территории под жилищное и административно-общественное строительство, строительство объектов социальной сферы. Инвестиционно-строительные решения зачастую приобретают политический оттенок и влияют на поддержку администрации населением на муниципальных выборах. Интерес бизнеса (генеральных инвесторов) в основном составляет получение прибыли. При этом территория застройки обязательно должна обладать инвестиционным потенциалом. Практика показывает, что в городах территорий с явным инвестиционным потенциалом становится все меньше, поэтому речь в будущем необходимо вести в первую очередь о территориях со скрытым инвестиционным потенциалом. При этом следует не забывать о социальной стороне бизнеса – создании новых рабочих мест, инвестиционной и инновационной деятельности. Интересы населения заключаются в улучшении условий проживания. В целом, соблюдение баланса интересов групп в конкретных условиях городской застройки является весьма сложной практической задачей [10].

Развитие города возможно по двум основным направлениям: реконструкция в его границах и выход на незастроенные территории, вошедшие в границы города в результате принятия административных решений. И первый и второй случаи предполагают учёт интереса третьих лиц, связанных с собственностью на земельные участки и улучшения (при наличии таковых), расположенные на планируемой к освоению территории.

В последние годы во многих городах ведётся точечная застройка, при этом испытывается дефицит объектов социальной инфраструктуры. Незаменимость земли создаёт в городском землепользовании объективную необходимость повышения интенсивности и эффективности её использования [4, 5].

Однако нередко вместо комплексного развития неэффективно используемых земель или деградирующих территорий в существующих границах, города выходят на рядом расположенные пригородные территории, уничтожая застройкой плодородные земли, зелёные насаждения, водные объекты. Здесь используется исключительно коммерческий подход, поскольку как только транспортная инфраструктура свяжет земельный участок с многофункциональным общественным центром, он может быть продан инвестору для коммерческого освоения. Причем, продан по рыночной стоимости, складывающейся на тот момент, но уже как улучшенный земельный участок по предполагаемому виду использования: для размещения домов многоэтажной или индивидуальной жилой застройки.

Особенности градостроительного развития городских территорий проявляются в том, что резервов «точечной застройки» практически нет, поскольку недостает мощностей для подачи электроэнергии в строящиеся жилые здания, следует обновлять инженерные сети, отсутствует в достаточном объеме инженерная и социальная инфраструктура. Все это снижает доступность жилья.

Кроме того, существенную часть затрат застройщика составляет обеспечение земельного участка инженерной и социальной инфраструктурой. Именно их уровень и непредсказуемость заставляет прибегать, в том числе, к точечной застройке. В поисках участков с небольшими затратами для инвесторов (строительных фирм) в течение ряда лет реализовывалась политика бессистемной «точечной застройки» на высвобождаемых участках (за счет дворов, ликвидации детских площадок, спортивных площадок, озелененных территорий). В условиях многократно возросшего количества автомашин при отсутствии транспортных развязок и озелененных защитных разделительных полос и автостоянок существенно ухудшается экология городов [7].

В связи с тем, что при точечной застройке практически не возводятся объекты социальной и инженерной инфраструктуры (школы, детские сады,

оздоровительные комплексы), зачастую ликвидируются зеленые зоны, в целом снижается уровень комфортности проживания. Точечная застройка в городе в основном предусматривает возведение жилой недвижимости, причем имеет место тенденция к повышенной этажности, что повышает нагрузку на существующую локальную инфраструктуру, чем усиливает неблагоприятные воздействия на городские территории.

Земельная и градостроительная политика в последние годы реализовывались подбором земельных участков-площадок, пригодных для строительства отдельных зданий, выставляемых на аукцион для продажи инвесторам прав собственности на эти участки или прав долгосрочной аренды на них. За счет вырученных средств от продажи прав на земельные участки в городах органы местного самоуправления пополняли бюджеты своих городов для решения текущих задач, в том числе по поддержанию разрушающихся систем коммунального хозяйства городов [6, 7].

Следует отметить, что на сегодняшний день нет закреплённого законодательно определения понятия «точечной застройки». По мнению учёных [2], точечная застройка представляет собой возведение объектов на территории уже существующей застройки, в исторически сложившемся жилом микрорайоне. К сожалению, при точечной застройке существующие регламентированные нормами расстояния от красных линий и от уже стоящих жилых домов не всегда выдерживаются, что также снижает в последующем уровень комфортности проживания.

Данный вопрос успешно решается за счет комплексного строительства новых жилых кварталов, объединяющего финансовые ресурсы частного и государственного сектора экономики. Проекты комплексной застройки имеют очевидные преимущества перед объектами, создаваемыми точечно, так как формируется единая концепция и архитектурный стиль всех возводимых зданий, инженерной и социальной инфраструктур, дорог и парковочных зон и т.д.

Кроме того, комплексное освоение земельных участков в целях жилищного строительства может стать толчком для развития не только стройиндустрии в регионе, но и регионального инвестиционно-строительного комплекса в целом [8, 9].

На сегодняшний день создана нормативно-законодательная база комплексного использования и освоения земельных участков, которую представляют Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ и другие законы и нормативные акты.

Комплексное освоение земельных участков в целях жилищного строительства воплощается в разработке участка земли, где будет проходить строительство. Под данным термином подразуме-

вается не только процесс сооружения зданий, но и построение всей основной системы коммуникации. Комплексное освоение земельных участков в целях жилищного строительства отличается тем, что их жители в будущем смогут жить полноценно в своих квартирах, а также находить всё необходимое за их пределами: больницы, детские сады, школы, торговые комплексы и др.

В Градостроительном кодексе РФ определено понятие комплексного освоения территории. Оно включает в себя подготовку документации по планировке территории, образование земельных участков в границах данной территории, строительство на земельных участках в границах данной территории объектов транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур, а также иных объектов в соответствии с документацией по планировке территории [1].

Проекты комплексного освоения территорий обеспечивают создание новой и привлекательной среды обитания за счет грамотного строительного решения, объединяя по возможности жилье, работу, отдых проживающих. Тем не менее, их реализация отличается огромными рисками и неопределенностями. Укрупненные показатели затрат по комплексной жилой застройке жилых районов и микрорайонов состоят из затрат на производственную и социальную инфраструктуру при строительстве жилых домов. В их состав также входят затраты на инженерную подготовку; благоустройство и озеленение территории микрорайона; затраты на строительство объектов обслуживания; средства на прокладку районных инженерных сетей и т.д. В общем, инфраструктура является фактором производства, увеличивая затраты и тем самым снижая эффективность строительства, что в конечном итоге приводит к росту стоимости квадратного метра жилья [3].

К отрицательным моментам комплексного освоения территорий можно отнести несогласованность действий среди городской исполнительной власти и участниками строительства: заказчиками-застройщиками и подрядчиками. Нередко муниципальные власти и участники строительства не могут договориться об ответственности за объекты социальной недвижимости, развитие необходимой транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур. От этого страдают исключительно жители, которые в будущем будут жить в этих домах.

Для того чтобы заинтересовать инвесторов, вкладывать средства в развитие инфраструктуры, необходима разработка специальных мероприятий по поддержке развития инфраструктуры путем экономического стимулирования инвесторов, предоставления им налоговых льгот, беспроцентных кредитов на ряд лет и других преференций.

Сложившаяся ситуация объясняется, в первую очередь, отсутствием научно-обоснованной концепции, основанной на общих принципах и единой

методологии эффективного использования городских территорий. В концепции развития городских территорий необходимо экономически обосновать порядок разработки комплексных инвестиционных программ освоения городских территорий с учетом специфики каждого города [10].

Необходимо отметить, что в Амурской области создана нормативная база для реализации инфраструктурных проектов. Однако она в основном касается модернизации уже существующего жилищно-коммунального комплекса и благоустройства дворовых территорий.

Среди них Постановление Правительства Амурской области от 25.09.2013 № 452 «Об утверждении государственной программы Амурской области «Модернизация жилищно-коммунального комплекса, энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Амурской области на 2014–2020 годы»; Постановление Правительства Амурской области от 25.09.2013 № 446 «Обеспечение доступным и качественным жильем населения Амурской области на 2014–2020 годы»; Постановление Правительства Амурской области от 31.08.2017 № 416 «Об утверждении государственной региональной программы Амурской области «Формирование современной городской среды на 2018–2022 годы» и другие программы, реализуемые на территории региона.

Цели данных документов состоят в том, чтобы повысить качество и надежность предоставления жилищно-коммунальных услуг; обеспечить энергоэффективность в бюджетном и жилищно-коммунальном секторах экономики; повысить качество и комфорт городской среды на территории региона; обеспечить инженерной инфраструктурой земельные участки под строительство жилья на территории Амурской области и т.д.

Необходимо ускорить решение данных проблем, поскольку инженерные сети городов региона долгое время не реконструировались: нуждается в замене 29 % водопроводной сети и 34 % канализационной сети городов Амурской области.

На территории Амурской области реализуется Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» в городах Благовещенск, Белогорск, Райчихинск, Свободный, Тында. В рамках его реализации на территории региона был проведен анализ существующего состояния благоустройства, определен адресный перечень всех территорий, требующих благоустройства. Он показал, что уровень комфортности не отвечает современным требованиям жителей региона и требует скорейшей модернизации.

Безусловно, следует реализовывать крупные инвестиционные и народно-хозяйственные проекты в регионе, так как благоустроенные поселения могут привлечь на постоянное проживание россиян из других регионов и оказавшихся поневоле за рубежом.

Таким образом, эффективным управлением земельными ресурсами, в том числе в сфере жилищного строительства, обеспечивается монолитность территориального и социально-экономического развития региона. Для того чтобы приостановить устойчивый миграционный отток населения

с Дальнего Востока, необходимо обеспечить достойные условия для проживания, труда и быта и самореализации граждан. Этого можно достичь, в том числе, совершенствованием управления земельными ресурсами.

Литература

1. Архитектура. Строительство. Инженерные системы: монография / Е.Ю. Агеева, Л.Л. Бабенко, Т.В. Бондаренко, С.В. Борисов и др. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. – 466 с.
2. Баулина, О.А. Проблемы и перспективы жилищного строительства современной России [Электронный ресурс] / О.А. Баулина, В.В. Ключин. – Режим доступа: [http:// naukovedenie.ru/ PDF/15EVN216.pdf](http://naukovedenie.ru/PDF/15EVN216.pdf) – (дата обращения: 04.06.2018).
3. Бузырев, В.В. Эффективность инфраструктуры жилищного строительства в предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов / В.В. Бузырев, М.Н. Юденко // Экономика строительства. – 2014. – № 6. – С. 32-37.
4. Вирцев, М.Ю. Девелопмент территорий на основе развития малоэтажного жилья / М.Ю. Вирцев // Российское предпринимательство. – 2014. – № 18. – С. 100-108.
5. Гербеева, Л.Ю. Место и роль собственности в развитии региона / Л.Ю. Гербеева // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11. – С. 120-125.
6. Загускин, Н.Н. Основные направления развития инвестиционно–строительной деятельности в России / Н.Н. Загускин // Экономическое возрождение России. – 2012. – № 4. – С. 135-141.
7. Кабакова, С.И. Пути совершенствования градостроительной политики в Российской Федерации / С.И. Кабакова // Экономика строительства. – 2012. – № 6. – С. 3-9.
8. Кузьмич, Н.П. Расширение ресурсной базы строительного комплекса на основе применения местного сырья и энергоресурсоэффективных технологий / Н.П. Кузьмич // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 325-328.
9. Кузьмич, Н.П. Роль строительного комплекса в социально-ориентированных направлениях развития региона / Н.П. Кузьмич // Труд и социальные отношения. – 2011. – № 7. – С. 52-55.
10. Сарченко, В.И. Развитие городских территорий требует научного обоснования / В.И. Сарченко // Экономика строительства. – 2014. – № 5. – С. 65-68.

УДК 330.34.014

Владимир Сергеевич Осипов, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт проблем рынка РАН
e-mail: vs.ossipov@gmail.com

ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАЩИТЫ ЖИВОГО ТРУДА

Актуальность. Реализация политики импортозамещения позволила ряду стран Юго-Восточной Азии и Китаю обеспечить не только высокие темпы экономического роста, но и получить обновленную высоко-развитую промышленность. Международная конкурентоспособность товаров из стран Юго-Восточной Азии и Китая подтверждает верность выбранного направления. Однако во время реализации политики импортозамещения в России произошли мощнейшие технологические изменения, которые породили цифровые технологии и интернет вещей. Оказалось, что при обновлении промышленности фактор труда теряет свою значимость в производственной функции, так как роботизация более предпочтительна в связи с более высокой производительностью, чем создание новых рабочих мест.

Цель. Рассмотреть возможные механизмы нивелирования негативных последствий роботизации и цифровизации в виде отказа от фактора труда в пользу фактора капитала.

Методы. При проведении исследования использовались общенаучные и специальные методы и инструменты экономического исследования: совокупность научных приемов абстрактно-логического метода, метод институционального анализа.

Результаты исследования. В статье обсуждается механизм отказа капитала от фактора труда, возможные последствия и способы нивелирования негативных последствий роботизации и цифровизации.

Ключевые слова: импортозамещение, цифровизация, капитал, труд, безусловные доход, индуцированное акционирование.

Существенные изменения в мировой политике, поляризация планетарного масштаба вновь выносят на первый план соревнование в экономических и военных успехах конкурирующих держав. В экономической сфере конфликт был облечен в политику санкционного давления и антисанкционного ответа, которая в комплексе вылилась в программу отечественного импортозамещения. Сущность политики импортозамещения состоит в том, чтобы добиться замены импортируемых товаров отечественными аналогами, а также в поощрении организации на месте производства тех благ, которые ранее ввозились из за рубежа. Б. Онимоду отмечал, что «Импортозамещение – это не только стратегия индустриализации, которая чаще всего наблюдается в развивающихся странах: оно возможно представляет собой единственный способ сдвинуть с места индустриализацию вообще» [13].

Фридрих Лист отмечал, что те страны, которые не находятся в положении доминирования, для того чтобы развивать свою промышленность, должны защищать ее до тех пор, пока не смогут договариваться на равных [1]. Этот же рецепт экономической политики предлагает Эрик Рейнерт: «Российский производственный сектор еще недостаточно окреп, чтобы свободная торговля оказалась для страны прибыльной. ВТО и ОЭСР называют иногда «клубами для богатых», однако, вступив в этот клуб, страна автоматически не разбогатеет. История доказала, что единственная успешная стратегия – это конкуренция с богатыми странами в сфере производства, и, только достигнув в ней успеха,

страна сможет получить прибыль от свободной торговли» [6]. Альберт Хиршман в этой связи отмечал, что «хотя политика импортозамещения может быть вызвана внешними трудностями, как то война, например, тем не менее развитие местных импортозамещающих производств должно поддерживаться государством помимо этих причин. Импортозамещение может применяться как часть стратегии по развитию промышленности» [11].

Таким образом, политика импортозамещения выступает отправной точкой формирования отечественной промышленности, а, следовательно, нуждается в институциональном оформлении. Формирование институтов промышленного развития опирается не только на особенности проводимой экономической политики, культуру бизнеса и ментальность, но и передовой зарубежный опыт. Особенно важно понять, как отдельным странам удалось при реализации политики импортозамещения достигнуть невероятных успехов в экономике.

Как мы отмечали ранее, эволюция промышленной политики в странах, которым удалось осуществить политику импортозамещения и успешно перейти в разряд высокоразвитых стран, позволяет выделить характеристические этапы такой политики [5]:

1. создание импортозамещающей промышленной структуры;
2. переход к формированию экспортно-ориентированных отраслей промышленности
3. рост технологического и наукоемкого потенциала промышленности, выращивание «нацио-

нальных чемпионов» – фирм, способных производить конкурентоспособную продукцию на внешнем рынке.

Переориентация от производства благ для внутреннего потребления на экспорт таких благ в процессе реализации политики импортозамещения обусловлена коренной перестройкой структуры промышленности. Изменение структуры промышленности сопровождается переходом с ручных производств к высокотехнологичным капиталоемким производствам, именно тут особенно четко проявляется тенденция замены живого труда овеществленным (мертвым). Это придает импульс расширению и углублению качества образования на национальном уровне, так как новые рабочие места требуют новых навыков и компетенций. Такой труд значительно выше оценивается, отчего растет благосостояние населения параллельно с экономическим ростом. Таковы общие черты экономического развития стран Юго-Восточной Азии и Китая. Политика импортозамещения приводила не только к экономическому росту, но и углублению качества рабочей силы и уровня благосостояния населения.

Нельзя не признать, что российский вариант политики импортозамещения строился на тех же стратегиях и преследовал те же цели, хотя и из-за внешнеполитических событий, а не как осознанная экономическая политика, направленная на достижение высоких темпов экономического роста. Понимание того факта, что политика импортозамещения способна создать новую промышленность в России, создавало иллюзии возможности превращения страны в высокоразвитую по примеру Юго-Восточных азиатских стран. Надежды были так обоснованы и желанны, однако, научно-технический прогресс снова сыграл свою злую шутку. На этот раз, достижения науки и техники привели к осознанию необходимости отказа от фактора труда, как основного.

Цифровизация промышленности, внедрение интернета вещей, расширение роботизации вместе создали непреодолимое препятствие для реализации политики импортозамещения в рамках прежних успешных рецептов. Оказалось, что рост промышленности за счет роботизации и цифровизации не сопровождается ростом рабочих мест, а значит и ростом благосостояния населения. Скорее наоборот, так как появились тревожные тенденции углубления неравенства при одновременном высоком уровне экономического роста и снижении количества рабочих мест. Политика рещоринга, проводимая американскими компаниями, перебазирующими свои производства из Китая снова в США, показала, что при расширении производств количество рабочих мест неуклонно снижается.

В историческом плане подобные прецеденты существовали, так промышленная революция в Ан-

глии привела к высвобождению огромного количества работников прядильного производства, можно даже сказать, что «ткач» как профессия перестала существовать [7, 8].

Современные исследования показывают, что уже в самое ближайшее время в силу роботизации и цифровизации уйдут в прошлое отдельные профессии. Так, внедрение онлайн-кассовой техники позволяет налоговым органам отслеживать финансовое состояние фирм, планировать уровень налоговой нагрузки и будущий объем собираемых налогов. Отсюда возникает законный вопрос, а что будет с бухгалтерами? Широкое использование технологий big data дает возможность принимать более обоснованные решения в значительно более короткое время. Так, машины уже научились быстрее человека определять диагноз заболевания, чем профессиональный врач и даже консилиум врачей. Способность машин быстрее человека перерабатывать большие объемы информации наращивает аналитическую функцию ботов, значит, этот вид деятельности тоже может избавиться от живого труда. Точность диагноза, поставленного машиной, оказывается выше, чем у человека. Боты научились писать связанные тексты, что позволяет при вводе исходной информации получать готовые журнальные статьи. Широкое использование цифровых технологий в образовании, запись лекций, введение электронного тестирования, делает присутствие преподавателя в аудитории ненужным. Заглядывая в будущее, можно предположить, что и нормативно-правовые акты машины смогут писать более качественно, а также научатся выносить более взвешенные (а значит и законные) решения судов. Симптомом такого тренда является факт увольнения юристов в банках, занимающихся судебными делами, иски оказывается писать проще, быстрее и эффективнее посредством использования бота. Все виды деятельности, которые, так или иначе, связаны с рутинными операциями, повторяющимися действиями, регулярностью и способностью к алгоритмизации, отторгнут фактор труда, такие рабочие места займут роботы. Если вспомнить классика экономической науки А. Смита и его теорию разделения труда, то при наложении его суждений на сегодняшнюю реальность получается парадоксальная ситуация, когда по мере увеличения степени специализации разные виды деятельности или отдельные операции все легче поддаются автоматизации и, следовательно, постепенно вытесняют из таких операций живой труд.

Роботизация и цифровизация позволяют капиталу отказаться практически полностью от фактора труда, но при этом добиться высоких прибылей от производства и реализации благ. Система государственного управления при внедрении технологий электронного правительства также может избавиться от части государственных служащих, от-

ветственных за выполнение рутинных стандартизированных операций – выдачи документов, регистрации юридически значимых действий, принятие регламентированных алгоритмом решений по отдельным вопросам в социальной и экономической деятельности. Высвобождение государственных служащих высшего уровня обычно сопровождается их переходом в бизнес-структуры, приблизительно такая же ситуация по среднему уровню, но уже с исключениями. Высвобождение государственных служащих низшего уровня далеко не всегда сопровождается их трудоустройством в коммерческие организации, зачастую они остаются на государственной службе, но переходят в другое ведомство. Тем не менее, трудоустройство высвобождаемых гражданских служащих в коммерческие организации также становится под вопросом.

Цифровизация позволяет собственникам предприятий проводить модернизацию производств, роботизировать их и, таким образом, минимизировать затраты на живой труд.

Новый облик фактора капитала делает невозможным реализацию политики импортозамещения, так как не достигается цель повышения благосостояния населения. Получается, что достижения технического прогресса, цифровизация и роботизация воспрепятствовали созданию новых рабочих мест, а по сути, сделали фактор труда значительно менее важным в производственной функции. Предприниматели, конечно же, согласны сократить издержки на труд и избавиться от государственного регулирования за счет сокращения объемов применения фактора труда на своих производствах. Однако какие следствия в связи с этим возникают для людей? Как люди смогут получать доход, если фактор труда перестает играть существенную роль в производстве, то есть труд прекратит быть необходимым фактором производства?

Вообще тенденция расширения неравенства в доходах в капиталистических странах сопровождалась ростом производительности труда. Эта тревожная тенденция приводит к тому, что доля труда в национальном доходе неуклонно уменьшается на фоне увеличения доли капитала. Получается, что машины становятся главным средством увеличения производительности труда. Машины сами превращаются в работников и выдавливают живой труд из воспроизводственного процесса. Предтеча указанных тенденций крылась в последствиях экономических рецессий. Американские экономисты Н. Хаимович и Х. Сиу [12] исследовали, как происходит замещение рабочих мест, сокращенных во время кризиса, новыми рабочими местами при расширении экономической активности. Оказалось, что рабочие места среднего класса в наибольшей степени подвержены риску полного исчезновения, тогда как новые рабочие места после восстановления экономики создаются в низко-

оплачиваемых секторах и сферах экономической деятельности. Многие рабочие места при этом создаются на условиях частичной занятости. Однако официальная статистика фиксирует лишь количественные показатели, но старается не отражать качественных параметров утраченных и вновь образованных рабочих мест. К.Б. Фрей и М. Осборн из Оксфордского университета отмечают, что в самое ближайшее время жертвами автоматизации и роботизации могут стать профессии, на долю которых приходится почти половина всех занятых в экономике США [10].

Снижение уровня благосостояния граждан в связи с ликвидацией рабочих мест и сокращением занятости неминуемо ведет к сокращению платежеспособного спроса, что ставит вопрос о сбыте произведенных роботами товаров. Внешняя сторона проблемы заключается именно в том, что кризис перепроизводства становится реальной перспективой с туманными последствиями.

Некоторые ученые, а также политики некоторых стран, в частности Швейцарии, Финляндии и Канады [9, 14, 15], предлагали решение в виде безусловного дохода в фиксированной сумме, когда некая денежная компенсация поступает из средств государственного бюджета напрямую гражданам в виде безвозмездного невозвратного платежа. С одной стороны, налогообложение предпринимателей, роботизировавших производство и отказавшихся от использования фактора труда, должно хватить на обеспечение безусловным доходом всех граждан страны, но с другой стороны, возникают риски международного разделения труда, когда государство может оказаться неспособным провести промышленную политику так, чтобы обеспечить достаточный приток средств в виде налогов в государственный бюджет. Тогда неминуемы социальные потрясения, сходные с движением луддитов, когда граждане будут вынуждены уничтожать роботизированные производства. Также возможны и политические потрясения в виде революций, так как неспособные улучшить свое материальное благополучие и доведенные нищетой до отчаяния граждане будут требовать революционных изменений. Кроме того, по нашему мнению, безусловный доход по своей сути будет напоминать нынешнее пособие по безработице, а, как известно, его объем не позволяет считать получающего это пособие благосостоятельным гражданином. Следует учесть, что пособие по безработице получает сравнительно небольшое количество граждан, но что будет, когда их количество резко возрастет вследствие ликвидации рабочих мест из-за роботизации производств?

Возможным решением проблемы представлялось бы законодательное сокращение объема рабочей недели, например, с 40 часов до 32 (на 20 процентов). По логике, сокращение рабочей неде-

ли вынудит предпринимателей нанимать больше работников, что сократит безработицу, создаст новые рабочие места. Здесь важно учесть, что в этом случае сокращается и производительность труда, но это не самое главное. Гораздо важнее, что такое законодательное ограничение приведет не к росту количества рабочих мест, а скорее усилит движение предпринимателей к роботизации производств. Это решение категорически неприемлемо, так как разработано в статической модели, а в динамической реальности оно скорее усугубит ситуацию.

Другим способом решения проблемы высвобождения фактора труда в связи с роботизацией и цифровизацией с одновременным примирением бывших работников с фактом высвобождения, но с сохранением достатка может быть модель индуцированного акционирования роботизированных производств с передачей части акций высвобождаемым рабочим. Идея состоит в том, что высвобождаемые в связи с роботизацией сотрудники становятся акционерами предприятия наряду с уже существующими акционерами. Такие акции будут обладать меньшим объемом прав (например, их обладатели не смогут участвовать в избрании органов управления или принимать решения по одобрению крупных сделок), но по ним будут обязательны выплаты части прибыли. Нельзя будет принимать решение о нераспределении чистой прибыли, ее капитализации, так как по таким специальным бумагам выплаты будут носить обязательный характер. Таким образом, институционализация роботизации производств состоит в том, чтобы обеспечить собственникам предприятия возможности повышения эффективности деятельности, а высвобождаемым работникам – гарантировать доход. Возможно, следует предусмотреть более частые выплаты по таким бумагам, по сравнению с обыкновенными акциями, по которым обычно выплаты осуществляются один раз в год.

Важно обеспечить плавную замену потерянного дохода от увольнения выплатами по акциям, тогда будет обеспечена социальная справедливость и возможность роста эффективности производства одновременно. На первом этапе подстраховкой будет служить безусловный доход, так как роботизированному предприятию нужно время для встраивания в экономическую систему. Этот временной лаг может быть компенсирован высвобожденным работникам безусловным доходом. Высвобождаемые работники будут получать выплату или ренту от роботизации за счет освобождения рабочего места. Акции, полученные в качестве компенсации за утрату рабочего места, должны стать свидетельством бессрочного получения дохода от деятельности роботизированного производства; такие бумаги должны передаваться по наследству, так как в противном случае дети утративших рабо-

чее место работников окажутся в неимущем положении, а значит, социальный взрыв будет просто отсрочен по времени. Такая модель может быть интересна и собственникам предприятия, так как в обмен на рабочие места и относительное спокойствие от социальных потрясений, они получают резкое увеличение эффективности производства за счет роботизации. Выплаты дивидендов, наряду с безусловным доходом, повысят материальное благосостояние высвобождаемых работников, но, одновременно, заставит их беречь роботизированные производства. По нашему мнению, формирование новой модели взаимоотношений капитала и общества не только посредством безусловного дохода, но и индуцированного акционирования в пользу высвобождаемых работников, создаст оптимальный баланс интересов государства, бизнеса и общества, а также погасит возможные социальные потрясения. Модель индуцированного акционирования, безусловно, нуждается в политической поддержке, так как бизнес, используя различные лоббистские организации, прямой подкуп политиков, наверняка будет сопротивляться таким изменениям. Однако следует признать, что одного безусловного дохода будет недостаточно для сохранения социально-экономического равновесия, а нарушение хрупкого баланса чревато негативными последствиями не только для общества и государства, но и для бизнеса. Связь бизнеса и государства, лоббизм, скорее всего, будут использованы для предотвращения такой институциональной реформы, так как бизнес не захочет делиться будущими прибылями с высвобождаемыми работниками. Неприятие перемен, в принципе, довольно частая причина неудач при проведении реформ [2, 3, 4]. Важную роль тут должна сыграть разъяснительная работа, участие представителей власти в собраниях бизнесменов, таких как различные союзы и движения в поддержку предпринимательства. Необходимо разъяснять, что лишение высвобождаемых работников дохода не выгодно самим предпринимателям по двум причинам: сокращение платежеспособного спроса и перспектива социальных потрясений с возможной утратой предприятия в результате беспорядков или революций. Политическая воля становится решающим фактором в реализации законодательной инициативы по индуцированному акционированию, то есть обязательной и безвозмездной передаче части акций роботизируемого предприятия высвобождаемым работникам. Институционализация такого политического решения откроет возможности технического перевооружения предприятий, но сохранит баланс социального равновесия. Одновременно может быть снято противоречие «*цифровизация vs труд*» для реализации достижений четвертой промышленной революции и роботизации производств.

Литература

1. Лист, Ф. Национальная система политической экономии. – Москва: Издательство «Европа», 2005. – 382 с.
2. Логинов, Е.Л., Деркач, Н.Л. Проблемы формирования конвергентной сферы глобально взаимосвязанных и синхронизированных интеллектуальных управленческих пространств // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 9. – С. 33-37.
3. Логинов, Е.Л., Логинова, В.Е., Деркач, Н.Л. Конвергентные технологические кластеры как среда инновационных операций в условиях глобализации // Экономика: теория и практика. – 2012. – № 1 (25). – С. 3-7.
4. Логинов, Е.Л., Пинчук, В.Н. Проблемы формирования трансграничной информационной среды управления экономикой на основе конвергентно-информационных факторов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2011. – № 44. – С. 7-13.
5. Осипов, В.С. Роль импортозамещения в формировании новой модели развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 5. – С. 24-31.
6. Рейнерт, Э.С. Спонтанный хаос. Экономика эпохи рецессии. – Москва: РОССПЭН, 2017. – С. 11-12.
7. Тимофеев, Д.Н., Цыпин, А.П. Промышленное производство в России: состояние и перспективы развития // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 3-2 (68-2). – С. 1146-1152.
8. Цыпин, А.П., Сорокин, А.С. Статистические пакеты программ в социально-экономических исследованиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 379-384.
9. Bregman, R. Utopian thinking: the easy way to eradicate poverty // The Guardian, 2017.
10. Frey, C.B., Osborne, M.A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? // Working Paper. Oxford Martin School, 2013.
11. Hirschman, A.O. The political economy of import-substituting industrialization in Latin America // Quarterly Journal of Economics. February, 1968.
12. Jaimovich, N., Siu, H.E. The Trend is the Cycle: Job Polarization and Jobless Recoveries // Working Paper. National Bureau of Economic Research, 2012.
13. Onimode, B. Imperialism and Underdevelopment in Nigeria. The Dialectics of Mass Poverty. – L., 1982. – p.177.
14. Standing, G. How Cash Transfers Promote the Case for Basic Income // Basic Income Studies. – 2008. – Vol. 3. – Issue 1.
15. Usman, W.Ch. Universal Basic Income: A Review // Social Science Research Network, 2017.

УДК 316.62:316.3

Юрий Владимирович Сажин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
e-mail: yu.v.sazhin@econom.mrsu.ru

Алена Андреевна Ганина, аспирант кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
e-mail: a-ganina@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Проблемы девиантного (отклоняющегося) поведения приобретают весьма актуальное значение, что обусловлено глубокими преобразованиями, происходящими в России. Кризисная обстановка в нашем обществе, динамизм социальных процессов, нарушающие привычные формы социального контроля, способствуют росту негативных явлений, в том числе и отклонений от норм общественной жизни. **Актуальность** выбранной темы объясняется тем, что алкоголизм и многие другие формы девиантного поведения затрагивают все сферы общественной жизнедеятельности, в той или иной степени негативно воздействуя на них. **Цель** работы состоит в проведении всестороннего статистического исследования динамики числа зарегистрированных преступлений в Республике Мордовия. В статье рассмотрена динамика продажи алкогольных напитков в Российской Федерации за 2012–2016 гг. Проведен анализ заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами в Российской Федерации за 2011–2016 гг. Осуществлено построение прогноза числа зарегистрированных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения. В статье были использованы табличные и графические **методы** представления статистических данных. Детальная обработка информации выполнялась с применением статистических пакетов компьютерного анализа STATISTICA. Полученные **результаты** исследования могут быть использованы при дальнейшей научной разработке рассмотренной проблемы. Сформулированные выводы и результаты могут быть использованы органами государственной статистики при анализе девиантного поведения населения в стране и регионах, а также органами государственного управления при разработке основных направлений социально-ориентированного развития, целевых программ, направленных на профилактику девиантного поведения.*

Ключевые слова: девиантное поведение, ценообразование, продажа алкогольных напитков, заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя, прогнозирование.

Проблема отклоняющегося поведения индивидуальна, находится в центре внимания психологии, социологии, криминологии, правовой статистики и других наук. Значение изучения данной проблемы становится очевидным, так как отклоняющееся поведение представляет собой социальное и психологическое явление, которое имеет некоторые отклонения от признанных норм в обществе и законов, а также иногда связанное с определенным антиобщественным поведением людей. Объяснить данное поведение, показать его причины, найти эффективные пути решения и средства предупреждения можно лишь при детальном изучении отклоняющегося поведения.

Девиантное поведение (от англ. deviation – отклонение) – социальное поведение, отклоняющееся от принятого, социально приемлемого поведения в определенном обществе. Алкоголизм, безусловно, относится к деструктивным формам девиации, которые разрушают здоровье и личность граждан и часто служат переходным звеном к противоправ-

ному поведению. В настоящее время вопросы, посвященные проблемам пьянства и алкоголизма в российском обществе и направлениям их решения, подробно изучаются специалистами самых разных профилей и направлений.

По данным ВОЗ, если в стране потребляется в год на душу населения больше 8 литров алкоголя (в переводе на чистый спирт), происходит необратимое угасание этноса. В России только по официальным данным потребляется 16-18 литров, теневой оборот алкоголя может значительно увеличить эту цифру. Ранняя смертность, психические и соматические заболевания, преступность, разрушенные семьи, покалеченные детские судьбы – это только некоторые векторы влияния чрезмерного употребления алкоголя на население страны [2].

Стоит обратить внимание, что даже незначительные шаги в области ограничения уровня потребления населением алкоголя приводят к существенным позитивным результатам для российского общества [1]. К числу наиболее зна-

чимых мер относятся меры государственного воздействия регулирования алкогольного рынка. Механизм реализации алкогольной продукции регулируется через ценообразование, повышение акцизов на алкоголь и контроль за физическим

доступом к алкоголю. Все это затрудняет или препятствует принятию вредных для здоровья решений [4]. Динамика минимальной цены на водку в сравнении со средней заработной платой представлена в таблице 1.

Таблица 1. Минимальная цена на водку в сравнении со средней заработной платой

Дата введения	Минимальная цена (руб. за 0,5 л)	Темп роста минимальной цены, %	Средняя зарплата (руб.)	Темп роста средней зарплаты, %	Покупательная способность доходов, количество бутылок
01.01.2010	89	–	20952	–	235
01.01.2011	98	110,1	23369,0	111,5	238
01.07.2012	125	127,6	26629,0	114,0	213
08.01.2013	170	136,0	29960,0	112,5	176
11.03.2014	199	117,1	29960,0	100,0	151
01.08.2015	220	110,6	33000,0	110,1	150
01.02.2016	185	84,1	31566,0	95,7	171

Источник: составлено авторами на основе данных, опубликованных на официальном сайте Росстата: www.gks.ru.

На протяжении анализируемого периода наблюдается превышение темпов роста минимальной цены на водку над темпами роста средней заработной платой, что положительно влияет на динамику потребления населением алкоголя в последние годы. Подобная тенденция отмечается и в части потребления других алкогольных напитков (таблица 2) [3].

Данные таблицы 2 свидетельствуют о сокраще-

нии объемов продажи как алкогольных напитков в целом (в пересчете на чистый спирт), так и водки в частности. Продажи пива, несколько увеличившиеся в 2013 году, вновь начали сокращаться, и в 2016 году среднедушевые продажи алкоголя, пива и водки оказались ниже уровня 2012 года. Единственным видом алкогольной продукции, по которому наблюдается рост потребления – вино.

Таблица 2. Динамика продажи алкогольных напитков в Российской Федерации за 2012–2016 гг.

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Суммарный годовой объем продаж					
Все алкогольные напитки, млн дкл спирта	127,6	131,6	131,4	129,1	119,3
Водка, млн дкл	157,8	159	151,4	140,9	124,7
Пиво, млн дкл	1004,0	1007,5	1017,5	1005,6	1001,2
В расчете на душу взрослого населения в год					
Все алкогольные напитки, л спирта	10,7	11,0	11,0	10,8	9,9
Водка, л	13,2	13,3	12,7	11,8	10,4
Пиво, л	84,0	90,0	85,0	84,0	83,0

Источник: составлено авторами на основе данных, опубликованных на официальном сайте Росстата: www.gks.ru.

Лечение, особенно на уровне первичной медицинской помощи – важный элемент общих действий системы общественного здравоохранения [3]. Снижение уровня потребления населением алко-

ля в последние годы сказывается на снижении заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами (таблица 3).

Таблица 3. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами в Российской Федерации за 2011–2016 гг.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Взято под диспансерное наблюдение пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы – всего, тыс. человек	159,7	153,9	138,1	122,8	112,2	109,1
Численность пациентов в возрасте 0-14 лет, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы – всего, тыс. человек	97	81	51	27	14	13
Численность пациентов в возрасте 15-17 лет, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, тыс. человек	1,2	0,9	0,7	0,6	0,4	0,3
<i>Источник:</i> составлено авторами на основе данных, опубликованных на официальном сайте Росстата: www.gks.ru .						

По данным таблицы 3 можно наблюдать снижение заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами. Так, численность пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы сократилось с 2011 по 2016 годы на 50,6 тыс. человек. Также наблюдается сокращение детского и подросткового алкоголизма на 84 и 900 человек соответственно.

Результаты исследования показали, что самое большое количество людей с диагнозом алкоголизм

и алкогольные психозы наблюдалась в 2011 году. Смертность мужчин от алкоголизма с 2011 по 2015 гг. стремительно снижалась до 2015 года. В 2015 г. по сравнению с уровнем 2011 года данный показатель уменьшился на 28,1%, но в 2016 году она увеличилась по сравнению с 2015 на 7%. С женской смертностью ситуация аналогичная, связанная с её снижением с 2011 по 2015 на 26% и последующим увеличением в 2016 году по сравнению с 2015 г. на 9% (таблица 4).

Таблица 4. Смертность населения от причин, связанных с употреблением алкоголя в Российской Федерации за 2011–2016 гг.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Все население						
Всего умерших, тыс. человек	68,7	67,8	61,1	56,0	52,8	57,0
Мужчины						
Всего умерших, тыс. человек	50,5	49,4	45,0	41,2	39,4	42,3
Женщины						
Всего умерших, тыс. человек	18,1	18,4	16,1	14,8	13,4	14,6
в том числе в трудоспособном возрасте	10,7	10,5	9,2	8,3	7,5	8,2
на 100 000 человек населения	23,6	24,0	21,0	19,2	17,4	19,0
в том числе в трудоспособном возрасте	24,7	24,5	21,7	19,9	18,2	20,3
<i>Источник:</i> составлено авторами на основе данных, опубликованных на официальном сайте Росстата: www.gks.ru .						

Проблемы девиантного поведения населения актуальны в настоящее время, как в России, так и в отдельных регионах страны. На территории Республики Мордовия, как и в стране в целом, алкоголизм является одной из главных проблем.

Для анализа такого явления как девиантное поведение прибегнем к эконометрическим методам построения прогнозов. Целью которых является выявление и моделирование основных закономерностей развития и построение прогноза числа зарегистрированных правонарушений в состоянии

алкогольного опьянения. В качестве исходного временного ряда используются месячные данные по Республике Мордовия за период с 2013 по 2016 г.

Рассмотрение данного временного ряда с точки зрения требований к исходной информации позволило заключить, что исходные данные удовлетворяют требованиям объективности и сопоставимости. В периоде наблюдений нет пропущенных значений, на их основе вполне можно проследить сложившуюся тенденцию.

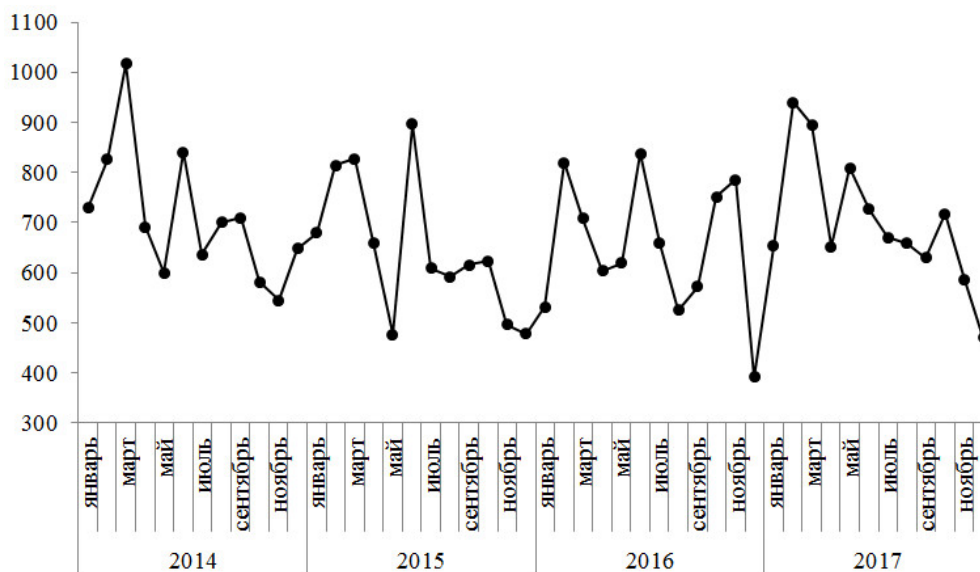

Рисунок 1. Динамика числа зарегистрированных правонарушений в Республике Мордовия (Источник: составлено авторами на основе данных, опубликованных на официальном сайте Росстата: www.gks.ru)

Визуальный анализ дает достаточные основания для определения наличия тренда в исходном временном ряду. Средний темп роста числа зарегистрированных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения в 2014 году составил 101,2%, в 2015 году – 100,7%, в 2016 году – 101,53%, в 2017 году – 99,1%.

Для подтверждения наличия тренда в данном временном ряду была проверена гипотеза о равенстве средних на основании метода Фостера-Стюарта, который кроме определения наличия тенденции развития явления позволяет обнаружить тренд дисперсий уровней ряда динамики.

В нашем случае гипотеза об отсутствии тенденции среднего уровня принимается с вероятностью 0,95, так как расчетное значение t_d превышает критическое. Следовательно, можно объективно говорить о наличии основной тенденции в данном временном ряду. В то же время гипотеза об отсутствии тенденции дисперсии также отвергается, так как расчетное значение t_s больше критического ($6,6 > 2,01$), что говорит о присутствии в рассматриваемом ряду периодических колебаний. Таким образом, при анализе сезонная

составляющая должна учитываться.

Главная задача прогноза – показать динамику изучаемого явления в зависимости от принимаемых гипотез того или иного характера на основе выявления основной тенденции. Тем самым, возникает необходимость пользоваться такими методами перспективных расчетов, которые учитывали бы вероятность сохранения основных черт и параметров на будущее. Такими методами являются разнообразные приемы экстраполяции на основе: среднего уровня, среднего абсолютного прироста, среднего коэффициента (темпа) роста, на основе кривых роста.

Под кривыми роста подразумевается математическая функция, описывающая поведение тенденции ряда, не противоречащая характеру развития ряда в периоде наблюдения и в периоде упреждения прогноза. Как известно, аналитическое выравнивание с помощью кривых роста всегда основывается на анализе определенных исходных данных и принятии предпосылок относительного характера будущих изменений изучаемого явления или процесса. Принятым предпосылкам должна соответствовать выбранная для экстраполяции аналитическая функция. Процесс выравнивания состоит из двух

этапов: 1) выбора кривых роста, форма, которых соответствует характеру изменения ряда; 2) определения численных значений параметров кривой.

Наилучшей из этих трех моделей оказалась парабола в силу наименьшей стандартной ошибки остатков.

Таблица 5. Оценка вида тренда числа зарегистрированных правонарушений в Республике Мордовия

Вид функции	Вид тренда	Стандартная ошибка остатков
Линейная	$y = -1,4005t + 711,52$	129,88
Параболическая	$y = 0,1397t^2 - 8,2456t + 768,56$	127,65
Экспоненциальная	$y = 700e^{0,001x}$	130,43

Примечание: рассчитано авторами в табличном редакторе Excel

В анализируемом временном ряду присутствуют сезонные колебания, для описания которых используем индексы сезонности. При проверке правильности вычислений индексов рассчитывается средний индекс сезонности, который в данном случае равен 100% (для аддитивных индексов ноль).

Для нахождения уровней ряда, в которых элиминировано влияние сезонности, необходимо фактические уровни поделить на соответствующий выровненный индекс (для аддитивных индексов вычесть выровненный индекс из соответствующего фактического уровня). Выровненные индексы сезонности составляют модель сезонной волны числа зарегистрированных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения. По данным числа зарегистрированных преступлений за 4 года

были вычислены индексы сезонных колебаний.

На этапе идентификации целесообразно определить несколько подходящих моделей и затем, оценив их параметры и исследовав остатки, оценить адекватность моделей, выбрав далее наилучшую модель из нескольких возможных.

В нашем случае очень удобна в применении модель АРИСС. На основе предварительной работы, проведенной в пакете STATISTICA, были рассчитаны прогнозные уровни на 2018 год.

После расчета прогнозных значений, степень их соответствия общей тенденции можно наглядно изобразить на графике, основанном на фактических, расчетных и прогнозных значениях правонарушений в состоянии алкогольного опьянения в Республике Мордовия (рисунок 2).

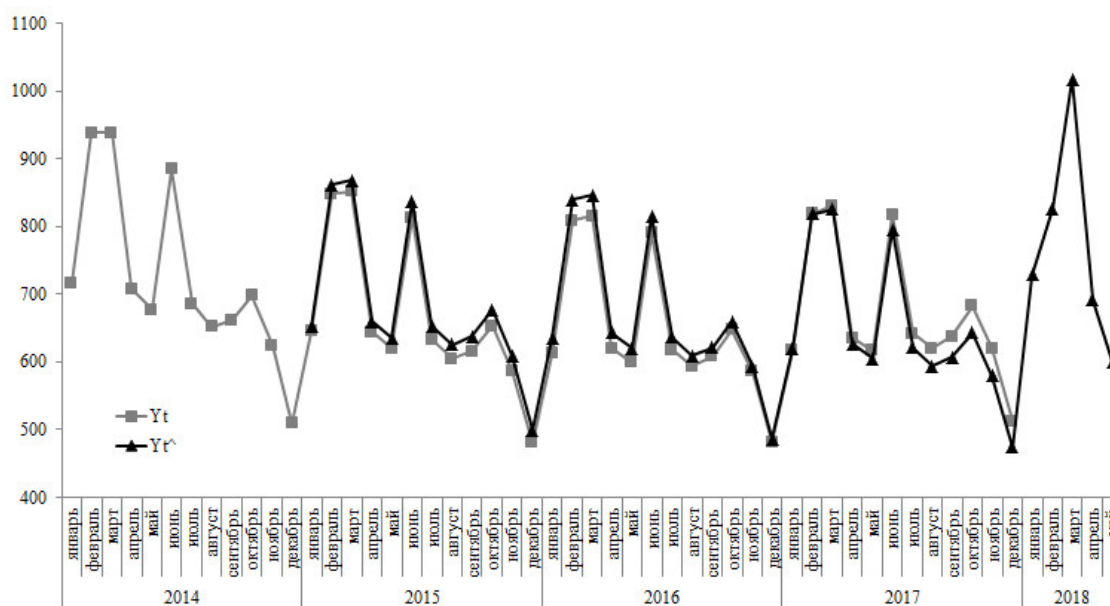

Рисунок 2. Фактическая и прогнозируемая динамика числа зарегистрированных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения в Республике Мордовия (Примечание: средняя ошибка аппроксимации составляет 5,4%)

Сущность метода экспоненциального сглаживания заключается в том, что временной ряд сглаживается с помощью взвешенной скользящей средней, в которой веса распределяются по экспоненциальному закону, по которому более ранним наблюдениям придается меньший вес, чем более поздним. В нашем случае временной ряд содержит периодическую компоненту, следовательно, можно использовать адаптивные модели с мультипликативными коэффициентами сезонности (модель

Хольта-Уинтерса).

Проверка на адекватность остатков по модели экспоненциального сглаживания дала следующие результаты: средняя ошибка аппроксимации по данной модели составила 4,41 %.

График, построенный на основе фактических и расчетных значений по модели Хольта-Уинтерса, показывает, что составленный прогноз соответствует общей тенденции, рисунок 3.

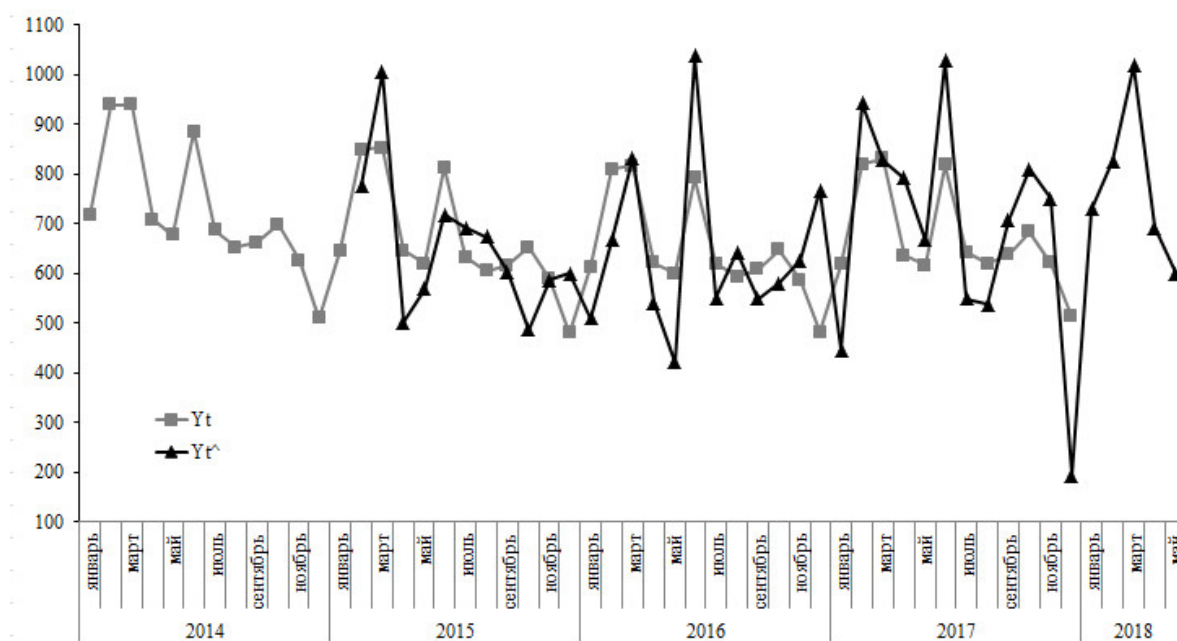

Рисунок 3. Фактические, расчетные и прогнозные значения правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения в Республике Мордовия

Суммируя весь выше представленный материал, можно сказать, что с точки зрения выполнения требований адекватности остатков построенных моделей не все оказались равноценными. Однако су-

ществует необходимость выбора наилучшей модели для прогнозирования. Для этого используется критерий точности прогноза, который основан на расчете средней ошибки аппроксимации (таблица 6).

Таблица 6. Критерии выбора модели для осуществления прогноза

Модель	Независимость	Случайность	Нормальность	Средняя ошибка аппроксимации, %
Параболический тренд	—	+	+	4,41
АРИСС модель (0;0;0)(1;0;0)12	+	+	+	5,40
Модель Хольта-Уинтерса	+	+	+	4,41

Результаты анализа рассмотренных в данной работе моделей для прогнозирования позволяют констатировать, что модель Хольта-Уинтерса выглядит наиболее предпочтительнее альтернативных прогнозных версий в силу выполнения критериев адекватности, а также наименьшей ошибки аппрок-

симации, а значит, может быть широко использована в практике социального прогнозирования.

Согласно проведенному ретроспективному прогнозу можно сделать вывод, что в 2018 году число правонарушений в состоянии алкогольного опьянения в Республике Мордовия увеличится. Прогноз

совпадает с реальными данными, которые ожидаются по расчетам в 2018 году.

Таким образом, проблема алкоголизма в настоящее время представляет собой разветвленный комплекс социальных патологий, влияющих

на нормальное функционирование общества. При принятии обоснованных решений следует избирать самые эффективные подходы, сущность которых будет представлена в дальнейших наших исследованиях.

Литература

1. Альтшулер, В.Б. Монография. А58 Алкоголизм: монография. – Москва: ГЭОТАР. Медиа, 2010. – 264 с.
2. Афанасьев, В.Н. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник / В.Н. Афанасьев, М.М. Юзбашев. – Москва: Финансы и статистика, 2011. – 320 с.
3. Белова, Ю.Ю. Алкоголизация населения как угроза национальной безопасности России: социальные последствия и их влияние на реализацию национальных интересов Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 1. – С. 278-282.
4. Владыкина, И.К. Алкоголизм в России: социальные и социально-психологические детерминанты // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 55-66.
5. Ганина, А.А. Применение статистических методов к исследованию девиантного поведения населения республики Мордовия / А.А. Ганина, М.А. Скворцова // Диалог «Статистика – Общество – Экономика»: исторический опыт и современный вектор развития / Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной празднованию Всемирного дня статистики. – Саранск, 2015. – С. 45-49.
6. Ганина, А.А. Статистический анализ показателей, характеризующих социальную патологию России / А.А. Ганина // V Международная Студенческая научно-практическая Конференция «Актуальные вопросы экономики региона: анализ, диагностика и прогнозирование» 17-21 апреля 2015 г. тезисы докладов студентов: в 2 кн.- Кн. 2. – Москва: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В.Плеханова», 2015. – С. 360-366.
7. Елисеева, И.И. Общая теория статистики: учебник / И.И. Елисеева, М.М. Юзбашев; под ред. И.И. Елисеевой. – Москва: Финансы и статистика, 2009. – 656 с.
8. Икрянова, Д.В. Алкоголизм в России как общенациональная проблема XXI века // Science Time. – 2014. – № 7 (7). – С. 121-124.
9. Сажин, Ю.В. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник / Ю.В. Сажин, А.В. Катынь, Ю.В. Сарайкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 192 с.
10. Черемисина, Н.В. Алкоголизм: глобальная проблема современной России / Н.В. Черемисина, М.И. Ивлиев, Д.Д. Талалаев // Социально- экономические явления и процессы. – 2014. – № 11. – Том 9. – С. 163-166.

УДК 338.2

Ольга Сергеевна Смотрина, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»

Анна Сергеевна Коренная, студентка магистратуры кафедры менеджмента, направление «Антикризисное бизнес-регулирование», ФГБОУ «Оренбургский государственный университет»

e-mail: a.s.korennaya@opendialogr.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ АПК

***Актуальность** исследования связана с тем, что при всем многообразии предлагаемых в науке и практике методик анализа результативности управления предприятием в недостаточной мере проработан методический инструментарий оценки антикризисного управления предприятием АПК с учетом видовой, пространственной и факторной специфики. **Целью** исследования стала разработка методики оценки антикризисного управления предприятием, учитывающей специфику агропромышленного комплекса.*

Предлагаемая методика опирается на расчет показателей с учетом влияния внешних и внутренних факторов, с применением экспертных оценок. Данная методика предназначена для оценки системы управления современным агропредприятием и позволила провести анализ совокупности компонентов деятельности предприятия, а также выявить проблемы деятельности предприятия, оценить возможные направления развития.

Описанная методика была апробирована на предприятиях Оренбургской областей. Апробация методики показала ее уместность при оценке антикризисного управления предприятием АПК в современных условиях. Применимость методики доказывается полученными в ходе исследования результатами. Особенностью разработки является принятие во внимание переменчивых факторов внешней и внутренней среды, присущих сфере АПК, особенностей структурного аграрного кризиса. Методика, предложенная в работе, может быть использована для оценки результативности реализуемого антикризисного управления предприятиями в сфере аграрного производства на основе учета видовой специфики деятельности объекта оценки.

Ключевые слова: антикризисное управление, эффективность управления, финансовый анализ, финансовая эффективность.

Под эффективностью антикризисного управления сельскохозяйственным предприятием понимается совокупность характеристик субъекта деятельности, воздействующих на условия для достижения высоких результатов в заданный временной интервал с наименьшими затратами [7].

Актуальность темы исследования обусловлена многообразием существующего методического инструментария в сфере антикризисного управления, при этом в недостаточной мере проработан методический инструментарий оценки антикризисного управления предприятием АПК с учетом видовой, пространственной и факторной специфики. Важность предлагаемой методики связана с особенностями сельскохозяйственного производства, которые отражаются на системе управления предприятием и обуславливают специфические направления деятельности, особенно в условиях кризиса. Большинство рассматриваемых методик оценки антикризисного управления не учитывает видовую специфику деятельности предприятия. В связи с этим выявлена необходимость разработки методики оценки антикризисного управления предприятием, которая будет основана на расчете экономических показателей при учете влияния видовых особенностей его деятельности в сфере АПК.

Целью исследования стала разработка методики

оценки антикризисного управления предприятием АПК.

Вопрос результативности антикризисных мер рассматривался такими учеными, как И.И. Топий [10], А.Н. Баутов и О.В. Тронева [1], Р.Р. Габдуллин [4], Е.С. Васильев, А.Ю. Нестеров, О.А. Терещенко [3], которые предлагают авторские методики оценки эффективности антикризисного управления предприятием (таблица 1).

Предлагаемая методика основана на системе оценки антикризисного управления, разработанной К.В. Кондратьевой, и позволяет провести анализ эффективности антикризисного управления, определить эффективность управления в динамике, выявить слабые моменты в системе управления [5]. В основе предлагаемой методики лежит метод экспертных балльных оценок, который позволяет всесторонне оценить состояние сельскохозяйственных организаций по следующим параметрам: результативность и финансовая эффективность, устойчивость и адаптивность, инновативность и инновационная эффективность, рациональность организационной структуры, управляемость и социальная эффективность, эффективность управления и его экономичность.

Рассматриваемая процедура исследования базируется на следующих принципах: соответствия ре-

Таблица 1. Методические подходы к оценке антикризисного управления предприятием

Автор(ы)	Характеристика методики
А.С. Большаков [2]	Сравнение затрат на проведение антикризисных мер и эффекта, который получен от их применения
И.И. Топий [10]	Расчет интегральных показателей результативности, экономичности антикризисных мер
А.Н. Баутов и О.В. Тронеv [1]	Расчет коэффициентов пригодности, оптимальности и превосходства антикризисного управления
Р.Р. Габдулин [3]	Расчет прямого и косвенного экономического эффекта от примененных антикризисных мер
Е.С. Васильева, А.Ю. Нестеров, О.А. Терещенко [2]	Построение многофакторной модели прогнозирования банкротства, сравнительный анализ показателей деятельности предприятия до применения и после применения антикризисного управления

зультатов цели деятельности, оптимальности ориентации на результат, адекватности реагирования и опережающего действия, постоянной готовности к изменениям и срочности реагирования, инновационного развития и прочее [5].

Методика оценки эффективности антикризисного управления предприятием АПК состоит из трех этапов.

Первый этап предполагает подготовку к процедурам оценки. Определяется необходимая периодичность оценки, создается рабочая группа, определяются необходимые ресурсы для оценки. Проводится сбор всей требуемой информации о внутренней и внешней среде, оценивается полнота и надежность полученной информации. Поскольку предприятие выступает одновременно и субъектом, и в качестве объекта антикризисных мер, первый этап, подразумевающий подготовку к оценке, очень важен [15].

Второй этап – расчетно-аналитический – включает анализ эффективности антикризисного управления агропредприятием. В методике предполагается расчет количественных и качественных пока-

зателей, которые объединены в пять групп критериев эффективности управления (I–V). Каждому показателю присуждается весовой коэффициент в соответствии с его значимостью. Сумма весовых коэффициентов по каждой группе равна 1. Каждому показателю присваиваются баллы, исходя из критериальных значений показателей, тенденции их изменения, а также экспертных оценок сотрудников предприятия. Рассчитывается итоговая оценка для каждой группы критериев, и затем итоговая оценка эффективности антикризисного управления.

В результате изучения различных методик анализа были выделены наиболее информативные коэффициенты для оценки результативности и финансовой эффективности деятельности предприятия. При разработке данного этапа была использована методика финансовых коэффициентов О.В. Ефимовой. Согласно методике О.В. Ефимовой, анализ баланса и рассчитанных на его основе коэффициентов следует рассматривать в качестве предварительного ознакомления с финансовым положением предприятия. В дальнейшем при внутреннем анализе должны широко привлекаться данные аналитического учета [3].

Таблица 2. Промежуточные коэффициенты эффективности антикризисного управления предприятием АПК

Промежуточные коэффициенты эффективности	Показатели для определения промежуточных коэффициентов эффективности
Коэффициент эффективности финансово-хозяйственной деятельности	1. Оценка результативности и финансовой эффективности Величина прибыли и показатели рентабельности, ликвидность баланса, платежеспособность, финансовая устойчивость, деловая активность предприятия и капиталоотдача, оценка вероятности банкротства
Коэффициент эффективности системы управления предприятием АПК	2. Адаптивность Устойчивость и стабильность предприятия во времени, скорость реакции руководства на изменения в окружающей среде, скорость подготовки и принятия решений по устранению возникающих проблем

Промежуточные коэффициенты эффективности	Показатели для определения промежуточных коэффициентов эффективности
	3. Инновационная эффективность Качество продукции, периодичность внедрения инноваций, расходы на исследования, инновационная эффективность
Коэффициент эффективности системы управления предприятием АПК	4. Социальная эффективность Отсутствие нарушений трудовой дисциплины, отсутствие текучести кадров, климат в коллективе, средняя заработная плата, производительность труда, коэффициент опережения темпа роста производительности труда темпов роста заработной платы
	5. Эффективность управления Компетентность и профессионализм управленческого персонала, наличие регламентирующих деятельность предприятия документов, стандартов и др., затраты на управление, коэффициент экономичности управления
<i>Примечание:</i> итоговый показатель эффективности антикризисного управления	

Третий этап – обобщающий. Процесс оценки эффективности антикризисного управления завершается, проводится обобщение полученных результатов анализа работы предприятия, выдвигаются предложения и рекомендация по повышению эффективности функционирования предприятия и регулированию механизма антикризисного управления.

Для обобщения результатов оценки применяется следующий алгоритм:

1) каждому показателю эффективности экспертным путем присуждается балл (B_i) при сопоставлении каждого показателя с критериальным значением и со значением предыдущего периода;

2) расчет частных показателей эффективности основывается на весовых коэффициентах (B_i), которые присваиваются значениям внутри группы, и значениях данных показателей в баллах (B_i) по следующей формуле:

$$Ч_{\text{пэ}i} = B_i * B_i \quad (1),$$

где B_i – вес i -го показателя эффективности;

B_i – балл, присужденный i -му показателю оценками экспертов;

3) итоговая балльная оценка для i -й группы критериев эффективности рассчитывается как сумма частных показателей эффективности ($Ч_{\text{пэ}i}$):

$$O_{B_i} = \sum Ч_{\text{пэ}i} n \quad (2).$$

Получение значения итоговой балльной оценки позволяет судить об уровне эффективности управления по группам критериев эффективности антикризисного управления. Критериальные границы групп были определены следующим образом:

в случае, когда показатели одной группы критериев эффективности находятся на самом максимальном из своих собственных значений, тогда по группе критериев эффективность высокая (значения отклоняются от 1 в пределах 10%). Последующее снижение значений показателей до минимальных значений критериальных границ будет свидетельствовать о сохранении эффективности (в пределах 30%) или ее существенных потерях (снижение в пределах 50%). Так, если значения показателей эффективности внутри одной группы критериев оказываются за период ниже, чем это определено их границами, то группа критериев признается неэффективной и оценивается баллом менее 0,5 (менее 50%);

4) далее проводится итоговая оценка эффективности антикризисного управления ($O_{\text{ЭАУ}}$). Она рассчитывается по формуле:

$$O_{\text{ЭАУ}} = \sum_{i=1}^n O_{B_i}, \quad (3),$$

где n – число групп критериев эффективности.

Итоговая оценка эффективности антикризисного управления получает значение от 0 до 5 баллов. Оценочная шкала представлена в таблице 3.

5) после получения значения итоговой балльной оценки эффективности антикризисного управления делаются выводы об эффективности антикризисного управления предприятием. В случае необходимости проводится разработка мер по коррекции антикризисного управления с учетом полученной информации о результатах деятельности предприятия.

Для оценки эффективности системы управления предприятием применяются существующие

методики Г.Л. Савицкой, И.И. Саенко. При этом принимается во внимание специфичность показателей финансовой эффективности деятельности

предприятия в условиях аграрного производства. В экономических расчетах допускаемая погрешность может составлять 5-10 % [8].

Таблица 3. Критерии оценки антикризисного управления предприятием

Балльная оценка эффективности	Характеристика эффективности управления
0-2,5 2,51-3,5 3,51-4,5 4,51-5,0	Неэффективное Малоэффективное Эффективное Высокоэффективное

Методика была апробирована для оценки антикризисного управления предприятием ООО «Агро-Альянс», которое по площади сельскохозяйственных угодий и по среднегодовой численности работников относится к категории малых предприятий. На основе анализа финансовой устойчивости ООО «Агро-

Альянс» можно охарактеризовать как «Кризисно-неустойчивое состояние предприятия» с большим количеством позиций, которые должны быть подвержены корректировке. В таблице 4 представлены обобщающие результаты оценки эффективности антикризисного управления ООО «Агро-Альянс»

Таблица 4. Итоговые оценки эффективности антикризисного управления ООО «Агро-Альянс»

Критерии эффективности	Мак значение	ООО «Агро-Альянс»
Финансовая эффективность	1	0,43
Адаптивность	1	0,736
Инновационная эффективность	1	0,85
Социальная эффективность	1	0,8
Эффективность управления	1	0,65
Итоговый показатель эффективности антикризисного управления	5	3,466

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы. В настоящее время ООО «Агро-Альянс» не имеет четко выраженной управленческой стратегии, оно пока функционирует, но не развивается. Обобщающий показатель эффективности по критерию «эффективность управления» говорит о недостаточно эффективном менеджменте в данном направлении. Целью предприятия в условиях кризиса является выживание, деятельность предприятия не нацелена на дальнейшее развитие и рост. Предприятие имеет низкую финансовую эффективность, в то время как инновационная эффективность находится на высоком уровне. В будущем вложения в инновации должны оправдать себя и окупиться в полном размере.

Причиной отрицательных результатов хозяйственной и управленческой деятельности ООО «Агро-Альянс» являются: отсутствие системы мониторинга факторов внешней среды и хозяйственной деятельности предприятия; регламентированной стратегии развития и системы планирования, соответствующих текущей рыночной ситуации; высокий износ основных фондов и отсутствие финан-

сирования для их замены. Все это обуславливает необходимость разработки и внедрения стратегии антикризисного менеджмента.

Таким образом, в результате исследования была предложена методика для оценки эффективности антикризисного управления предприятием АПК. Разработанная методика опирается на расчет показателей с учетом влияния отраслевых внешних и внутренних факторов при использовании экспертных оценок. Апробация методики показала ее уместность при оценке системы управления современного агропредприятия в условиях кризиса.

Методика позволяет оценить способность аграрного предприятия к устойчивому развитию на этапах реализации кризисного процесса в зависимости от эффективного использования внутренних ресурсов, что дает возможность выявить и реализовать скрытые резервы антикризисного управления. Разработанная методика оценки антикризисного управления предприятием АПК может быть применена в современных условиях функционирования предприятий, так как учитывает специфические факторы деятельности в сфере АПК.

Литература

1. Баутов, А.Н. Комплексный показатель эффективности антикризисного управления страховой организацией и критерии его оценки / А.Н. Баутов, О.В. Тронева // Страховое дело. – 2009. – № 7. – С. 10-12.
2. Васькова, Ю.И. Подходы к оценке эффективности антикризисного управления мясоперерабатывающими предприятиями АПК Украины / Ю.И. Васькова // Вестник СамГУ. – 2015. – № 2. – С. 21-29.
3. Габдулин, Р.Р. Промышленные предприятия в условиях нестабильной среды: способы оценки антикризисных мероприятий / Р.Р. Габдулин // Справочник экономиста. – 2010. – № 6. – С. 37-43.
4. Кондратьева, К.В. Оценка антикризисного управления предприятием / К.В. Кондратьева // Вестник Пермского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 189-200.
5. Корабейников, И.Н. Государственное регулирование научно технического прогресса в сельском хозяйстве / И.Н. Корабейников, О.А. Корабейникова, Е.В. Родионова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 209-213.
6. Корабейников, И.Н. Факторы, влияющие на новаторство и инновационное поведение экономических субъектов / И.Н. Корабейников, О.С. Смотрина // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3. – С. 585-581.
7. Коренная, А.С. Кластерный подход в антикризисном регулировании АПК / А.С. Коренная // Перспективы устойчивого развития АПК. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2017. – № 1. – С. 867-870.
8. Паночкина, К.В. Методы антикризисного управления при принятии решений на предприятиях реального сектора экономики / К.В. Паночкина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 2. – С. 57-65.
9. Саенко, И.И. Финансово-экономический анализ агропромышленных предприятий зарубежными и отечественными моделями / И.И. Саенко, Т.В. Сухина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 110. – С. 1351-1363.
10. Шишкина, В.А. Применение интеллектуального анализа в управленческой деятельности агропредприятия / В.А. Шишкина // Пермский аграрный вестник. – 2014. – № 1. – С. 74-78.
11. Ярошечик, М.В. Современные подходы к антикризисному управлению и предупреждению банкротства на предприятиях малого бизнеса / М.В. Ярошечик // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. – № 2. – С. 88.
12. Топій, І.І. Метод оцінювання рівня успішності реалізованих антикризових заходів / І.І. Топій // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – 2011. – № 1. – С. 651-652.
13. Zykov, S.V. Crisis Response and Management [Электронный ресурс] / S.V. Zykov // *ENCYCLOPEDIA OF INFORMATION SCIENCE AND TECHNOLOGY*. – 2018. – Vol 1. – pp. 1396-1406. – Режим доступа: <https://www.igi-global.com/gateway/chapter/183854> – (дата обращения 10.03.2018).
14. Salvador, A.B. Brand crisis management: the use of information for prevention, identification and management [Электронный ресурс] / A.B. Salvador, A.A. Ikeda // *RBGN-REVISTA BRASILEIRA DE GESTAO DE NEGOCIOS*. – 2018. – Vol 1. – pp. 74-91. – Режим доступа: <https://rbgn.fecap.br/RBGN/article/view/3583/pdf> – (дата обращения 10.03.2018).

УДК 33.336

Ахмед Мухабович Хежев, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
e-mail: khezhev@rgau-msha.ru,

Азамат Вахтангович Кабулов, аспирант кафедры финансов, направление подготовки 38.06.01 «Экономика», РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
e-mail: kabul10@bk.ru

СБАЛАНСИРОВАННАЯ СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ КОМПАНИИ

Время перехода экономики к рыночной характеризовалось появлением различных форм собственности и автономных собственников организаций и предприятий, у которых остро начал вставать вопрос определения стоимости собственного капитала, в данном заключается **актуальность** темы исследования. **Целью** данной статьи является обобщение подходов и методов к оценке стоимости сельскохозяйственного предприятия и разработка мероприятий по увеличению стоимости с учетом всех особенностей воспроизводственного процесса. В процессе написания статьи были использованы следующие **методы** исследования: сравнительный (сравнение материала из разных источников); аналитический (изучение и обобщение данных оценки, анализ); позитивный (описание того, как должна вестись оценка по нормам); нормативный (соответствие нормативным документам); корректировочный (проверка и уточнение фактов, их корректировка). Основные результаты исследования основываются на анализе рассматриваемого сельскохозяйственного предприятия и состоят в обосновании подходов, применимых к оценке бизнеса, и предложении методов его оценки. Практическая значимость работы заключается в определении и установлении стоимости рассматриваемой организации, проведении анализа современной информационной обеспеченности системы оценочной деятельности и методологических подходов к оценке стоимости организации, разработана сбалансированная система показателей и обозначены рекомендации по увеличению стоимости ООО ПЗ «Наша Родина».

Ключевые слова: финансы, оценка бизнеса, определение стоимости компании, доходный подход, затратный подход, сравнительный подход, метод дисконтирования потоков денежных средств, метод чистых активов, метод рынка капитала, система сбалансированных показателей, ключевой показатель эффективности.

Время перехода экономики к рыночной характеризовалось появлением различных форм собственности организаций и предприятий, у которых остро начал вставать вопрос определения стоимости собственного капитала. Приватизация, формирование страховой системы, развитие фондового рынка, переход финансовых институтов к кредитованию под залог имущества также приводят к необходимости определения его стоимости.

Оценка стоимости предприятия – это основа определения целесообразных подходов к управлению организацией, которые обеспечивают наибольшую эффективность его деятельности, а, следовательно, и максимальную цену на рынке, что и является основополагающей целью собственника и задачей менеджеров предприятий. Стало быть, такая область деятельности, как оценка стоимости компании, становится важной частью инфраструктуры имущественных отношений.

Вопросы оценки повышения эффективности управления актуализируются для предприятия АПК, что обусловлено повышенными рисками в отрасли и отсутствием адаптированной методологии управления ими. Таким образом, на сегодняшний день перед сельскохозяйственными товаропроиз-

водителями стоит проблема не только повышения прибыли, но и приращения стоимости предприятия путем внедрения новых инструментов управления. С нашей точки зрения, разработки мероприятий по оптимизации финансово-хозяйственной деятельности необходимо определить текущую рыночную стоимость предприятия в целом.

В своей книге «Организация и планирование бизнеса» В.А. Щербаков трактует оценку стоимости компании как «определение в денежном выражении стоимости бизнеса, учитывающей его полезность и затраты, связанные с получением этой полезности» [12].

Интересная точка зрения на процесс оценки раскрывается в трудах Н.Ф. Чеботырева, считающего, что оценку стоимости того или иного объекта необходимо рассматривать как «целенаправленный процесс определения в денежном выражении его цены с учетом потенциального и реального дохода, приносимого им в данный промежуток времени» [10].

Исходя из оценочной практики, основными подходами в оценке бизнеса являются затратный, доходный и сравнительный.

В затратном подходе к оценке организации стоимость ее оценивается с точки зрения понесен-

ных издержек на создание его активов, исходя из представления об их гипотетической продаже. В оценочной деятельности затратный подход большей частью реализуют с использованием метода чистых активов. Рассматривая данный метод, имеется предположение, что стоимость предприятия на рынке идентична стоимости собственного капитала предприятия по балансу, что и демонстрирует косвенный метод определения стоимости компании. При его использовании применя-

ются данные бухгалтерского баланса оцениваемой компании.

Процедура расчета величины чистых активов установлена в соответствии с Приказом Минфина России от 28.08.2014 № 84н (ред. от 21.02.2018) «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов».

Расчет чистых активов ООО ПЗ «Наша Родина» в балансовой оценке за анализируемый период приведен в таблице 1.

Таблица 1. Расчет рыночной стоимости ООО ПЗ «Наша Родина» по методу чистых активов, тыс. руб.

Наименование показателя	Код строки баланса	На конец года		
		2015 г.	2016 г.	2017 г.
1. Активы				
Нематериальные активы	1110	0	0	0
Основные средства	1150	348398	333977	374106
Долгосрочные финансовые вложения	1160+1170	0	0	0
Прочие внеоборотные активы	1190	3339	6654	1698
Запасы	1210	234117	265858	236795
Дебиторская задолженность	1230	27432	118301	212270
Краткосрочные финансовые вложения	1240	106158	77185	44903
Денежные средства	1250	2885	153	515
Прочие оборотные активы	1260	3133	3327	3327
Итого активы		725462	805455	873614
2. Пассивы				
Заемные средства	1410+1510	282965	200123	266284
Кредиторская задолженность	1520	30841	76373	91951
Прочие пассивы	1550	0	0	0
Итого пассивы		313806	276496	358235
3. Чистые активы, тыс. руб.	Активы-Пассивы	411656	528959	515379

Таким образом, рыночная стоимость ООО ПЗ «Наша Родина» методом чистых активов по состоянию на 01.01. 2018 г. составляет 515379 тыс. руб.

При оценке стоимости предприятия доходным подходом, суть которого заключается в том, что необходимо определить стоимость предприятия, основываясь на тех доходах, которые в будущем времени возможно получить организации, они также включают в себя вырученные денежные средства от реализации имущества, которое окажется не нужным для привлечения таких доходов. Рассматривая оценку стоимости организации с применением доходного подхода, с нашей точки зрения, особенно точными выступают данные, которые были получены с использованием метода

дисконтирования потока денежных средств.

Для расчета стоимости организации сформируем прогноз выручки от продаж. Предположим, что темп прироста выручки от продажи в прогнозный период приравнивается скользящему среднему темпу прироста за ретроспективный период.

Таким образом, выручка в первый прогнозный 2017 год будет составлять: выручка за 2016 год, которая увеличена на прирост выручки в 2017 году; выручка в 2018 году: выручка за 2017 год, которая увеличена на прирост выручки в 2018 году и т.д. В постпрогнозный период заложим темп прироста выручки на уровне 6 %.

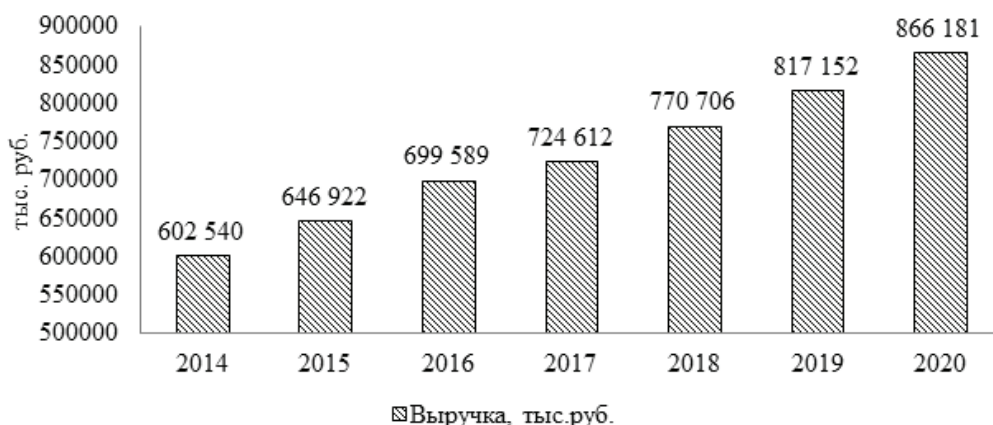

Рисунок 1. Прогноз выручки от продаж, тыс. руб.

После проведения расчетов прогнозных значений себестоимости проданной продукции, прибыли от продаж, темпа роста оборотного капитала нам

необходимо выявить все риски, с которыми может столкнуться ООО ПЗ «Наша Родина».

Таблица 2. Расчет рисков присущих ООО ПЗ «Наша Родина»

Вид и наименование риска	Балл риска									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Несистематический риск										
Диверсификация деятельности			1							
Доля на рынке									1	
Качество управления				1						
Систематический риск										
Уровень инфляции								1		
Процентные ставки							1			
Экономический рост					1					
Обменные курсы						1				
Криминогенные факторы		1								
Изменение государственной политики					1					
Барьеры вступления в отрасль									1	
Количество наблюдений	0	1	1	1	2	1	1	1	2	0
Взвешенный итог	0	2	3	4	10	6	7	8	18	0
Сумма	58									
Количество факторов	10									
Средневзвешенное значение	5,8									

Из таблицы видно, что суммарный риск предприятия согласно представленным данным равен 5,8 %.

Расчетная ставка дисконтирования для компании составляет:

$$r = 8 + 5,8 + 1,9 + 0 = 15,7\%.$$

Следом рассмотрим таблицу 3, в которой приводятся расчеты денежных потоков за прогнозный и постпрогнозный периоды.

Таблица 3. Расчеты денежных потоков за прогнозный и постпрогнозный периоды, тыс. руб.

Показатель	Прогнозный период			Пост- прогнозный период
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Чистая прибыль	257058	298678	319177	327060
Абсолютный прирост основных средств	39133	43097	45475	48211
Амортизационные отчисления	41623	45936	48441	51340
Прирост долгосрочных задолженностей	13236	5259	1371	7980
Прирост чистого оборотного капитала	16021	8382	79330	44921
Денежный поток	256763	298394	244184	293248

Расчет окончательной стоимости бизнеса приведен в таблице 4.

Таблица 4. Расчет рыночной стоимости бизнеса ООО ПЗ «Наша Родина» по доходному подходу, тыс. руб.

Показатель	Прогнозный период			Постпрогнозный период
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Текущая стоимость денежных потоков	231087	238715	170929	46040
Сумма текущих стоимостей денежных потоков	686771			

Таким образом, рыночная стоимость ООО ПЗ «Наша Родина», рассчитанная по доходному подходу, составляет 686771 тыс. руб.

Наиболее приемлемым методом определения рыночной стоимости ООО ПЗ «Наша Родина» в рамках сравнительного подхода нами выбран метод компаний-аналогов (метод рынка капитала), для чего был проведен тщательный отбор предприятий-аналогов. В качестве аналога выбрана компания ЗАО «Племзавод Гулькевичский», занимающаяся выращиванием масличных, зерновых и зернобобовых культур, а также разведением и

выращиванием крупного рогатого скота.

Стоимость продажи ЗАО «Племзавод Гулькевичский» составляет 976100 тыс. руб. Прибыль и выручка за отчетный год равна 50237 тыс. руб. и 701424 тыс. руб., соответственно.

Далее был произведен расчет величины ценовых мультипликаторов «Цена/Выручка от реализации» (P/S) и «Цена/Чистая прибыль» (P/E) – второй этап оценки сравнительным подходом.

Итоги расчета рыночной стоимости ООО ПЗ «Наша Родина» с использованием метода капитала за анализируемый период приведены в таблице 5.

Таблица 5. Расчет стоимости бизнеса методом рынка капитала

Показатель	Значение
Мультипликатор P/S (среднее значение по рейтингу «Эксперт»)	1,4
Мультипликатор P/E (среднее значение по рейтингу «Эксперт»)	19,4
Выручка оцениваемого бизнеса, тыс. руб.	701424
Чистая прибыль оцениваемого бизнеса, тыс. руб.	50237
Капитализация по мультипликатору P/S, тыс. руб.	981 994
Капитализация по мультипликатору P/E, тыс. руб.	974598
Средняя капитализация оцениваемого бизнеса, тыс. руб.	978296

Проанализировав сопоставимый объект, можно сделать следующий вывод: цена на рынке оценива-

емого объекта, рассчитанная сравнительным подходом, составляет: 978296 тыс. руб.

Рисунок 2. Результаты оценки ООО ПЗ «Наша Родина»

Для возможности сопоставления результатов рассчитанных стоимостей организации, полученных

благодаря различным методам оценки стоимости предприятия, был выделен ряд критериев сравнения.

Таблица 6. Критерии сравнения затратного, доходного и сравнительного подходов

№	Критерии	Затратный подход	Доходный подход	Сравнительный подход
п/п				
1	Соответствие целям оценки		+	
2	Соответствие используемой информации		+	
3	Достаточность информации	+		
4	Достоверность информации	+		
5	Учет имущественного потенциала	+		
6	Учет рыночной конъюнктуры			+
7	Учет перспектив развития бизнеса		+	
8	Учет рисков		+	
9	Простота расчетов	+		
10	Учет специфических особенностей объекта оценки			+
Количество наблюдений		4	4	2
Итог		2/5	2/5	1/5
Вес		0,4	0,4	0,2

Для возможности определения наиболее точной стоимости компании необходимо произвести расчет средневзвешенного значения стоимости предприятия, сообразно удельным весам применяемых подходов.

Проведенная оценка стоимости бизнеса по трем подходам (затратному, доходному и сравнительному) дала следующие результаты.

Рыночная стоимость ООО ПЗ «Наша Родина» по затратному подходу, а именно методом чистых

активов, по состоянию на 01.01.2018 г. составляет 515,4 млн руб.

Рыночная стоимость ООО ПЗ «Наша Родина» по доходному подходу (методом дисконтирования денежных потоков) – 686,8 млн руб.

Рыночная стоимость ООО ПЗ «Наша Родина» по сравнительному подходу (метод рынка капитала) – 978,3 млн руб.

Для определения более точной стоимости орга-

низации было рассчитано средневзвешенное значение, согласно удельным весам применяемых подходов. После согласования результатов выявлена итоговая рыночная стоимость бизнеса ООО ПЗ «Наша Родина», которая составляет 676,5 млн руб.

При наличии информации о текущей рыночной стоимости бизнеса для дальнейшего управления и приращения значения данного показателя необходимо разработать и систематизировать отдельные индикаторы, которые позволят выявить наиболее эффективные инструменты стратегического управления компаний. С нашей точки зрения, наиболее многообещающим выступает внедрение системы сбалансированных показателей (далее – «ССП»), которая в дальнейшем будет обеспечивать объединение финансовых и нефинансовых индикаторов. ССП также принимает во внимание причинно-следственные связи между нетто-показателями и факторами, которые формируются под их воздействием.

Разработка и внедрение ССП в деятельность оцениваемой организации означает кардинальную перестройку всего процесса осуществления организационной стратегии. Новую концепцию необходимо рассматривать не столько как систему показателей, сколько как всеохватывающую систему управления. Правильно выявленные ключевые показатели перспектив развития организации, их взаимосвязь в целом, баланс между ними в дальнейшем приведет к качественному росту предприятия, увеличению и стабилизации показателей ликвидности, финансовой устойчивости, платежеспособности и др. При повышении эффективности деятельности предприятия будет расти и его оцениваемая рыночная стоимость.

Для ООО ПЗ «Наша Родина» была разработана сбалансированная система показателей, которая отображена в таблице 8.

Таблица 8. Сбалансированная система показателей ООО ПЗ «Наша Родина»

Показатели ССП	Цели	Описание	Измеритель			Отклонение в 2017 г. от 2015 г.
			2015 г.	2016 г.	2017 г.	
1	2	3	4	5	6	7
Финансы	Увеличение объемов производства	Темп роста выручки = $\frac{\text{выручка за прошлый год}}{\text{выручка за текущий год}} * 100\%$, %	93,14	92,47	105,63	12,49
	Участие в государственных программах	Итого субсидий, тыс. руб.	45167	27537	61753	16586
Клиенты	Расширение клиентской базы	Итого клиентов, чел.	94	79	63	-31
	Увеличение сегмента продаж	Итого регионов, шт.	40	39	35	-5
Бизнес-процессы	Оптимизация себестоимости продукции	Темп снижения себестоимости = $\frac{((\text{себестоимость продукции отчетного периода} / \text{выручка отчетного периода}) - (\text{себестоимость продукции предшествующего периода} / \text{выручка предшествующего периода}) - 1) * 100}{1}$, %	-11	2	2,4	-8,6
Бизнес-процессы	Привлечение инвестиций	Норма инвестиций = $\frac{\text{прирост основных средств}}{\text{выручка}}$, тыс. руб.	22379,5	14501	42246,9	19867,4
	Повышение производительности труда	Производительность труда = $\frac{\text{Выручка}}{\text{среднесписочная численность работников за год}}$, руб./чел.	1397,24	1673,66	2271,51	874,27

Показатели ССП	Цели	Описание	Измеритель			Отклонение в 2017 г. от 2015 г.
			2015 г.	2016 г.	2017 г.	
1	2	3	4	5	6	7
Кадры	Увеличение инвестиций в человеческий капитал	Размер оказанной материальной помощи, тыс. руб.	654	610	620	-34
	Повышение профессиональных компетенций сотрудников	Доля работников от общего количества сотрудников предприятия, посещающих семинары, курсы повышения квалификации и т.п., %	18,36	21,29	27,59	9,23

ССП поддерживает определение финансовых показателей, а также предусматривает управление нефинансовыми показателями, отображающими направление движения предприятия к созданию его будущей стоимости через инвестиции в персонал, оптимизацию бизнес-процессов и технологии, взаимоотношения с клиентами и поставщиками. Рассматривая деятельность организации, используя такой более широкий взгляд на управление, можно увидеть реальную, объективную картину ее состояния, провести анализ возможностей внутреннего и внешнего развития, а также конкурентоспособности.

При разработке сбалансированной системы показателей для ООО ПЗ «Наша Родина» в стратегической зоне финансов можно выделить следующие цели: увеличение объемов производства; участие в государственных программах. В соответствии целям следует использовать показатели темпа роста выручки и сумму полученных организацией субсидий.

За исследуемый период темп роста выручки вырос на 12,49 %, что свидетельствует о положительной динамике показателя.

Сумма поступления субсидий из бюджета в 2017 году, по сравнению с 2015 годом, увеличилась на 16586 тыс. руб.

Перспектива «Клиенты» – подразумевает показатели взаимных отношений между организацией и клиентом, это удовлетворенность клиента, доля на рынке в целевом сегменте, специфические свойства товаров и услуг.

Расширение клиентской базы характеризуется количеством клиентов организации. Это могут быть как юридические лица и индивидуальные предприниматели, так и физические лица.

Бизнес-процессы включают значимые операционные цели и подчеркивают основные процессы, которые необходимы для удовлетворения клиентских запросов. Целями развития вышеназванной перспективы сбалансированной системы показателей были выбраны оптимизация себестоимости продукции, привлечение инвестиций и повышение производительности труда.

Каждый бизнес, который находится в любой стадии своего развития, нуждается в постоянном пополнении оборотного капитала, средств для расширения собственного присутствия на рынке. Для расчета привлечения инвестиций существует показатель нормы инвестиций. В 2017 году норма инвестиций составила 42246,9 тыс. руб., что на 19867,4 тыс. руб. больше, по сравнению с 2015 годом (22379,5 тыс. руб.).

Последней рассматриваемой перспективой разработанной сбалансированной системы показателей для ООО ПЗ «Наша Родина» будет «Кадры». За последний отчетный год организацией была предоставлена материальная помощь сотрудникам в размере 620 тыс. руб. Среднее значение выплат за период с 2015 по 2017 гг. составило 628 тыс. руб.

ССП, которая определяет эффективность хозяйственной деятельности предприятия, устраняет недостатки нынешней системы их управления.

Рассмотрим метод измерения эффективности от внедрения ССП. В числителе отображены результаты деятельности предприятия, в знаменателе – затраты. Данный метод измерения предоставляет возможность установить экономическую эффективность используемого инструмента управления по отношению к каждому из множества показателей деятельности предприятия.

Оценку эффективности управления (Эу) определяем по формуле (1):

$$Эу = \frac{Эс}{Эп} = \frac{Ау/D}{Вч.п./Ст}, \quad (1),$$

где Эу – эффективность управления, показатель, представляющий собой отношение экономичности управления Эс к эффективности производства Эп;

Ау – затраты на управление; D – стоимость основных и оборотных фондов; Вч.п. – объем условно-чистой продукции (зарплата + прибыль); Ст – численность промышленно-производственного персонала [9].

Значения показателей и темпы роста на 2018 год используются из таблиц, рассчитанных выше.

В результате внедрения ССП деятельность по финансовому направлению поможет увеличить

прибыль и заработную плату работников в среднем на 3 %.

Рассчитаем темпы роста заработной платы в ООО ПЗ «Наша Родина» в таблице 9.

Таблица 9. Темп роста заработной платы сотрудников ООО ПЗ «Наша Родина»

Показатель	Ретроспективный период				Прогнозный период			Постпрогнозный период
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Зарботная плата	632765	97802	99416	99408	71937,8	65705,2	57753,6	61218,8
Темп прироста заработной платы, %	–	-84,54	1,65	-0,01	-27,63	-8,66	-12,1	-16,3

Расчеты Эу по предприятию ООО ПЗ «Наша Родина» в 2017 г. до внедрения ССП и в 2018 г. после внедрения отображены в таблице 10.

Таблица 10. Исходные данные для оценки эффективности управления по ООО ПЗ «Наша Родина»

Показатель	Условное обозначение	Единица измерения	Значения показателей		Источник данных
			2017 г., до внедрения	2018 г., после внедрения	
Условно-чистая продукция	Вч.п.	Млн.	295	330	Зарплата + прибыль
Затраты на управление	Ау	Млн.	41	44	Форма БФО № 2
Основные и оборотные фонды	D	Млн.	878	967	Форма БФО № 1
Численность	Ст	Чел.	390	354	Форма БФО № 5а

Вышеприведенные таблицы демонстрируют, что эффективность стратегического управления с использованием такого инструмента, как ССП, на рассматриваемом предприятии растет, чем при использовании бюджетирования.

Применяя сбалансированную систему показа-

телей, которая является частью единой системы экономических показателей предприятия, можно отметить, что важным моментом является применение не только финансовых, но и нефинансовых показателей деятельности предприятия.

Таблица 11. Эффективность стратегического управления от внедрения инструмента ССП

Показатель	Значения показателей	
	До внедрения	После внедрения
Экономичность управления (Эс), коэфф.	0,047	0,046
Эффективность производства (выработка на одного человека) (Эп), тыс. руб.	756,41	932,20
Эффективность управления (Эу), коэфф.	0,00006	0,00005

Нефинансовые показатели деятельности предприятия, связанные с нематериальными активами, деловой репутацией предприятия, удовлетворенностью потребителей, помогают достоверно оценить перспективы развития организации в целом.

В процессе исследования в данной статье нами были сделаны следующие выводы в соответствии с поставленными целями.

С помощью ССП можно не только анализировать финансовые результаты, но и одновременно участвовать в создании новых возможностей и ре-

гулировать создание нематериальных активов для дальнейшего роста, тем самым каждая из составляющих ССП важна и играет определенную роль в создании стоимости организации.

Сформулированы ключевые факторы успешного внедрения системы управления стоимостью в ООО ПЗ «Наша Родина», в частности, сбалансированная система показателей, которая позволит не только увеличить стоимость организации, но и повысить ее прибыль и другие основные показатели деятельности предприятия.

Литература

1. Аллахвердиев, М.И. Стоимостная оценка бизнеса. – Санкт-Петербург: СПб ГТУ, 2014. – 200 с.
2. Есипов, В.Е. Оценка бизнеса. – Санкт-Петербург: Изд-во «Питер». 2015. – 415 с.
3. Зарук, Н.Ф. Оценка стоимости бизнеса / Н.Ф. Зарук, Р.В. Костина. – Москва: Изд-во ООО «УМЦ «Триада», 2016. – 170 с.
4. Зарук, Н.Ф. Методология оценки бизнеса / Н.Ф. Зарук, А. Воронцов, К. Фалунина // Тенденции развития системы управления финансами в исследованиях молодых ученых: сборник статей. – Москва: Изд-во ООО «УМЦ «Триада», 2016. – С. 18-29.
5. Кабулов, А.В. Сеняйкин, А.А. Проблемы оценки стоимости компании в России / А.В. Кабулов, А.А. Сеняйкин // Актуальные проблемы управления финансами в исследованиях молодых ученых: сборник статей. – Москва: ООО «УМЦ «Триада», 2015. – С. 123-128.
6. Кабулов, А.В., Урусов, М.Р. Проблемы оценки недвижимости в России / А.В. Кабулов, М.Р. Урусов // Актуальные проблемы управления финансами в исследованиях молодых ученых: сборник статей. – Москва: ООО «УМЦ «Триада», 2015. – С. 260-265.
7. Казначеева, Н.Л. Оценка эффективности внедрения сбалансированной системы показателей как инструмента стратегического управления предприятием / Н.Л. Казначеева, А.В. Моргунов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2009. – № 1. – С. 48-52.
8. Коупленд, Т., Мурин, Дж., Колер, Т. Стоимость компаний: оценка и управление. – Москва: Изд-во «Олимп-Бизнес», 2015. – 532 с.
9. Кундиус, В.А. Российский АПК: современное состояние и проблемы развития / В.А. Кундиус, А.И. Алтухов // АПК: экономика и управление. – 2014. – № 1. – С. 78-79.
10. Чеботырев, Н.К. Экономическая эффективность предпринимательской деятельности в системе производства и использования кормов // Российское предпринимательство. – 2012. – № 8. – С. 8-12.
11. Шамин, А.Е., Фролова, О.А. Оценка эффективности агропроизводства // Экономика сельскохозяйственных предприятий. – 2015. – № 4. – С. 13-14.
12. Щербаков, В.А. Оценка стоимости предприятия (бизнеса). – Новосибирск: НГТУ, 2014. – 128 с.

УДК 338.1: 303.725.36

Александр Павлович Цыпин, кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: zipin@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН МЕТОДАМИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И СТАТИСТИКИ

*Прошедшая четверть века с момента распада Советского Союза показала, что противостоять реалиям глобальной экономико-политической обстановки постсоветским странам по отдельности достаточно сложно, выходом из этой ситуации является процесс интеграции в союзы и объединения. Данный процесс заслуживает отдельного пристального внимания со стороны экономической науки как новый, ранее не существовавший, в этой связи выбранная тема является **актуальной**. Целью настоящей статьи является выявление закономерностей трансформационных преобразований экономики постсоветских стран с позиции системного анализа. В качестве **методов** исследования используются такие общенаучные, как анализ и синтез, а также частнонаучные методы системного анализа (методы декомпозиции сложных систем, методы раскрытия «черных ящиков») и статистики (табличный, графический, коэффицентный, группировки, корреляции). В качестве основных **результатов** проведенного исследования можно назвать: до 1970 года темпы роста экономики СССР были сопоставимы с показателями по США, далее американская экономика показывает себя как устойчивая система, а внутренние противоречия и воздействие внешней среды привели к гибели Советского Союза. Образовавшиеся в результате этого постсоветские республики проявляют тенденцию к интеграции вокруг таких центров притяжения, как Европейский союз, РФ и Китай. Полученные результаты **будут полезны** исследователям в области переходной экономики, а также служащим государственных учреждений для формирования политики интеграции России и стран постсоветского пространства.*

Ключевые слова: статистика, системный анализ, бифуркация, динамика, трансформация, Советский Союз, постсоветские страны.

Введение. Проблема интеграции и дезинтеграции постсоветских республик достаточно актуальна, так как прошедшие четверть века с момента распада СССР показали, что в одиночку странам с переходной экономикой очень сложно найти и занять свою нишу в мировом пространстве. Даже Российская Федерация, обладая колоссальными запасами природного, человеческого и воспроизводимого капитала испытывает трудности, что говорить о среднеазиатских республиках, таких как Таджикистан или Туркменистан ограниченные в ресурсах. В этой связи представляется интерес рассмотрения процесса развития СССР, его распада и дальнейшего функционирования постсоветских стран с позиции системного анализа.

Проведенный теоретико-методологический анализ интересующей нас предметной области выявил несколько работ заслуживает внимание и прежде всего это публикации таких авторов как: Алеников А.С. [1], Гаджиев Н.Г. [3], Господарик Е. [4], Гурский В. [5], Зуев В.Н. [8], Ковалева В.Д. [9], Король О.В. [12], Кривцов А.И. [13], Лизунков В.Г. [14], Огнева В.В. [16], Рогова И.А. [17], Ткаченко И.Ю. [18], Хачев М.М. [19]. Представленные авторы рассматривают процесс интеграции постсоветских стран посредством объединения с новые содружества (СНГ, Таможенный союз, ЕАЭС, БРИКС и т.д.) через призму системного анализа, но в представленных работах отсутствует ретроспективный анализ проблемы и сопоставление

темпов роста (снижения) до и после точки бифуркации 1991 года. Далее, в ходе изложения результатов исследования, заполним выявленные пробелы.

Также стоит отметить, что проводимое исследование является логическим продолжением работы «Статистический анализ трансформации экономики России» [20], а также частью ряда более поздних авторских публикаций [21, 22, 23].

Данные и модели. Состоятельность получаемых в ходе анализа выводов во многом зависит от имеющейся в распоряжении исследователя статистической информации, в этой связи необходимо кратко остановиться на источниках, к которым мы прибегали в ходе достижения поставленной цели. Так для отображения траектории движения экономики Советского Союза был построен исторический временной ряд Национального дохода СССР (НД), для формирования уровней которого мы использовали сведения содержащиеся в статистическом ежегоднике Народное хозяйство СССР за различные годы. Информация по ВВП постсоветских стран и США были взяты из базы данных Всемирного банка, что обусловлено сопоставимостью во времени и пространстве вследствие единой методологической базы и единого стоимостного измерителя (в данном случае доллары США).

Так как в исследовании будут сопоставляться экономики нескольких стран, то необходимо кратко указать на макроэкономические показатели, на которых базируется проведенный анализ.

В настоящее время сопоставимость макропоказателей в мировом масштабе обеспечивает Система национальных счетов (СНС), центральным показателем которой является Валовой внутренний продукт (ВВП). Но до 1991 года на регулярной основе ВВП в Советском Союзе не рассчитывался, так как в социалистических странах функционировала другая система учета на макроуровне, это Баланс народного хозяйства (БНХ). Центральным показателем БНХ, характеризующим функционирование экономики, является совокупный общественный продукт (являющийся научной абстракцией) или более понятный Национальный доход, который показывает вновь созданную стоимость в сфере материального производства.

Не имея возможности произвести конвертацию НД в ВВП по СССР, будем использовать темп роста первого показателя в качестве индикатора развития экономики Советского Союза за период 1961–1990 гг., по США на всем протяжении анализируемого периода (1961–2016 гг.) используем ВВП, соответственно траекторию движения экономики постсоветских стран также будем отслеживать на основе ВВП.

Стоит отметить, что имеющиеся в распоряжение данные накладывают ограничение на интервал исследования, в результате будем анализировать два временных отрезка 1961–1990 гг. и 1991–2016 гг., выбор 1991 года в качестве точки «водораздела» объясняется глубокими преобразованиями в экономике рассматриваемой совокупности стран.

При проведении анализа экономического явления (процесса, объекта) очень важно выбрать подходящий инструментарий, который позволил бы с максимальной точностью отразить все, что необходимо для успешного решения поставленной цели. Так как объектом нашего исследования является экономическая система в форме экономики страны, то обратимся к классификации методов моделирования систем. Согласно мнения Дрогобыцкого И.Н. выделяют две группы таких методов [6]: во-первых, это методы активизации интуиции, опыта знаний и навыков специалистов; во-вторых, методы формализованного представления систем. Ко второй группе относятся статистические методы (в том числе методы многомерной статистики и эконометрические методы), которые позволяют провести предварительный анализ внешней сре-

ды и внутренних взаимосвязей системы, а также сформировать модель влияния факторов (входные сигналы системы) на результативные показатели (выходные сигналы системы). По этой причине в рамках данной статьи ограничимся лишь статистическим инструментарием.

Результаты исследования. Прежде чем приступить к рассмотрению показателей характеризующих развитие экономики СССР и постсоветских стран, кратко остановимся на некоторых положениях системного анализа применительно к экономике страны. Для начала необходимо определить, что понимать под «экономической системой» и можно ли экономику страны отождествлять с этим понятием. Так Корнев Г.Н. и Яковлев В.Б. дают следующее определение экономической системы это «объединенные в сложные структуры многоуровневые организации, создаваемые людьми для производства материальных благ с целью удовлетворения своих материальных потребностей» [11]. Данная система «...предназначена для переработки вещества, энергии информации и знаний в потребительские стоимости или обеспечивает их распределение, обмен и потребление» [6]. Представленные определения полностью согласуются с рассматриваемыми нами объектами (СССР – постсоветские страны), так как эта система образована сообществом людей для преобразования имеющихся ресурсов и удовлетворение потребности человека.

Если обратится к базовой типологии экономических систем, которая подразделяет их на четыре категории (проектные, процессные, объектные, средовые), то экономика страны подпадает под третью категорию, которая ограничена в пространстве, но не ограничена во времени. Она может существовать продолжительный промежуток времени (в идеале бесконечно долго) постоянно адаптируясь к изменению внешней среды. Миссия объектных систем заключается в объединении разнородных элементов в единое целое для целенаправленной экономической деятельности (выпуска продукции и/или оказания услуг) и поддержании этого объединения в актуальном состоянии в текущий момент и в обозримой перспективе.

Самым упрощенным представлением системы может быть модель, схематично представленная на рисунке 1.

Рисунок 1. Упрощенное представление системы (Источник: составлено автором по материалам Новосельцева В.И. [15])

Матрица X характеризует вход системы, т.е. факторы оказывающие воздействие на систему, в свою очередь матрица Y характеризует выход системы, т.е. результат функционирования системы. Внутри система состоит из множества объектов, находящихся в постоянной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

Данное представление системы полностью согласуется с представлением экономики целой страны, когда на входе имеем факторы производства, а на выходе эффект, т.е. СНС (ранее БНХ) можно считать моделью описывающей функционирование страны как экономической системы.

Еще одним важным понятием является «бифуркация» [7], Кондратьев Н.Д. дает следующее определение «...представляет собой период прохождения экономической системой неустойчивого состояния, для которого характерен дисбаланс ее основных параметров и множественность вариантов дальнейшего развития» [10]. Так назревшие противоречия в экономике СССР (будут рассмотрены подробнее ниже) привели к распаду союза и переходу вновь сформировавшихся республик к новому устойчивому состоянию.

Также выделяют «точку бифуркации» под которой понимают такую позицию в параметрическом пространстве (пространстве, в котором каждой точке соответствует определенное состояние системы,

а положение этой точки определяется значениями параметров и переменных состояния), в которой происходит переход из одного устойчивого состояния в другое. В нашем случае такой точкой смены одного состояния на другое является 1991 год, в котором было подписано «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» (СНГ), в котором констатировалось прекращение существования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности» и заявлялось о создании СНГ.

В точке бифуркации система характеризуется флуктуациями (возмущениями, колебаниями показателей), которые вызывают качественное и количественное скачкообразное изменение системы с выбором нового аттрактора или перехода в новое устойчивое состояние. Что мы будем наблюдать на ряде графиков и диаграмм приведенных ниже.

Далее рассмотрим, как процесс перехода из одного состояния в другое отразилось на экономике СССР, а затем постсоветских стран. И для начала проведем сопоставление темпа роста (снижения) НД СССР и темпа роста (снижения) ВВП США (рисунок 2). Выбор данных стран объясняется значительным по времени противостоянием союзов, вылившиеся в «холодную войну», которая сыграла не последнюю роль в гибели Советского Союза.

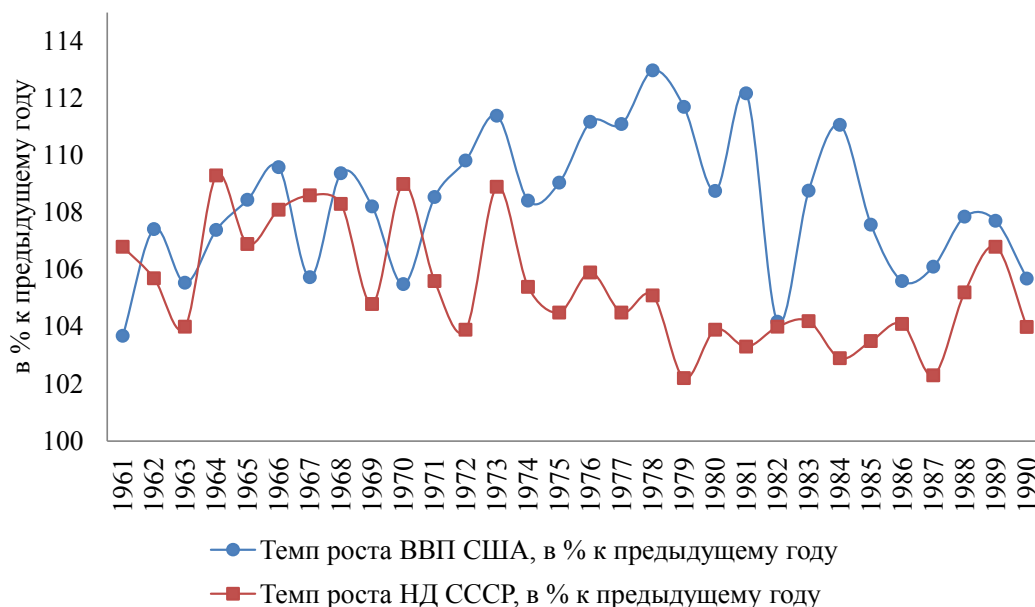

Рисунок 2. Темп роста НД СССР и ВВП США, в % к предыдущему году (Источник: НД СССР взят из ежегодника Народное хозяйство СССР, ВВП США взят с сайта Всемирного Банка)

Согласно информации представленной рисунке, как в СССР, так и в США наблюдается непрерывный рост макропоказателей, но если до 1970 года уровень прироста между странами был сопоставим, то после этого момент значения по Советскому Союзу значительно отстают от американских. По-видимому, ска-

зывается напряжение «гонки вооружения» и наметившиеся проблемы с источниками финансирования этого процесса. Значительное снижение темпа роста в США в 1982 году объясняется последствиями Мирового экономического кризиса 1980–1982 гг., который охватил весь капиталистический мир.

Для подтверждения выдвинутой мысли рассчитаем значения t -статистики Стьюдента для анализируемых объектов на двух интервалах 1961–1970 гг. и 1971–1990 гг. Оценка эмпирического значения показателя приводит к следующему: США $t = -1,655$ при $p = 0,109$, СССР $t = 3,082$ при $p = 0,005$. Получаем, что для первой страны средние темпы роста на выделенных участках различаются не существенно, а для второй страны значительно отличны друг от друга. Таким образом, подтверждается наше предположение о замедлении роста экономики в Советском Союзе после 1970 года.

Развитие экономики СССР полностью укладывается в рамки теории системного анализа, как отмечает Дрогобыцкий И.Н. любая система проходит три стадии [6]: зарождение, развитие и гибель, что мы и наблюдаем на примере рассматриваемого объекта. В качестве причин гибели системы называют следующие: нарушение устойчивости функционирования; нарушение обращения вещества, энергии или информации по каналам связи между элементами системы; истощение ресурсов. В случае экономики Советского Союза просматриваются все три причины.

Потеря устойчивости экономической системы произошла из-за нарушения связей в системе, вызвавших изменение ее структуры, а именно республиканские правящие элиты были заинтересованы в получении большей независимости и самостоятельности от союзного центра. Данное стремление вылилось в «парад суверенитетов» в конце 1980-х годов, когда Эстонская, Литовская и Латвийская

ССР, приняли законы о восстановлении собственных независимых государств. В течение 1990 года подобные законодательные акты приняли оставшиеся республики союза.

Если экономика всего СССР является системой, то экономика республик входившие в ее состав есть не что иное, как элементы системы (так как в рамках проводимого исследования не ставится задачи разделить экономику страны на составные части). Между элементами данной системы существовали внутренние связи, разрушение которых в 1991 году привело к плачевным последствиям для всех постсоветских стран. Прежде всего, для стран игравших третичные роли в экономике союза (Азербайджанская ССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР, Молдавская ССР, Грузинская ССР и Армянская ССР) для них прекратилось финансирование бюджетов, подпитка технологиями и высококвалифицированными специалистами. Для стран обладавших развитой промышленностью (Украинская ССР, Белорусская ССР и Казахская ССР) был закрыт или ограничен рынок сбыта продукции на территории РФ, несмотря на вступление в СНГ, а затем и в Таможенный союз, причина этого проста, товары, производимые в этих странах не выдерживали конкуренции с западными аналогами.

Третий фактор в явном виде к Советскому Союзу как экономической системе не применим, но вот мировые цены на ресурсы и в первую очередь на нефть, сыграли не последнюю роль в гибели Советской Империи (рисунок 3).

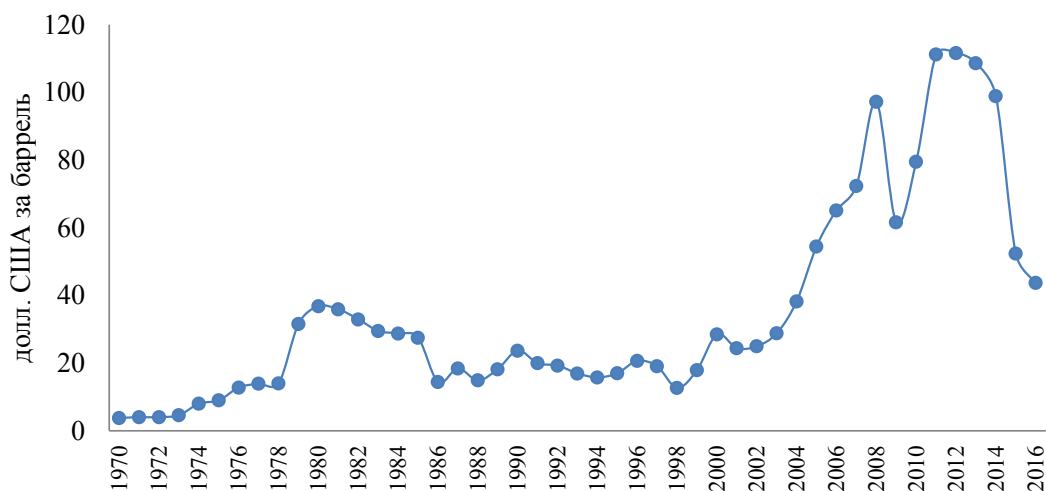

Рисунок 3. Динамика мировых цен на нефть марки Brent, долл. США за баррель (Источник: составлено автором на основе данных статистического сборника BP Statistical Review of World Energy)

Согласно данным представленным на рисунке 3, в 1973 году, под влиянием арабо-израильского конфликта, наблюдается повышающий тренд на увеличение цен, который продлился до 1980 г. [2]. За это время экспорт топлива Советского Союза в общем объеме экспорта вырос с 16% в 1970 г. до 45% в

1987 г., таким образом, в этот период экономику страны «подсадили на нефтяную иглу». И резкое падение цен в середине 1980-х годов вследствие мирового перепроизводства, явилось сильным ударом по экономике страны. Таким образом, косвенно прослеживается третий фактор, подтолкнувший СССР к гибели.

К каким последствиям привели вышеприведенные причины, рассмотрим ниже, опираясь на данные представленные на рисунке 4, но прежде чем перейти к анализу представленных данных, сделаем два важных замечания методологического порядка:

1) в 1990-х годах все страны бывшего СССР перешли на СНС поэтому, для оценки развития экономики постсоветских стран, на отрезке 1991–2016 гг., будем использовать ВВП оцененный в долл. США;

2) учитывая тот факт, что Советский Союз прекратил свое существование в 1991 году, и проблематичность сопоставления множества объектов в динамике, суммируем фактические значения ВВП постсоветских стран и далее рассчитаем темп роста (снижения). Таким образом, получим грубую оценку совместного развития совокупности стран, т. е. оценим, как могла бы развиваться экономика СССР, если содружество не прекратило свое существование.

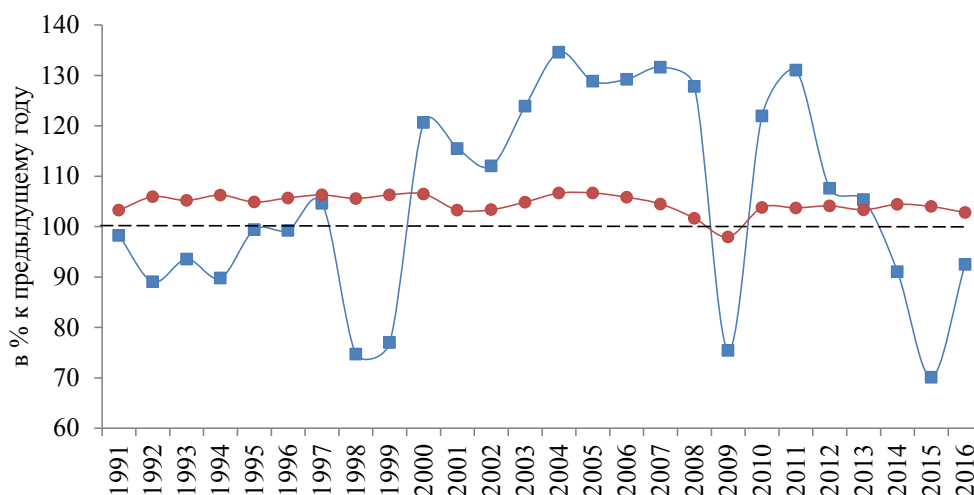

Рисунок 4. Темп роста ВВП постсоветских стран и США, в % к предыдущему году (Источник: составлено автором на основе данных Всемирного Банка)

Представленные данные наглядно показывают, что экономика США на выделенном временном отрезке показывает более стабильные результаты, так вариация незначительна и лишь в 2009 году наблюдается темп снижения (на 2 п.п.). В свою очередь экономики постсоветских стран «лихорадит», особенно ярко прослеживается влияние кризисов – транс-

формационного (присущего лишь экономикам переходного периода) 1992–1995 гг., и мировых финансовых, образца 1998, 2008 и 2014 годов.

В качестве доказательства выдвинутого предположения обратимся к средним темпам роста и коэффициентам вариации, представленным на рисунке 5.

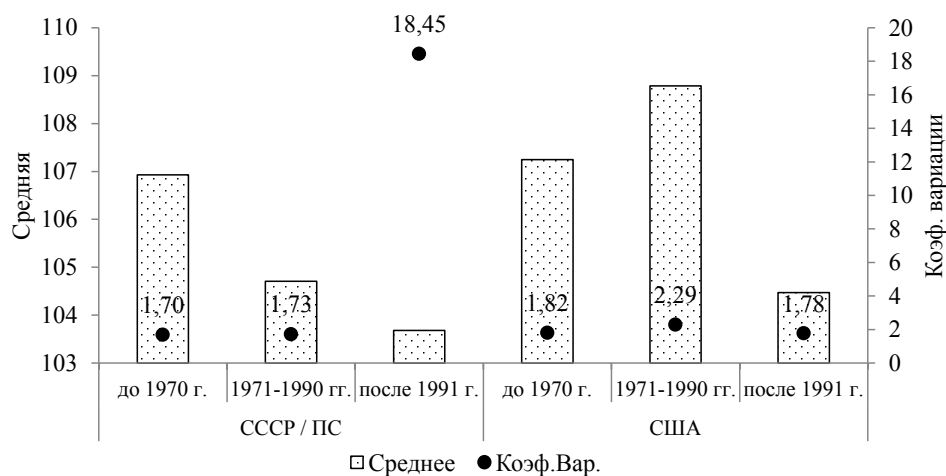

Рисунок 5. Средние значения темпов роста ВВП постсоветских стран и США (Примечание: рассчитано автором в пакете STATISTICA)

Согласно представленной информации по СССР и возникшим на ее основе постсоветским странам наблюдается снижение темпов роста, при этом в последнем выделенном периоде коэффициент вариации очень высокий (18,5%), что указывает на значительную колеблемость уровней. В свою очередь средний темп роста США выше нежели у оппонента на всех трех отрезках и колеблемость постоянна, что указывает на устойчивость системы во времени.

Далее выберем в качестве «отправной» точки 1990 год и оценим базисные темпы прироста (снижения) ВВП, результаты представим в таблице 1.

Согласно представленной в таблице 1 информации, значительный рывок в наращивании своего ВВП сделали такие страны как: Азербайджан, Туркмения, Казахстан. Этот факт объясняется наличием в данных странах газа и нефти, которые идут на экспорт, т.е. имеется «дешевый» и быстрый способ наполнить экономику деньгами (нефтедолларами).

Таблица 1. Темпы прироста (снижения) ВВП в разрезе постсоветских стран, %

Год	Эстония	Литва	Латвия	Азербайджан	Грузия	Россия	Украина	Молдавия	Узбекистан	Белоруссия	Туркмения	Армения	Таджикистан	Казахстан	Киргизия
1990	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1991	-4,94	-2,54	-7,43	2,60	-18,72	-1,84	-5,66	-14,74	2,82	1,89	-1,43	-8,74	-4,01	-7,99	-4,88
1992	-23,4	-21,5	-38,3	-18,8	-53,9	-14,2	-13,1	-38,1	-6,6	-5,8	-14,3	-45,6	-30,3	-10,9	-16,2
1993	-26,0	-32,7	-46,2	-36,1	-66,6	-19,8	-23,7	-37,4	-6,6	-10,9	-10,9	-49,2	-40,3	-17,2	-27,4
1994	-26,0	-38,0	-44,7	-47,5	-69,4	-28,5	-39,9	-55,8	-9,6	-19,6	-24,8	-45,4	-52,0	-26,1	-40,8
1995	-21,3	-34,7	-44,1	-52,8	-68,0	-30,0	-46,2	-55,6	-8,6	-26,6	-28,8	-40,5	-57,2	-30,8	-42,9
1996	-15,6	-18,2	-38,3	-51,3	-63,8	-31,3	-50,7	-57,4	-5,4	-23,2	-22,6	-26,1	-63,7	-29,2	-30,1
1997	-9,8	-1,3	-32,5	-39,3	-58,5	-29,1	-44,5	-51,5	5,3	-25,3	-12,8	-24,2	-67,9	-25,4	-32,3
1998	-0,1	9,6	-25,8	-31,9	-57,3	-52,5	-53,7	-57,3	1,7	-19,4	-7,0	-12,5	-54,1	-25,5	-37,2
1999	2,1	7,0	-22,1	-29,8	-66,9	-65,7	-65,1	-70,5	15,9	-35,7	25,4	-14,6	-62,2	-43,2	-52,2
2000	1,3	12,5	-17,9	-19,2	-63,8	-54,5	-65,4	-67,6	-6,7	-44,8	60,4	-11,6	-69,7	-38,4	-47,6
2001	11,2	19,5	-13,7	-12,6	-61,9	-46,3	-58,0	-62,8	-36,7	-34,5	119,6	-2,0	-62,0	-25,5	-41,5
2002	30,3	39,2	-1,3	-4,5	-59,8	-39,5	-53,1	-58,2	-33,0	-22,7	182,8	9,9	-57,1	-17,1	-38,5
2003	75,0	83,3	21,4	11,4	-52,8	-24,6	-44,5	-50,2	-31,1	-5,6	266,3	29,8	-45,3	3,8	-26,4
2004	114,6	120,8	48,6	32,9	-39,4	3,5	-28,2	-34,7	-18,0	22,6	295,2	65,4	-27,0	45,2	-15,3
2005	149,2	154,9	74,9	102,9	-24,2	33,8	-4,7	-24,9	-2,4	60,0	361,1	126,7	-18,7	92,2	-5,8
2006	202,1	194,5	121,7	221,4	-8,4	73,4	19,5	-14,3	17,9	95,8	427,3	195,3	-0,5	172,6	8,5
2007	295,7	287,4	219,4	406,2	20,3	127,6	58,8	10,6	51,7	139,9	501,2	325,8	30,8	252,8	45,6
2008	330,1	367,0	267,9	648,2	51,4	190,9	100,9	52,2	101,1	221,9	603,2	439,4	81,5	349,1	96,8
2009	249,9	265,0	170,5	578,4	27,4	114,1	29,8	36,8	129,6	160,7	557,2	300,0	75,1	288,0	79,5
2010	247,1	262,0	145,6	710,3	37,7	167,1	50,8	46,1	168,1	192,6	634,2	328,3	98,4	398,2	83,5
2011	312,4	324,3	193,8	910,1	70,7	255,8	80,8	76,4	213,1	216,5	850,4	369,1	129,4	548,2	137,2
2012	310,2	317,9	190,2	967,2	87,5	280,1	95,0	83,1	253,6	237,0	1043,2	360,6	168,4	600,0	152,8
2013	346,4	353,0	212,5	1035,8	90,9	290,7	103,5	100,8	287,7	287,3	1174,3	382,4	199,1	696,3	180,8
2014	366,6	373,7	223,8	1052,4	95,3	255,7	42,6	100,7	327,5	303,2	1313,8	403,5	224,8	645,1	185,9
2015	299,8	303,7	179,1	712,5	65,2	132,2	-3,2	62,8	368,1	189,3	1122,3	356,7	176,2	511,6	151,6

Примечание: составлено автором на основе данных Отдела статистики ООН

Помимо этого, явно выделяется период спада, продлившийся в некоторых странах до середины 2000-х годов. Но при этом однообразие в динамике, на первый взгляд, не прослеживается, соответственно, для изучения данного аспекта необходимо прибегнуть к более сложным статистическим методам.

Для начала используем кластерный анализ в не совсем традиционном для него аспекте, а именно проведем группировку постсоветских стран по одному показателю – темп прироста (снижения) ВВП. Этот подход позволяет выделить группы стран, близких по колеблемости (волатильности) уровней, т. е. по синхронности изменений.

С целью показать насколько отличается динамика постсоветских стран от стран со стабильной рыночной экономикой, расширим совокупность за счет стран, входящих в G7: США, Германия, Япония, Великобритания, Франция, Италия, Канада.

В качестве алгоритма кластер-процедуры выберем древовидную кластеризацию. Меры расстояния изберем «Евклидово расстояние», так как оно вычисляется по исходным, а не по стандартизованным данным. В качестве правила объединения кластеров применим метод Варда, так как этот метод отлича-

ется от всех других методов, поскольку он использует инструментальный дисперсионный анализа для оценки расстояний между кластерами и на практике показывает наилучшие результаты в объединении единиц совокупности в кластеры (рисунок 6).

По оси ОУ отражены страны бывшего Советского Союза и страны-члены G7, а по оси ОХ показано значение интегрального показателя, который представляет собой величину, сформированную на основе темпов роста (снижения) ВВП. Данный показатель не имеет единицы измерения, а является абстрактной многомерной статистической оценкой.

Согласно данным, приведенным на рисунке 6, получены два больших кластера. В первый кластер вошли все постсоветские страны, вторая группа сформирована странами, входящими в G7, что подтверждает наше предположение о значительных отличиях в развитии экономик данных экс-членов СССР и мировых держав.

Первый кластер начал формироваться с трех прибалтийских стран, этот факт указывает на то, что трансформация экономик данных стран и остальных «братских республик» проходят по разному пути и экономика по-разному реагирует на внешнеэкономические шоки.

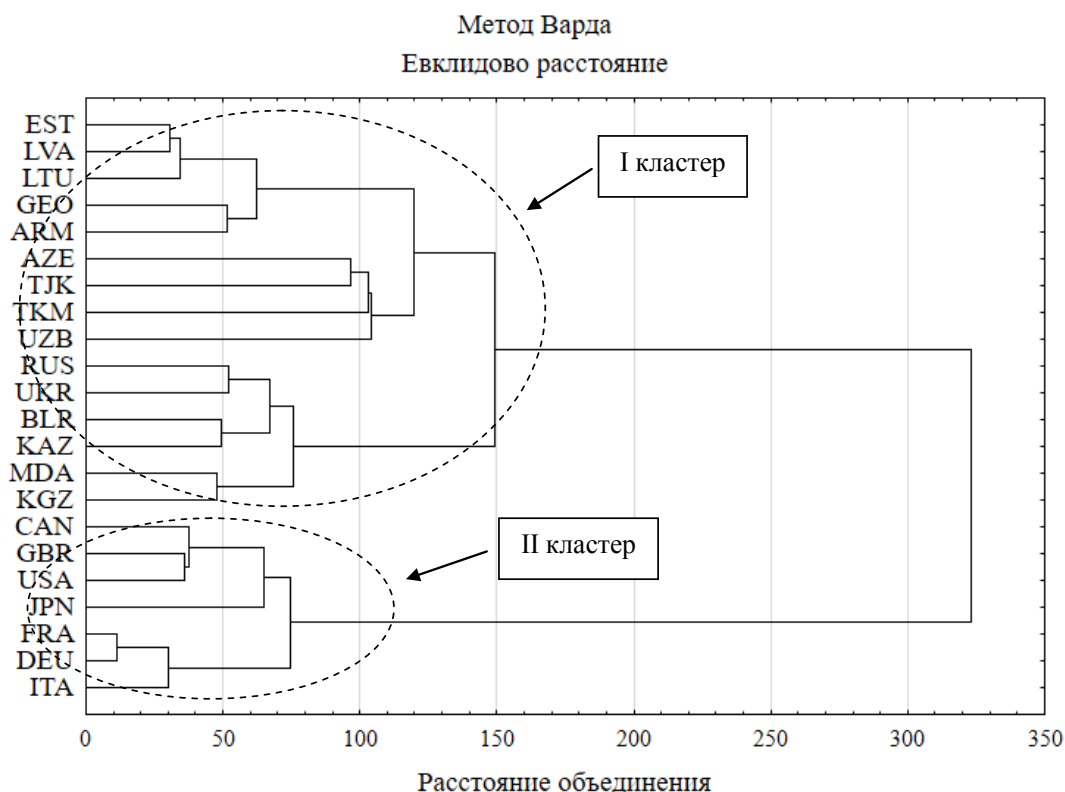

Рисунок 6. Горизонтальная древовидная диаграмма стран мира 2015 г. (Примечание: расчеты автора в пакете STATISTICA)

Динамика темпа прироста (снижения) ВВП большинства постсоветских стран в 1990-х годах отражала постепенное преодоление глубокого спа-

да в экономике и вступление в период относительной стабильности в 2000-х годах. Общими чертами динамики в указанном отрезке времени являются:

- значительная величина темпа снижения ВВП в 1992 г., а после незначительное увеличение данного показателя в 1993 г. (замедление падения);
- динамика во многих странах разнится с середины 1996 г., в ряде стран отмечался рост, а в ряде падение;
- в 1998 г. в ряде стран (Казахстан, Молдова, Киргизия, Грузия) темпы роста ВВП вновь замедлились, что в определенной мере было связано

с кризисом.

Стоит отметить, что первая группа стран распадается на три подгруппы, определяющих специфику переходной экономики 1990-х годов и дальнейший рост (снижение) в 2010-х годах. В качестве подтверждения выдвинутой мысли перейдем к рассмотрению коэффициентов корреляции между темпами прироста (снижения) ВВП (таблица 2).

Таблица 2. Матрица парных коэффициентов корреляции между темпами прироста (снижения) ВВП для стран, вошедших в первый кластер

	1 подгруппа					2 подгруппа				3 подгруппа				
	EST	LTU	LVA	GEO	ARM	AZE	TJK	TKM	UZB	RUS	UKR	MDA	BLR	KAZ
EST	1,00													
LTU	0,91	1,00												
LVA	0,94	0,91	1,00											
GEO	0,80	0,86	0,85	1,00										
ARM	0,85	0,84	0,92	0,87	1,00									
AZE	0,71	0,74	0,78	0,81	0,78	1,00								
TJK	0,68	0,60	0,62	0,68	0,63	0,65	1,00							
TKM	0,57	0,55	0,54	0,48	0,41	0,51	0,42	1,00						
UZB	0,29	0,31	0,38	0,43	0,39	0,53	0,35	-0,03	1,00					
RUS	0,66	0,65	0,63	0,76	0,63	0,73	0,47	0,52	0,23	1,00				
UKR	0,72	0,71	0,67	0,75	0,67	0,81	0,61	0,52	0,29	0,90	1,00			
MDA	0,70	0,73	0,68	0,84	0,67	0,73	0,69	0,51	0,37	0,84	0,83	1,00		
BLR	0,75	0,72	0,67	0,72	0,73	0,76	0,81	0,43	0,35	0,74	0,85	0,78	1,00	
KAZ	0,72	0,68	0,67	0,80	0,69	0,81	0,70	0,45	0,34	0,90	0,93	0,84	0,87	1,00

Примечание: выделены области, характеризующие взаимосвязь между временными рядами стран по трем подгруппам I кластера

Согласно представленным значениям, можно сделать вывод, что в первой и третьей подгруппе взаимосвязь высокая (значения коэффициентов выше 0,7), что указывает на синхронность уровней временных рядов стран, вошедших в эти подсовкупности. Что касается второй подгруппы, то тут не все так однозначно, корреляция между рядами низкая, это указывает на асинхронность развития. Отдельно стоит указать на Узбекистан, по столбцу данной страны наблюдаются низкие значения (менее 0,4), т.е. данная страна проходит по иному пути, нежели остальные постсоветские страны. Так, начиная с 1996 г. наблюдается рост ВВП в среднем на 2,93% в год. Избежать глубокого спада производства, характерного для большинства экс-членов СССР в начале 1990-х годов, Узбекистану позволили меры, направленные на поддержку и реформирование двух ведущих отраслей экономики – промышленности и сельского хозяйства. В результате спад производства в промышленности был преодолен уже в 1995 году, а в сельском хозяй-

стве – в 1997-ом году. Отказ от принципов «шоковой терапии» в пользу «градуализма», сохранение значительной роли государства в реформировании экономики позволили в Узбекистане не только избежать обвального спада производства, но и предотвратить масштабное снижение инвестиционной активности, которое произошло в других государствах бывшего Советского Союза [20].

Обратимся к графическому представлению совместной динамики стран, вошедших в третью подгруппу I кластера (объясняется вхождением в подсовкупность России), для этого обратимся к рисунку 7.

Согласно рисунку 7, динамика темпа прироста (снижения) ВВП делится на несколько периодов, отделенных друг от друга кризисными годами – 1998 г. и 2008 г. Что касается периода 2010-2013 года, то темп прироста замедлится, и в 2014-2015 годах наблюдается снижение, сопоставимое по масштабам с предшествующими. Как было установлено выше, по факту РСФСР являлась локомо-

тивом экономики СССР и донором для братских республик, на сегодняшний момент ситуация изменилась не значительно, соответственно, все

кризисные ситуации РФ ретранслирует на страны-сателлиты и страны-партнеры.

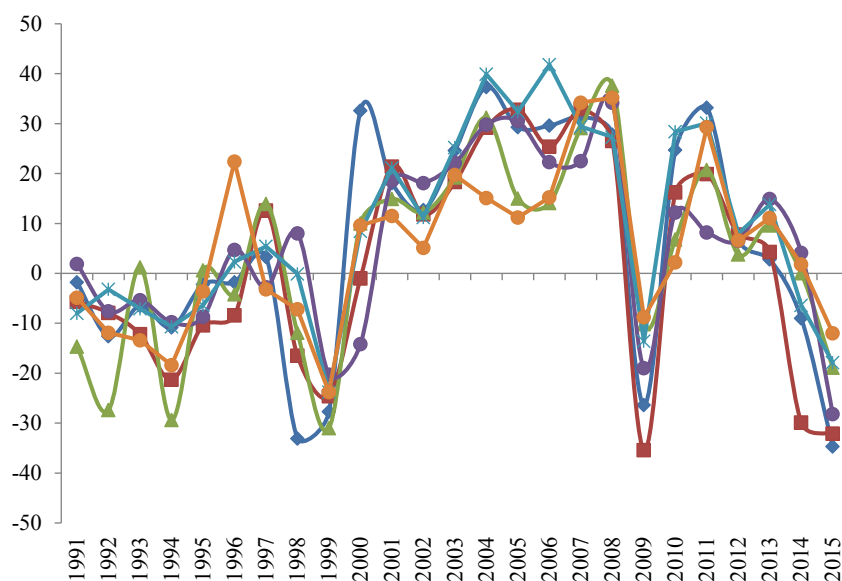

Рисунок 7. Динамика темпа прироста (снижения) ВВП для стран, вошедших в третью подгруппу I кластера (Примечание: составлено автором на основе данных Всемирного Банка)

Далее опираясь на визуальный анализ динамики темпов роста (снижения) ВВП постсоветских стран, воспользуемся тестом Чоу и протестируем наличие поворотных точек, результаты представим в таблице 3.

Согласно полученным результатам теста Чоу, фактическое значение статистики больше табличного ($p < 0,05$), соответственно, подтверждается наличие выделенных точек разворота тенденции (локальные точки бифуркации).

Таблиц 3. Тес Чоу на стабильность динамики

Под-группы	Страна	Точки перелома тенденции											F-статистика Фишера	p-уровень значимости
		1994	1996	1998	1999	2000	2001	2004	2006	2007	2008	2009	2011	
1	Эстония												5,099	0,004
	Литва												5,795	0,002
	Латвия		+		+					+		+	8,323	0,000
	Грузия												5,994	0,002
	Армения												6,861	0,001
2	Азербайджан	+	+						+			+	6,413	0,001
	Таджикистан	+		+		+						+	4,780	0,005
	Туркмения	+					+					+	4,507	0,007
	Узбекистан	+				+					+		7,251	0,001
3	Россия												6,711	0,001
	Украина												9,806	0,000
	Казахстан	+		+				+				+	5,687	0,001
	Киргизстан												6,577	0,000
	Молдавия												4,125	0,010
	Белоруссия												6,757	0,001

Примечание: рассчитано автором в пакете EViews

Следующим логическим шагом является выявление влияния структурных изменений на экономическое положение выделенных стран, для этого используем эконометрические методы, и протестируем ряд гипотез относительно различия факторов действующих на стабильные интервалы: 1992–1997 гг.; 2000–2007 гг.; 2010–2015 гг. Данный анализ подробно изложен в авторской научной статье [23], поэтому ограничимся лишь приведением общих выводов по моделям:

1. Со временем наблюдается изменение набора переменных, оказывающих влияние на ВВП в постсоветских странах. Единственным показателем, не снижающим своей актуальности на протяжении 25 лет, является доля сельского хозяйства в ВВП (оказывает отрицательное влияние на уровень ВВП на душу населения).

2. В динамике во всех постсоветских странах наблюдается вариация набора факторов; большие значения коэффициентов корреляции (стремятся к единице) наблюдаются в «золотых» 2000-х годах; наиболее стабильным можно считать влияние фактора Х5 (валовое накопление основного капитала, % к ВВП), так как он проявляется чаще остальных и в каждом из подпериодов оказывает заметное влияние на зависимую переменную.

3. Регрессии на трех панелях (соответствуют трем выделенным однородным отрезкам развития) показывают, что во всех трех подпериодах регрессор Х1 (доля промышленности в ВВП, %) получен статистически незначимым (не включен в модель), что указывает на низкую промышленную активность (за исключением добывающей промышленности); сельскохозяйственное производство (Х2) проявляется на втором и третьем подпериодах, при этом

влияние отрицательное, т.е. полученный результат можно интерпретировать как сдерживающий фактор; во всех трех подпериодах проявляется фактор Х5, при этом его роль возрастает, т.е. чем больше проходит времени с момента распада СССР, тем более актуальным становится замена изношенных и морально устаревших основных фондов.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, представленных ниже.

1. Изучение ретроспективной динамики темпа роста НД СССР и ВВП США выявили наличие сопоставимых по уровню приростов этих стран до 1970 года и снижение по Советскому Союзу после этого периода. Основными причинами понижающей тенденции являются нарушение устойчивости системы (структурная неустойчивость), нарушение внутрисоюзных экономических связей и неблагоприятная конъюнктура мировых цен на углеводороды.

2. Пройдя в 1991 году точку бифуркации экономика СССР как система прекратила свое существование, разделившись на 15 отдельных элементов (республик) которые, тем не менее, показывают схожую динамику, а именно трансформационный спад 1992–1995 гг., и резкое понижение показателей под влиянием мировых финансовых кризисов, образца 1998, 2008 и 2014 годов.

3. Анализ синхронности развития постсоветских стран позволил выявить три группы схожих по динамике республик: 1 – Эстония, Литва, Латвия, Грузия, Армения; 2 – Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан; 3 – Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия. Эта закономерность говорит о формировании новых центров притяжения (гравитации).

Литература

1. Алеников, А.С. Инструментарий системного анализа и его применение при моделировании нестационарной экономики / А.С. Алеников, М.В. Макаров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 4. – С. 36-46.
2. Брагинский, О.Б. Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику / О.Б. Брагинский // Российский химический журнал. – 2008. – Т. LII. – № 6. – С. 25-36.
3. Гаджиев, Н.Г. Системный подход к анализу факторов экономического роста / Н.Г. Гаджиев, М.М. Халидов, М.Н. Гаджиев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2017. – Т. 32. – № 1. – С. 6-12.
4. Господарик, Е. Долгосрочный прогноз экономического роста ЕАЭС / Е. Господарик, М. Ковалев // Наука и инновации. – 2015. – Т. 12. – № 154. – С. 38-43.
5. Гурский, В. Анализ влияния интеграционных эффектов в процессе становления евразийского экономического союза на развитие промышленности и промышленную политику государств-членов / В. Гурский // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 1-2 (80-81). – С. 110-121.
6. Дрогобыцкий, И.Н. Системный анализ в экономике: учебник / И.Н. Дрогобыцкий. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 423 с.
7. Дущенко, В.В. Бифуркации в неравновесных экономических системах / В.В. Дущенко // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 12. – С. 32-35.
8. Зуев, В.Н. Наднациональные механизмы интеграции: монография / В.Н. Зуев; Нац. исслед. ун-т Высш. шк. экономики (НИУ ВШЭ). – Москва: Магистр, 2013. – 288 с.
9. Ковалева, В.Д. Актуальные проблемы евразийской экономической интеграции // Научное обозрение. Экономические науки. – 2017. – № 2. – С. 54-57.

-
10. Кондратьев, Н.Д. Проблемы экономической динамики: монография. – Москва: Экономика, 1989. – 523 с.
 11. Корнев, Г.Н. Системный анализ: учебник / Г.Н. Корнев, В.Б. Яковлев. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2016. – 308 с.
 12. Король, О.В. Синергетические финансово-экономические эффекты интеграции в ЕАЭС как главный фактор эффективности функционирования всего союза / О.В. Король // Экономика и банки. – 2017. – № 2. – С. 16-21.
 13. Кривцов, А.И. Модель оценки эффективности управления изменениями социально-экономических систем / А.И. Кривцов, М.В. Потапов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 2. – № 3. – С. 39-43.
 14. Лизунков, В.Г. Анализ экономических показателей интеграционного объединения ЕВРАЗЭС / В.Г. Лизунков, Е.В. Полицинская, Т.А. Шутова, В.А. Трифонов // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 1. – С. 81-86.
 15. Новосельцев, В.И. Теоретические основы системного анализа: учебник. / Новосельцев В.И. [и др.]; под ред. В.И. Новосельцева. – Москва: Майор, 2006. – 592 с.
 16. Огнева, В.В. ЕАЭС: в поиске синергетического эффекта интеграционного процесса / В.В. Огнева, А.В. Полянин // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 1 (40). – С. 170-176.
 17. Рогова, И.А. Международная экономическая интеграция: специфика и перспективы евразийских региональных объединений / И.А. Рогова, А.М. Палванов // Вестник университета. – 2017. – № 11. – С. 115-122.
 18. Ткаченко, И.Ю. Проблемы интеграции на постсоветском пространстве в формате ЕАЭС / И.Ю. Ткаченко, Ю.В. Шарыкина // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – Т. 2016. – № 10. – С. 34-49.
 19. Хачев, М.М. Системный анализ как инструмент инновационного развития экономики (на примере субъекта РФ) / М.М. Хачев, С.А. Теммиева // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 3. – № 11. – С. 207-214.
 20. Цыпин, А.П. Статистический анализ трансформации экономики России: диссертация ... кандидата экономических наук 08.00.12. – Оренбург, 2005. – 199 с.
 21. Цыпин, А.П. Сопоставление темпов роста (снижения) промышленного производства России и США в 1970-2010 годах / А.П. Цыпин, В.А. Овсянников // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 1. – С. 41-45.
 22. Цыпин, А.П. Статистическое исследование влияния факторов на динамику макроэкономических показателей экс-членов Советского Союза / А.П. Цыпин, Л.Р. Фаизова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 259-263.
 23. Цыпин, А.П. Статистическое исследование влияния факторов на динамику макроэкономических показателей бывших республик Советского Союза / А.П. Цыпин // Вестник НГУЭУ. – 2018. – № 2. – С. 79-95.
-

УДК 1(470) „18”:215

Александр Александрович Байрон, аспирант кафедры философии, ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
e-mail: beiron87@mail.ru

ВЕРА И ЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

В статье рассматриваются взгляды на проблему соотношения веры и знания в трудах выдающегося российского мыслителя Б.Н. Чичерина, 190 лет со дня рождения которого исполняется в 2018 году. В поле внимания автора включается как непосредственное раскрытие философем данных понятий и их соотношения, так и его значение для предпринимаемого им логического обоснования истин христианства. Также затрагиваются вопросы, тесно связанные с решением проблемы веры и знания у Чичерина, а именно полемика против, с одной стороны, материалистических учений, с другой стороны, «мистицизма в науке» В.С. Соловьёва. Автор приходит к выводу о принадлежности Чичерина к числу мыслителей, защищавших «гармонию» между верой и знанием на основе разума как приложения законов формальной логики.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин, Г.В.Ф. Гегель, вера, знание, религия, философия, разум, формальная логика, наука, позитивизм.

Проблема соотношения веры и знания со времён Климента Александрийского является одной из главнейших в истории человеческой мысли. О ней было сказано столь много, что можно прийти к выводу, будто обращение к данному вопросу ныне будет поднятием «устаревшей» и давно закрытой темы. Но если мы взглянем на историю её обсуждения, то увидим, что чаще всего она решалась в рамках теологии, т.е. там, где заранее, без всякой рациональной проверки принимались в качестве истинных догмы религии. В современную же рационалистическую эпоху больший интерес представляет решение проблемы веры и знания «в пределах только разума», независимо от каких бы то ни было произвольно принятых положений, то есть в рамках не теологии, а философии. Эта традиция менее известна, и всё же она существует. Одним из её представителей является русский мыслитель Борис Николаевич Чичерин, 190-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2018 году.

Ныне Б.Н. Чичерин преимущественно известен как мыслитель в области права и политики. Однако он вошёл в историю русской философии и как создатель всеобъемлющей метафизической системы. В этом качестве он известен, прежде всего, как продолжатель идей Г.В.Ф. Гегеля, последователем которого он всегда себя признавал (и в то же время, как ни парадоксально, едва ли не главным критиком которого являлся). При этом Чичерин, безусловно, представитель «правого лагеря» в гегельянстве. Он отнюдь не считал Гегеля «законным» предшественником К. Маркса, произведшим в философии «расчистку почвы» для идей материализма. Напротив, именно размышления над трудами немецкого философа привели его к убеждению в разумности веры и религии [9, с. 104].

Как и для Гегеля, для Чичерина одним из важнейших является вопрос о соотношении веры и знания. Это явствует уже из названия его главнейшего философского произведения – «Наука и религия».

Конечно, проблема взаимоотношения между наукой и религией, в том числе и в понимании Чичерина, для которого наука в широком смысле слова тождественна философии [11, с. 11], а религия – христианству, не является абсолютно идентичной проблеме соотношения веры и знания. Однако данное название работы сразу вызывает ассоциацию с темой веры и знания; его нельзя не расценить как обещание некоторого предлагаемого в ней решения вопроса о соотношении между религиозной верой и научным знанием. Такое решение, как увидим, в ней и присутствует.

В данной статье мы рассмотрим, каким образом вопрос о соотношении веры и знания решается в трудах Б.Н. Чичерина. Надлежит определить, прежде всего, то направление в решении проблемы веры и знания, к которому принадлежит мыслитель, а также особенности его позиции в рамках этого направления. При этом ради полнейшего уяснения взглядов Чичерина по названной проблеме нельзя не обратиться к полемике, которую он вёл против распространённых в конце XIX в. философских концепций: с одной стороны, материализма и позитивизма, с другой – «критики отвлечённых начал» В.С. Соловьёва и его последователей.

Согласно Чичерину, вопрос о соотношении науки и религии, веры и знания – «один из важнейших вопросов, которые могут занимать человеческий ум» [11, с. 17]. Мнение об «устарелости» данного вопроса, его «окончательной разрешённости» в пользу науки, знания, было характерно для просвещения XVIII в.; XIX-й же век, как писал философ, «понял религию как один из существенных элементов человеческого духа» [11, с. 17]. Здесь имеется в виду, прежде всего, Г.В.Ф. Гегель. Поэтому, говоря о решении Чичериним проблемы веры и знания, нельзя вначале не сказать о том, как на решение им этой проблемы повлияла связь его взглядов с воззрениями его «наставника».

Степень этого влияния была и остаётся весьма спорным вопросом. Признание заслуг Гегеля для философии, согласие со многими из его основных положений ничуть не мешает Чичерину совершенно спокойно отмечать ряд его ошибок. Наиболее наглядный пример в этом отношении представляет критика Чичериным гегелевского закона «единства противоположностей», а также его представлений о логическом развитии понятия по тройственной схеме «тезис – антитезис – синтез». Принимая диалектику Гегеля как умозрительную науку, он в то же время признаёт, что она «требует восполнения и поправки» [11, с. 81]. Согласно Чичерину, Гегель, кладя в основе развития мысли свою схему, совершенно упускает из виду, что противоположению «враждебных» начал должно предшествовать единство последних. Таким образом, по Чичерину, диалектическое движение мысли включает в себя не три, как считал Гегель, а «четыре главных определения: первоначальное единство, которое в непосредственной слитности содержит в себе два противоположных начала, общее и частное, затем обе противоположности в их отвлечении, то есть отвлечённо-общее и чисто частное, наконец, высшее или конечное единство обоих» [11, с. 82]. Столь радикальное «исправление» Гегеля дало основание позднейшим критикам утверждать, что Чичерин намного дальше отошёл от его диалектики, чем сам об этом думает [7, с. 183].

Нас, однако, в большей степени интересует, в чём проявилось влияние Гегеля на Чичерина применительно к решению им проблемы веры и знания. Проявилось же оно в следующем. Согласно Гегелю, существует два вида знания. Первый из них – знание непосредственное, то есть эмпирическое, чувственное [2, с. 125]. Второй вид знания, который и является таковым в собственном смысле слова – знание логическое, опосредованное, основанное на мышлении. Формой именно последнего является религиозная вера, которая есть знание о Боге [3, с. 377], ибо «религия существует только посредством мышления и в мышлении» [3, с. 253]. Сфера знания по Гегелю исчерпывается этими двумя его видами; именно в связи с этим он решительно возражает Ф. Г. Якоби, признававшему также некое «мистическое созерцание» или «непосредственное знание о Боге» [3, с. 330]. Вместе с Гегелем Чичерин объявляет источниками знания только чувственность и мышление, отвергая всякий неопределённый мистицизм, что, как увидим, в полной мере проявилось в его полемике с В.С. Соловьёвым.

Не менее важно и другое положение Гегеля, касающееся проблемы веры и знания, принятое Чичериным. Это положение о необходимости обоснования догматов веры посредством логики, которое немецкий мыслитель выдвинул ещё в своей ранней работе «Народная религия и христианство». Согласно данному требованию, «догматы, даже если

их авторитет покоится на божественном откровении, обязательно должны быть такими, чтобы они, собственно, были утверждены всеобщим разумом людей, чтобы их обязательность сразу же усматривал и чувствовал любой человек, как только он обратит на них своё внимание» [1, с. 69-70].

Гегель не смог решить поставленную им здесь задачу. Не только «обоснование» им догматов о бытии Бога [3, с. 273-281], о Троице [4, с. 229-246], о Христе [4, с. 276-280], но даже само его отношение к религии осталось спорным вопросом, вследствие чего, как известно, возникли два противоположных «лагеря» в гегельянстве. Проблема логического обоснования веры была, таким образом, им поднята, но осталась неразрешённой. Чичерин берётся за её разрешение. В труде «Наука и религия» он буквально следует заявленной немецким философом максиме, приводя рациональные доказательства в защиту главнейших положений христианской веры. Вероятно, и неоднократно употреблённый Гегелем термин «религиозное знание» Чичерин также заимствовал у него [10, с. 141].

Для выяснения видения мыслителем соотношения веры и знания нужно сначала рассмотреть интерпретацию им того и другого в отдельности. Следуя самому Чичерину, начнём мы при этом со знания, поскольку в заглавии его главного философского произведения на первом месте стоит наука.

Знание, согласно Чичерину, есть «соответствие мысли бытию» [11, с. 92]. Его двумя источниками служат опыт и умозрение [11, с. 38]. Но если опыт представляет собой лишь наблюдение внешних и внутренних явлений, то умозрение, разум выступает в познании как деятельная сила. Отсюда его главенствующая роль в отношении к опыту. Именно он есть единственный источник объективности.

«Коренную принадлежность» разума составляют законы формальной логики. Именно они дают знанию необходимость и всеобщность, ведь «логика всегда одна и та же, к чему бы мы её не прилагали» [11, с. 55]. В логической связи понятий «заключается вся сила философии» [11, с. 84]. Формальную логику Чичерин ценит столь высоко, что она отождествляется им с логикой вообще [12, с. 13].

Но почему именно логика даёт достоверное знание, почему именно в ней – «вся сила философии»? Чичерин полностью сознаёт всю важность данного вопроса, ибо «пока логика не утверждена на прочных основах, какое разумное понимание мира и вещей возможно для человека?» [8, с. 8]. Такими «основами» Чичерин признаёт «*cogito*» Р. Декарта [8, с. 78-79], но приводит и собственные варианты объяснения. Обратимся к одному из них.

Согласно Чичерину, отвечая на вопрос об основаниях логики, мы в идеале должны были бы сравнивать «два единства: одно реальное, лежащее в основании явлений, другое логическое, связывающее эти явления в человеческом познании» [11, с. 88].

Но реальное единство не даётся опытом, само являясь лишь необходимым выводом логики. Поэтому остаётся сравнивать логические законы с законами явлений, поскольку последние служат выражением лежащей в их основе сущности.

Такое сравнение произвести легко, и оно даёт нам яснейшее свидетельство тождества законов разума с законами внешней действительности. Наглядный пример тому представляет математика, выводы которой всегда оправдываются в опыте. Например, для проверки утверждения « $2 + 3 = 5$ » достаточно к двум яблокам прибавить ещё три, чтобы убедиться, что вместе они составят именно пять яблок. Возможность подобной проверки, по убеждению Чичерина, не оставляет сомнений в том, что умозрительные определения разума о вещах соответствуют их действительной сущности [11, с. 89].

Но как же быть с тем очевидным обстоятельством, что на деле человек в своих суждениях весьма часто «погрешает» против истины? Согласно Чичерину, здесь нужно различать интеллект как таковой, как отвлечённую способность познания, и субъективность отдельной личности [12, с. 352]. Логика и рациональность сами по себе не могут уводить от истины. Несмотря на частую неясность имеющихся у нас понятий и проистекающие отсюда ошибки, и то и другое может быть исправлено мышлением [13, с. 27]. Но когда субъект, к примеру, ставит истину в зависимость от своих страстей и слабостей, то неудивительно, что из ложных посылок получают ложные выводы, сам же разум здесь ни при чём.

Итак, законы формальной логики служат непоколебимым основанием знания. Они есть одновременно законы действительного мира. Данное положение Чичерин неоднократно повторяет в своих работах. Однако здесь возникает вопрос о границах применения разума, впервые поднятый И. Кантом [5, с. 31]. Всякая ли область сущего может быть сделана предметом разумного исследования? В частности, должна ли и вера, религия стать предметом рассмотрения с точки зрения науки? Чёткий и ясный ответ на этот вопрос дают слова, с которыми Чичерин обращается к читателю во введении к своему главному философскому труду: «Приступая к обсуждению поставленных мною вопросов, должен сказать, что я становлюсь чисто на точку зрения науки. Богословские исследования и размышления могут удовлетворить убеждённых уже в истине известной религии, но не в состоянии убедить тех, которые покинули религиозную почву. Как скоро возбуждён испытующий разум, так ему одному принадлежит верховное решение занимающих его задач. Если он подчиняется высшему авторитету, то он делает это не иначе как на основании собственного убеждения, точно проверив все свои пути. Вера для разума составляет не точку исхода, которая принимается слепо, а объективное начало, которое исследуется в своём существе и в своих

проявлениях. Только этим путём можно сделать научный вывод» [11, с. 22].

Как видим, применение разума в «области ведения» религии, согласно Чичерину, является не только возможным, но и необходимым, если идёт речь о научном исследовании. Невозможность познания за пределами «земной» действительности «была бы странным противоречием», ибо мир сверхчувственного бытия, который позитивисты объявляют непознаваемым, «есть именно то, что человек стремится познать, он один отвечает самым коренным потребностям его разума и его сердца» [8, с. 2]. Человек постоянно ставит себе «проклятые» вопросы о смысле жизни, о добре и зле, о начальных и конечных причинах. Было бы весьма странно, если бы он был осуждён вечно ставить себе эти вопросы, не имея возможности их разрешить. Он не может довольствоваться познанием земли, в то время как его разум стремится к небу. Уже одно это стремление заставляет предположить, что человеческий разум «создан для познания абсолютного» [11, с. 26]. Всеобщее же значение законов разума говорит о том, что они действительно могут простираться на всякое возможное содержание: как непосредственно связанное с опытом, так и находящееся за его пределами. Следовательно, Кант был неправ. Умозаключения от эмпирического к трансцендентному полностью легитимны с точки зрения познания.

Итак, знание для Чичерина есть знание рациональное; ему, насколько это возможно для человека как конечного существа, признаётся доступной вся область сущего. Какое же место остаётся для веры? Дадим ответ на этот вопрос, опираясь на положения самого Чичерина.

В системе Чичерина всё действительно оказывается доступно знанию. Самоочевидные, первоначальные истины, к числу которых относятся, прежде всего, законы логики, являются предметом знания, а не веры, поскольку даются непосредственным сознанием мысли [8, с. 83]. Среди же выводных истин, получаемых посредством логического рассуждения, религиозные имеют основания быть признаны «знанием» не в меньшей степени, чем относящиеся к эмпирической действительности.

Однако в отношении религиозных истин вера имеет не только не меньшие, но и, наоборот, большие «права», нежели знание. Дело в том, что религия не ограничивается знанием; она есть «стремление к живому общению с абсолютным» [11, с. 189], то есть включает в себя не только рациональный, но и эмоциональный компонент. Вера же как раз и есть «явление реального взаимодействия субъекта с абсолютным» [12, с. 348-349]; сущность её для верующего составляет «внутренняя уверенность, что невидимое Существо, к которому он обращается мысленно, слышит его молитвы и оказывает ему помощь» [11, с. 189].

Исходя из данного определения сущности веры, можно наконец выяснить, каково, согласно Чичерину, её отношение к знанию. И здесь вера, что, впрочем, следует из всего сказанного выше, оказывается во всех отношениях основанной на знании. Прежде всего, она предполагает знание о её предмете, ибо невозможна вера в то, «о чём мы не имеем ни малейшего понятия, что, может быть, даже вовсе не существует» [11, с. 28]. Кроме этого, Чичерин говорит о психологической важности обоснования веры: только к вере, основанной на разуме, «чувство может прилепиться всею силой стремления, исходящего из глубочайших потребностей души» [11, с. 28]. Религиозное чувство, согласно мыслителю, «по самой своей природе есть чувство, проникнутое разумом» [11, с. 193]. Разумное начало, находящее своё выражение в догматах веры, составляет существеннейший элемент религии. С этой стороны религия оказывается тождественна философии, а философское мышление «приготавливает человека к более полному религиозному общению с Богом, ибо полнота общения зависит от полноты понимания» [11, с. 206]. Нельзя поэтому согласиться с мнением В.М. Лобеевой, что вера у Чичерина не нуждается в доказательствах [6, с. 58]. Но, пожалуй, самое главное значение знания для веры состоит в том, что оно позволяет отличить истинную религию от неистинной: «Когда разуму противопоставляется откровение и от человека требуется вера в это откровение, он как разумное существо обязан спросить: где доказательство, что это откровение Божие? Иначе нет причины, почему бы он не поверил Ведам или Корану так же, как Евангелию. Он должен будет слепо отдаться всякому суеверию. Доказательство же может представить единственно разум, испытавший как внешние признаки откровения, так и внутреннее его содержание. И только проведши свою веру через это испытание, образованный человек может отдаться ей всею душою, сознательно и свободно, как требуется высшим развитием духа» [11, с. 203-204].

Как видим, относительно общего решения Чичеринскими проблемы веры и знания можно сказать, что он – несомненный защитник «гармонии» между ними. Согласно Чичерину, вера есть знание, но такое знание, которое относится к области трансцендентного и включает помимо рационального также внерациональные компоненты, прежде всего, такие, как религиозное чувство. Знание по отношению к вере является опорой, необходимой как для интеллектуальной уверенности в истинности веры, так и для полноты религиозного чувства. Вера же по отношению к знанию составляет уровень его завершения и сознание непосредственного общения с Богом, в котором «все отдельные нити человеческого существования скрепляются в единый узел» [11, с. 192]. Таким образом, вера нуждается в знании, а знание – в вере. Лишь обладая обоими, хри-

стианин может приблизиться к идеалу, заповеданному ему Творцом.

Полнейшему уяснению воззрений Чичерина на проблему веры и знания весьма способствует также анализ его полемики, которую он вёл, с одной стороны, против материализма и позитивизма, с другой – против мистицизма «критики отвлечённых начал» В.С. Соловьёва.

В труде «Основания логики и метафизики» Чичерин более подробно изъясняет высказанные им в «Науке и религии» возражения против учения о материи как о независимом первоначале сущего. Согласно философу, материя не может являться первопричиной, т.к. вместе с пространством, в котором она существует, а равно и сама по себе (частицы, атомы) составляет многое; начало же бытия, согласно требованию логики, должно быть строго едино [12, с. 337-338]. Материализм, таким образом, есть «возведение частного начала на степень абсолютного, то есть коренное противоречие в самом себе» [12, с. 339]. Следовательно, материя, в согласии с христианским учением, должна быть признана сотворённой «из ничего». Присущее материалистам убеждение, что «из ничего ничего не происходит», Чичерин опровергает тем, что в христианском догмате понятие «ничто» понимается лишь в смысле отсутствия внешнего для деятеля материала, а никак не в смысле произведения чего-либо без участия творческой силы, которая сама по себе достаточна для создания мира Творцу вселенной [12, с. 267].

Как позицию, исходящую из материалистического видения вещей, Чичерин критикует также и позитивизм. Так, в «Науке и религии» им показывается искусственность и противоречивость имеющихся, прежде всего, у Д. Милля позитивистских концепций понимания чисто умозрительных наук – логики и математики. В труде «Положительная философия и единство науки» он критикует выдвинутый О. Контом закон «трёх фаз» развития человечества, как опровергаемый историей [13, с. 6]. Но наибольшее внимание Чичерин уделяет критике главного положения позитивизма – положения об обязательной «привязке» всякого возможного знания к эмпирическому опыту.

Согласно Чичерину, неустранимой слабой стороной позитивизма является именно ограничение знания сферой опыта, поскольку с точки зрения логики нет ни малейшего основания для такого ограничения. Сознание необходимости логических законов, происходящее от их самоочевидности, говорит о том, что они могут простираются на всякое возможное содержание: как непосредственно связанное с эмпирической действительностью, так и то, которое выходит за её пределы. Опытное знание, которое только и существует для позитивиста, на самом деле не более как частное приложение общих законов разума [11, с. 95-96].

Кроме этого, из главного положения позитивистов следует утверждение о происхождении всех наших понятий из опыта. Но тогда совершенно невозможно объяснить не только наличие в наших умах представления о Боге, но и таких категорий, которые «ничтоже сумняшеся» используют сами позитивисты – материи [12, с. 191], а также причины, субстанции, силы [8, с. 3-4]. Между тем, включая в свой «понятийно-концептуальный аппарат» эти термины, позитивист нарушает установленные им «самому же себе» границы «чистого опыта» и вторгается в запретную для него область – область умозрения [13, с. 16]. Следовательно, провозглашение опыта единственным источником знания ведёт к неразрешимым противоречиям для исследователя и потому должно быть решительно отвергнуто в науке.

Надлежит сказать и об отношении Чичерина к модной в конце XIX в. теории эволюции Ч. Дарвина. Согласно мыслителю, эта теория «лишена всякой опытной почвы», ибо «никто никогда не видал» превращения одних видов животных в другие [13, с. 177]. Пытаются восполнить недостаток эмпирических данных предположением «бесконечных периодов времени, необходимых для произведения превращения» и «думают, громоздя века на века, произвести великое от малого; но этот... приём служит только признаком бессилия мысли, заменяемой фантазией» [13, с. 177]. Также теория Дарвина, по Чичерину, лишена и логической почвы, ибо в ней «не указывается никакой силы, способной производить требуемое действие» видового изменения [13, с. 177-178].

Наконец, для полноты анализа проблемы соотношения веры и знания у Чичерина нельзя не обратиться к полемике, которую он вёл уже не против материалистов, а против соперника в «своём же» лагере. В 1879 г., то есть в один год с «Наукой и религией» мыслителя, было опубликовано сочинение В.С. Соловьёва «Критика отвлечённых начал». Основной идеей данного произведения выступила попытка пересмотра притязаний «отвлечённых начал» – опыта и разума – быть исчерпывающими источниками познания истины (что, как мы помним, защищали и Гегель, и Чичерин). По Соловьёву, первичной основой постижения действительности является не разум и не опыт, а некое «мистическое созерцание», отождествляемое им с верой, к которому эти две формы познания являются не более как «приложением». Ясно, что подобное сочинение не могло вызвать положительной оценки Чичерина, и в 1880 г. выходит из печати его работа «Мистицизм в науке», целиком посвящённая труду Соловьёва и содержащая подробный разбор его гносеологической концепции.

В качестве исходной позиции Чичерин высказывает следующее положение. Философское знание характеризуют два главных качества – точность

и основательность. Первое означает чёткость и ясность, второе – наличие оснований, по которым автор признаёт именно то, а не другое. В этом философское знание подобно знанию математическому. В противном же случае философия представляет собой не знание, а бессмысленный набор произвольных определений, «из которых ровно ничего нельзя вывести» [10, с. 6]. Во многом, по убеждению Чичерина, именно такова концепция В.С. Соловьёва. Интерпретация главнейших понятий в этой концепции, в частности, понятия истины [10, с. 102-103], оказывается не более чем словесной игрой, «софистикой», которая только способна подорвать доверие к философии.

Идею Соловьёва о третьей форме познания, «мистическом созерцании» (причём этот термин оказывается у него применимым ко всему, т. е. в том числе и к самым обыденным вещам), Чичерин опровергает, показывая её невозможность с точки зрения логики. Согласно ему, знание предмета составляет не из трёх, как мнит Соловьёв, а только из двух компонентов: познание предмета в его бытии для другого даётся опытом, познание же его внутренней действительности – умозрением. Для ещё какой-то третьей формы познания уже «нет места ни в объекте, ни в субъекте» [10, с. 20]. Признать же, тем не менее, её возможность – «значит отречься от всякой логики и заграждать себе путь ко всякому познанию» [10, с. 117].

Непосредственное знание вещей, согласно Чичерину, логически возможно только для божества, «которое, будучи началом всего, не есть нечто внешнее для предмета, а потому и не нуждается во внешнем с ним взаимодействии для того, чтобы сделать его объектом своего мышления» [10, с. 20]. Для конечного же существа, человека, познание предмета помимо его бытия для другого не находит себе оправдания ни в логике, ни в опыте. Первоначальной основой познания должно быть не какое-то там «мистическое созерцание», а «сам разум, как деятельная сила» [10, с. 22].

Несообразность воззрений Соловьёва на процесс познания с фактами и логикой Чичерин демонстрирует двумя наглядными примерами. Если, как утверждает Соловьёв, существует «мистическое созерцание», посредством которого «все предметы и все существа» оказываются связанными друг с другом, то какой-нибудь «деревенский мужик» должен иметь весьма полное представление об Америке, между тем как достаточно приехать в любую российскую «деревню» и поговорить там с любым «мужиком», чтобы убедиться в обратном [10, с. 139-140]. Если же соловьёвская концепция всеединства является истинной и тем самым абсолютное становится всем и всё – абсолютным, то и кусок жареной дичи, съедаемый кем-то за обедом, является абсолютным, «божеством» [10, с. 143], что составляет ещё больший абсурд. Стало быть,

поскольку принятие воззрений Соловьёва ведёт к столь великим несообразностям, то они не имеют ничего общего с истиной, и потому «всякая попытка заменить в науке рациональное начало мистическим должна быть отвергнута» [10, с. 118].

Как можно видеть, Чичерин довольно строг в критике своего оппонента, но данная строгость, отметим, имеет основание. Главное, в чём он упрекает Соловьёва – это отсутствие логической дисциплины разума. Нельзя не признать, что последняя действительно является тем качеством, без которого немислимы серьёзные занятия философией.

Подводя итоги статьи, можно сказать следующее. Чичерин – несомненный защитник «гармонии» между верой и знанием. В его системе философии вера никоим образом не есть что-то в своей основе произвольное, недоказуемое, религиозные истины предстают как строго удостоверяемые разумом; и, напротив, рациональное знание является

ся всеобщим критерием истины, действительным в том числе и в области веры. К особенностям воззрений Чичерина на проблему соотношения веры и знания должно быть отнесено признание им: 1) познаваемости мира посредством разума, всеобщего значения логических законов; 2) веры как средства познания трансцендентного в объединённости рационального и иррационального, но при безусловном первенстве рационального; 3) психологической важности разумной основы веры как для интеллектуальной уверенности в истинности веры, так и для полноты религиозного чувства.

Вклад, внесённый Чичериным в решение проблемы веры и знания, заключается, таким образом, в том, что он теоретически раскрыл философское содержание этих понятий и их соотношение, а также теоретически обосновал возможность «гармонии» между ними.

Литература

1. Гегель, Г.В.Ф. Народная религия и Христианство // Г.В.Ф. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. – Москва: Мысль, 1972. – Т. 1. – С. 45-86.
2. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: монография. В 3-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии: монография. В 2-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1976. – Т. 1. – 532 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии: монография. В 2-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1977. – Т. 2. – 573 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума: монография / И. Кант. – Москва: Эксмо, 2010. – 734 с.
6. Лобеева, В.М. Единство религиозной веры и философской рациональности в познании метафизических сущностей: анализ концепции Б. Н. Чичерина / В.М. Лобеева // Пространство и время. – 2017. – № 1 (27). – С. 57-63.
7. Лосский, Н.О. История русской философии: монография / Н.О. Лосский. – Москва: Высш. шк., 1991. – 559 с.
8. Чичерин, Б.Н. Вопросы философии: монография / Б.Н. Чичерин. – Москва: тип. лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1904. – 385 с.
9. Чичерин, Б.Н. Воспоминания: монография / Б.Н. Чичерин. – Москва: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. – 336 с.
10. Чичерин, Б.Н. Мистицизм в науке: монография / Б.Н. Чичерин. – Москва: тип. Мартынова и К., 1880. – 191 с.
11. Чичерин, Б.Н. Наука и религия: монография / Б.Н. Чичерин. – Москва: Республика, 1999. – 495 с.
12. Чичерин, Б.Н. Основания логики и метафизики: монография / Б.Н. Чичерин. – Москва: тип. лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1894. – 368 с.
13. Чичерин, Б.Н. Положительная философия и единство науки: монография / Б.Н. Чичерин. – Москва: тип. лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1892. – 334 с.

УДК: 316.772+168.4

Тапдыг Хафизович Керимов, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет им. первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
e-mail: kerimovt@mail.ru

Игорь Вячеславович Красавин, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет им. первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
e-mail: krasavin.i@gmail.com

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОСТИ: МНОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА СТРУКТУРЫ

Статья посвящена анализу множественности структуры, являющейся причиной ее сложности: многообразия и многомерности отношений. Исходным предположением выступает представление о множественном характере структуры, которая является виртуальной и лишь отчасти реализована в актуальности. Данное свойство делает отношения дифференциальными, то есть взаимоопределяемыми друг относительно друга. Взаимоопределение отношений представляет собой качественное различие, которое не поддается объективации. Данное различие является реально существующим, но не актуальным, а виртуальным. Виртуальное показано в статье в качестве реального, обладающего в этом статусе всей полнотой существования. В статье подчеркивается отличие виртуального и потенциального. Потенциальное является гипотетическим подобием актуально существующей формы, объекта. Виртуальное качественно не связано с актуальным, хотя определяет границы последнего. Реальность виртуального и множественность строения структуры исключают их определение через исходное тождество и сведение к отдельным элементам, качествам или отношениям.

Ключевые слова: структура, различие, множественность, виртуальное, дифференциальные отношения.

Тема множественности – центральная в современной философии. Термин активно использовался А. Бергсоном, который в свою очередь заимствовал его у Б. Римана. По определению Римана, «многообразием» считается объект, который может быть задан посредством собственных измерений, как дискретное многообразие, либо независимыми переменными, как непрерывные многообразия. Дискретные многообразия «содержат принцип своих собственных метрик (так, что мера одной из их частей задается числом содержащихся в них элементов), вторые основывают метрический принцип на чем-то еще» [6, с. 310-311], например, на тех феноменах, которые существуют в этом многообразии. На пути этого различения Бергсон значительно меняет описание этих двух многообразий. Непрерывные многообразия, согласно Бергсону, принадлежат порядку длительности, а не пространства. Речь идет о двух формах множественности: с одной стороны, множественность количественная, нумерическая, материальная, топологическая, множественность, трансцендентальным условием которой выступает пространство, а с другой стороны – множественность качественная, виртуальная, трансцендентальным условием которой выступает время. «Попробуем на одно мгновение сделать ее (длительность) множественностью. Необходимо будет прибавить, что члены этой множественности, вместо того чтобы разграничиваться, как члены какой бы то ни было множественности, захватывают друг друга, что хотя мы и можем, конечно, путем усилия воображения придать твердость длитель-

ности, уже истекшей, разделить ее на рядопологающиеся куски и сосчитать все эти куски, но что операция эта совершается над застывшим воспоминанием длительности, над неподвижным следом, оставляемым за собою подвижностью длительности, но не над самой длительностью. Мы должны будем поэтому признать, что если есть здесь множественность, то эта множественность не походит ни на какую другую множественность» [1, с. 1176]. Но поскольку длительность принадлежит к сфере качественных множеств, она не является ни просто чем-то неделимым, ни чем-то, не поддающимся измерению, неизмеримым.

Чем отличается качественное многообразие от количественного? Отличие производится по критерию субъективного и объективного. «Объект может быть разделен бесконечным числом способов. Даже не будучи реализованными, они *de jure* воспринимаются как реализованные. Под «объективным» Бергсон подразумевает именно то, что не обладает никакой виртуальностью. В объективном все актуально, независимо от того, реализовано оно или нет, возможно или реально. Объективным называется не только то, что делится, а то, что – делясь – не меняется по природе» [7, с. 26]. Итак, это то, что делится благодаря различиям в степени. В этом смысле объект называется «числовым многообразием». С другой стороны, качественное многообразие, называемое еще «субъективным», в процессе деления меняется по природе, поэтому оно является «нечисловым множеством». В конечном счете, субъективное, или длительность – это нечто

виртуальное, а виртуальное неотделимо от движения собственной актуализации.

В данном обсуждении нас интересует понятие виртуальной множественности. Что означает виртуальность? Отвечая на этот вопрос, прежде всего надо иметь в виду введенное Бергсоном различие между виртуальностью и возможностью. Основной упрек Бергсона в адрес категории возможного: оно представляет собой ряд предопределенных форм, самотождественных вопреки их не-существованию и, будучи реализованными, соответствующих актуальным формам. Во-первых, возможное не существует, тогда как виртуальное существует. Виртуальное реально. «Виртуальное обладает полной реальностью в качестве виртуального» [3, с. 256]. Возможное – это то, что может стать или могло бы стать реальным. Виртуальность не просто абстракция, вторичная от актуально наличного состояния вещей. Она соприсутствует и становится актуальным без внешнего воздействия. Во-вторых, возможное предполагает самотождественность понятия, в то время как виртуальное множественно и не нуждается в исходном тождестве. Виртуальное – это дифференцированная множественность. В-третьих, возможное – это образ, подобие, зеркало реального, оно структурировано как реальное минус факт существования. В любом смысле, возможное и реальное суть отражения друг друга. Осуществление возможного только удваивает его. Виртуальность актуализируется благодаря различению тождества, предшествуя последнему.

Виртуальные множественности не имеют ничего общего со своими актуализациями именно потому, что актуализируются они только посредством различения (*differance*). И именно потому, что отношение между виртуальностью и актуальностью не есть отношение подобия, именно потому, что это отношение не есть движение от модели к образу, актуализация – это «всегда подлинное творчество» [4, с. 315].

Актуальности в сфере жизни, то есть виды, организмы, органы и т.д., есть результат не другой актуальности, а тенденций. Если эволюцию представлять не в качестве механического процесса, который просто добавляет существование к чему-то уже предданному как возможность; если результаты эволюции представлять не в качестве реализации возможностей, предданных самому процессу, то есть возможностей, которые подразумеваемый процесс просто реализует; если, другими словами, творчество вписать в саму эволюцию, тогда существование (или актуальность) как понятие и условия существования таких процессов больше не нужно будет полагать как не-реальный предикат, как то, что просто-напросто добавляется к содержанию, причем данному заранее как возможность [5, с. 113].

Из этого краткого обсуждения можем выделить

три основных пункта. Во-первых, имеет место онтология реальных, динамических процессов без негативности в качестве процессора. Это онтология различий по природе, качественных и становящихся множественностей, виртуальных горизонтов. Во-вторых, качественную и становящуюся множественность не объяснить диалектикой единого и многого, поскольку множественность – это не множество с трансцендентным объединяющим началом. В-третьих, качественные множественности призваны описывать процесс становления структур. Это становление имеет место через серию дифференциаций, каждая линия различия соответствует различию по природе, расхождению или изобретению, не предполагающему тождества или сходства с предыдущим состоянием. Это логика радикальной гетерогенности, описывающая процесс дифференциации независимо от различий, разделяющих тождество родового понятия на виды. В связи с этим задача введения понятия множественности предполагает возможность полагать реальное, не прибегая к эссенциализму. Объяснение, скорее, становится динамическим, в терминах И. Пригожина или морфогенетическим, в терминах М. Арчер. В связи с этим философия множественности не имеет дела с определением сущности, она описывает процесс становления события, которое многообразно по возможностям своего измерения, то есть, виртуально больше, нежели актуальность, данная в непосредственном взаимодействии.

Между виртуальным и актуальным имеется различие по природе, онтологическое различие в собственном смысле. И, тем не менее, они связаны между собой генетически, в плане становления. Достаточно понять, что становление, движение онтогенеза идет не от одного актуального термина (субстанции), каким бы непосредственным и абстрактным он ни представлялся, к другому актуальному термину, не от сущности к существованию, а от виртуального к актуальному, то есть от структуры, дифференциальные элементы которой неотделимы от потенциала, к ее актуализации, от дифференциальных элементов и их идеальных связей к актуальным терминам [10, с. 23-25].

Здесь мы самым непосредственным образом сталкиваемся с парадоксальным содержанием онтологического различия: между бытием и сущим, виртуальным и актуальным имеет место отношение основывания, обуславливания, но это повторение влечет за собой дифференциацию, т.е. повторение повторяет не тождественное, а только различие. Всякое сущее, всякий феномен рождается из- и повторяет до-индивидуальный ряд условий, с которыми не имеет ничего общего. Но эти элементы, условия всецело дифференцированы. Они представляют собой не что иное, как пространство потенциальностей, ряд виртуальных тенденций, порожденных сериями дифференциальных отношений. Между

ними отношение не гомотопии, или гомогенности, а гетерогенности. Поэтому в действительности противоположность имеется не между структурой и событием, или структурой и генезисом, или структурой и смыслом. Противоположность имеется между множественностями, обозначающими структуру, событие и смысл, и понятиями, обозначающими сущности и роды: между множественностями как обозначениями до-индивидуального, виртуального и сингулярного условий существования явлений и понятиями как обозначениями возможной тождественности явления в форме «чтойности».

Почему появляется желание вместо «структуры» говорить *eidōs*, «сущность», «форма» и т.п.? Это желание можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в отличие от сущности, формы, категорий, структура есть становление. В противоположность к сущностям, всегда уже данным, структура определяется по ходу дела, постепенно. Во-вторых, тогда как сущность – это правило образования любого возможного объекта, структура есть именно правило образования содержания действительного объекта. Правила в данном случае – это не предикаты неизвестного объекта, а виртуальные отношения становящегося объекта.

Итак, структура-становление имеет две стороны. Первая сторона: элементы взаимодействия существуют только посредством отношений, которые таким образом являются дифференциальными и совместно образуют структуру. «Это отношения типа dx/du . Этим дифференциальным отношениям соответствуют распределения сингулярностей, ординарных и сингулярных точек (событий в их пространственно-временной определенности и событий бестелесных, генетических)» [3, с. 226]. Какова природа дифференциальных элементов? У них нет ни означающей функции, ни понятийного значения, ни чувственной формы. Они не существуют актуально, и всегда являются виртуальными. В основании множества нет тождества, которое могло бы существовать само по себе. Связи элементов множества взаимно определяются идеальными отношениями, которые невозможно локализовать. «...Множество всегда определяется внутренним образом, не выходя из него и не прибегая к единообразному пространству, в которое оно как бы погружено» [3, с. 226]. В-третьих, «идеальная множественная связь, дифференциальное отношение должно актуализироваться в различных пространственно-временных отношениях, тогда как ее элементы актуально воплощаются в разнообразных терминах и формах» [3, с. 227].

Какова природа дифференциальных отношений? Если моделью для теории структуры является дифференциальное исчисление, а не формальная логика, надо помнить, что структура отношений в дифференциальном исчислении отличается от структуры отношений в аксиоматике. В математи-

ке, как правило, выделяются три типа отношений: реальные отношения устанавливаются между независимыми или автономными элементами (отношение $2/3$ или $3+2$); воображаемые отношения устанавливаются между элементами, значения которых не определены, но которые каждый раз получают определенное значение (отношение $x^2 + y^2 - R^2 = 0$, алгебраическое уравнение круга). Объектами аксиоматических систем, например, формальной логики, являются отношения между такими неспецифицируемыми элементами, поэтому можно сказать, что предметом их заботы являются воображаемые отношения. Третий тип отношений, представленный в дифференциальном исчислении, имеет совершенно другой статус: дифференциальные отношения «устанавливаются между элементами, не обладающими определенным значением, но, тем не менее, взаимоопределяющимися в отношении между собой ($dy/dx = x/y$, выражение кривой и ее тригонометрического тангенса). Элементы дифференциального отношения являются неопределенными, не реальными и не воображаемыми: du не определен по отношению к y , dx – к x . Но эти элементы полностью взаимоопределяются в системе дифференциальных отношений: они не существуют вне нелокализуемых идеальных связей дифференциальных отношений, в которые вступают (dy/dx) и благодаря которым взаимоопределяются» [2, с. 143-144].

Заметим, что именно дифференциальное отношение позволяет Делёзу определять Идею как структуру, в которой различное соотносится с различным посредством различия. Далее, «взаимоопределению дифференциального отношения соответствует полное определение ряда сингулярностей, образующих проблематическое пространство, соответствующее этим элементам» [3, с. 212]. Теория сингулярностей в дифференциальном исчислении предполагает сущностное различие между двумя инстанциями: инстанцией проблемы, т.е. номадическим распределением сингулярностей в топологическом поле, и инстанцией решения, т.е. формированием фигур в соседстве тех же сингулярностей, которые теперь принимают оседлую и неподвижную форму (например, треугольник имеет три сингулярные точки, тогда как кривые и тангенсы допускают более сложное распределение сингулярностей). Проблема не разрешается этими сингулярностями, скорее, она утверждается как проблема. Распределение сингулярностей соответствует отношениям и элементам структуры, которые соответственно актуализируются в различных пространственно-временных отношениях и воплощаются в разнообразных терминах и формах – инстанциях решения.

Вторая сторона структуры-становления складывается из качеств и протяженностей – процесса индивидуации. Дифференциальные отношения первой

стороны структуры определяют актуальные качества, виртуальные сингулярности – актуальные протяженности. Качество – это свернутое количество, синтез количества. Сингулярности суть композиция формы; они определяют форму объекта, его протяженность или его части. Пересечение качеств и протяженностей образует процесс индивидуации. Если качество – это организация интенсивного количества, то протяженность – это организация количества. Виртуальная сторона структуры и ее актуальная сторона интегрируются при условии, что структура применяется к интенсивным количествам.

Процесс индивидуации состоит из количественных интенсивностей. Это интенсивности различия как структурных неравенств, или асимметрий, между разнородными элементами. Как правило, это различия потенциала, интенсивности, которые, коммуницируя между собой, производят эффекты, отличные от эффектов каждого элемента в отдельности. Это не потенциальные различия (потенциальные возможности), а различия потенциала или дифференциал потенциала, вызывающий актуальные эффекты или приводящий систему в актуальное состояние. Изнутри этого дифференциала, этой области интенсивности «вспыхивает» феномен. Эти интенсивные различия и образуют поле индивидуации феномена.

Однако эти различия не феноменологизируемы, не выходят в присутствие. Эти различия всегда даются в форме экстенсивности. Актуализация виртуальных тенденций стремится выровнять, редуцировать или даже снять в актуальности те самые различия, которые собственно и составляют этот процесс. Качества и протяженности – это уже локализованные и распределенные в пространстве и времени различия, уже редуцированные или идентифицированные интенсивности, соотношенные с пространством и временем и неотделимые от их собственной экстенсивности [9, с. 42]. Но если различие раскрывается, опространствливаясь-овременяясь, выходя вовне, в полностью актуализированное явление, то этот процесс экспликации не означает его полное и окончательное аннулирование, поскольку различие сохраняется, будучи виртуально имплицитным в движение своей собственной экспликации. Вот почему об актуализированных системах или о том, как они даются в опыте, Делёз говорит как об «иллюзии», в одно и то же время «трансцендентальной» и «физической»: мы фиксируем только конечный результат двойной дифференциации, ведущей к процессу разрешения или редукции таких различий в актуализированных тождествах. «Редукция», или «деградация», интенсивных различий реальна, хотя и «иллюзорна»: «Существует иллюзия, связанная с интенсивными количествами. Но иллюзия – не сама интенсивность; скорее, это движение, посредством которого аннулируется различие интенсивности. Не то чтобы оно внешне

исчезало. Оно аннулируется реально, но вне себя, в пространстве и качестве» [3, с. 291].

Между ними, этими двумя процессами дифференциации, нет никакого отношения тождества или подобия, только отношение различия. Что означает различие в этом втором смысле? Это различие «между» до-индивидуальным и индивидуальным. Не просто пространство, отделяющее две независимые и пред-данные области, но сам процесс, процессурующий это пространство и это время этого «между». Равнозначности бытия соответствует аналогия. Но «переход» понимается именно как различие, промежуток, простирающий виртуальные различия в той мере, в какой отделяет или разделяет их «среда». Можно было бы сказать, вспоминая хайдеггеровское *Unter-shied* или *Mitte*: «Согласно онтологической интуиции Хайдеггера, различие само по себе должно быть сочленением и связью; оно должно соотносить различное с различным без всякого опосредования тождественным, подобным, аналогичным или противоположным. Необходима дифференциация различия в-себе как дифференциатора, *Sich-unterscheidende*, посредством которого различное в то же время собирается воедино, а не представляется при условии предварительных подобия, тождества, аналогии, противопоставления» [3, с. 262]. И так же, как в хайдеггеровском объяснении исходного различия, это движение или процесс различия подразумевает сингулярное опространствование-овременение: «Пространственно-временной динамизм глубже актуальных качеств и протяженности, видов и частей. Именно они актуализируют... Необходимо их обнаружение во всех областях, хотя они обычно скрыты под возникшими протяженностями и качествами» [3, с. 262]. Это «между», или «среда» – место становления, выхода в присутствие, процесса индивидуации, если воспользоваться терминологией Ж. Симондона. Этим процессом очерчивается среда – уже не до-индивидуальная, но еще не индивидуальная – процесса формирования индивидуальных феноменов. Процесс, формирующий свои собственные элементы, отличные от до-индивидуальных сингулярностей. Что это за «новые» элементы, формирующиеся и неотделимые от индивидуации? Этими новыми элементами и являются «качества» и «протяженности». Однако если индивидуация порождает эти новые элементы, в конечном счете интегрирующие различия, то только в той степени, в какой индивидуация обозначает область интенсивности, включенной в движение своей собственной экстенсификации, характеризующееся тем специфическим путем, каким разнородные серии сообщаются между собой в пределах системы. Но как индивидуация она не экстенсивна и не распределяется в экстенсивные качества.

Развитие дифференциальной теории структуры становится возможным благодаря первоначальному

различию возможного и виртуального. Тогда как возможное определяется процессами соответствия и ограничения, виртуальное – процессами различия и актуализации, расхождения и творчества. Процесс актуализации – это процесс различения между отношениями структуры, определяющими элементы взаимодействия, а также между виртуальным и актуальным. Пространственно-временные качества не соответствуют воплощаемым ими дифференци-

альным отношениям. Элементы, отношения и сингулярности структуры никогда не исчерпываются их актуализацией, поскольку они обладают потенциалностью или метастабильностью, постоянно превышающей данное положение вещей [8, с. 77]. Таким образом, структура – это дифференциальные и генетические множественности, отношения и сингулярности которой воплощаются в актуальных формах и взаимоотношениях.

Литература

1. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память: монография / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 1347 с.
2. Делёз, Ж. Марсель Пруст и знаки: монография / Ж. Делёз. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 1999. – 325 с.
3. Делёз, Ж. Различие и повторение: монография / Ж. Делёз. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 468 с.
4. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато: монография / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, Москва: Астрель, 2010. – 895 с.
5. Луман, Н. Дифференциация: монография / Н. Луман. – Москва: Логос, 2006. – 320 с.
6. Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей / (Ред.) А. П. Норден. – Москва: Гос. изд-во технико-теорет. лит., 1956. – 560 с.
7. Общество различия и современная социальная онтология II / Материалы круглого стола // (Ред.) В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов, И.В. Красавин. – Екатеринбург: издательство АМБ, 2010. – 125 с.
8. Delanda, M. Intensive Science and Virtual Philosophy: monograph / M. Delanda. – London – New York: Continuum, 2002. – 248 p.
9. Delanda, M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity: monograph/ M. Delanda. – London: Continuum, 2006. – 150 p.
10. Farias, I. Virtual attractors, actual assemblages: How Luhmann's theory of communication complements actor- network theory / I. Farias // European Journal of Social Theory. – 2014. – Vol. 16 (1). – pp. 24-41.

УДК 1:304.9

Павел Васильевич Ляшенко, кандидат философских наук, доцент кафедры общих правовых дисциплин и политологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: lyashenkovpavel@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ УТОПИИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена анализу концептуальных оснований утопии в рамках древнегреческой философской системы. Данная система в подавляющем большинстве научных исследований предстает как период становления и оформления утопии. В статье отмечается, что объективный идеализм Платона, аккумулируя в себе мысль об идеальном образе мира, задавая параметры разумного, эстетически упорядоченного общественного бытия, способствует возникновению утопической проблематики и становлению концептуальных оснований утопической мысли. Дальнейшее развитие представлений об утопии в античный период явственно притормаживается в связи с выдвижением на первый план аристотелевской философской системы, чуждой примату идеального над материальным и онтологически уравнивающей форму и материю. Вследствие этого зарождающиеся зачатки утопического мышления в объективном идеализме Платона не находят концептуально-методологической опоры в содержании возникающих и получающих распространение философских учений, находящихся под влиянием аристотелизма, и перестают развиваться. Учитывая данное обстоятельство, автор приходит к выводу, что в Античности закладываются концептуальные предпосылки утопии. Однако в эту эпоху утопия не могла сложиться в силу преобладающего влияния традиционализма, идущего вразрез с духом и буквой утопического мировидения, а потому существенным образом сдерживающего его развитие.

Ключевые слова: утопия, античная философия, космос, совершенство, красота, гармония, полис, человек.

Обращение к истокам проблемы концептуальных оснований утопии необходимо начинать с раннего этапа развития философской мысли – Античности. Данный этап характеризуется существованием культурной системы, сформировавшей исходные теоретические представления о совершенстве, политике, государстве, человеке и вызвавшей к жизни первые «идеальные социально-политические проекты». Рефлексивные усилия ранних древнегреческих натурфилософов несли в себе черты мифологии, в рамках которой закладывается эстетическое значение категории космоса как совершенного и гармонически выстроенного целого, обладающего амбивалентной природой (соматической и идеальной).

Космос на ранних этапах становления древнегреческой философии, не освободившейся от влияния мифологических форм восприятия мира, предстает как «божественное, разумное, бессмертное, живое» [13, с. 348], эстетически-идеальное бытие, которое вмещает в себя жизни всех «одушевленных» существ как составных элементов космоса. В космосе «все возникает по противоположности и всю цельностью течет, как река. Вселенная конечна, и мир один. Возникает он из огня и вновь исходит в огонь попеременно, оборот за оборотом, в течение всей вечности; совершается это по Судьбе» [7, с. 335]. Космос, согласно приведенной мысли Гераклита, – это целостная, самодетерминирующаяся, органическая система, в которой все обусловлено диалектическими процессами энтропийного и антиэнтропийного характера, задающими идеальный вектор развития

всех вещей в мире, в том числе и человека как его органической части.

В философском языке Античности можно выделить особенность, раскрывающую сущность космоцентризма, содержательно-смысловым ядром которого выступает тождество концептов «судьба» и «космос», образующих единое ценностно-смысловое пространство, составными элементами которого являются генетически родственные понятия – «логос», «природа», «бог», «красота», «гармония», «совершенство», «политика», «полис». Эту этимологическую особенность рельефно отражает мысль стоиков о том, что «Бог, ум, судьба и Зевс – одно и то же, и у него есть еще много имен» [7, с. 286]. В социолингвистическом контексте Античности указанный категориально-понятийный ряд объединен одним концептуальным смыслом, начинающим рациональную, эстетическую упорядоченность жизненного пространства древнего грека, обусловленную наличием совершенного космоса. Таким образом, космос – это центральная и основополагающая категория древнегреческой духовной культуры и философии, образующая вокруг себя категориально-понятийную матрицу античного мышления.

Космос можно интерпретировать как замкнутую, упорядоченную и гармонически выстроенную систему, в которой «небо и земля, и боги и люди, связаны в одно целое общностью, дружбой, благочинием, целомудрием и справедливостью, и именно поэтому они называют весь этот видимый мир «космосом» (порядком), а не акосмией (беспорядком) и распушенностью» [20, с. 147].

Следовательно, космос, возведенный древнегреческой мыслью в ранг Абсолюта, выражает сущностные связи неба и земли, богов и людей, являющихся частями одного единого целого, основанного на метафизических началах общности, дружбы, благочиния, целомудрия, справедливости и устроенного как наивысшая форма равенства, соразмерности, симметрии, гармонии, порядка, лада. Тем самым, космос – художественно-оформляющее начало бытия, выстраивающие «мир для долгого существования, чтобы далее в этом мире всего было достаточно, а прежде всего – чтобы он отличался исключительной красотой и полной упорядоченностью» [22, с. 18]. Космос категоризуется в понятиях «красота», «порядок», «чин», «лад», «ряд», что выводит на первый план его эстетически-идеальную сущность.

В миросозерцании древнегреческих натурфилософов, космос «чинится», выстраивается в иерархию не «подчиненности» [19, с. 46], а эстетического лада, гармонии, симметрии. Космос, это «не только мировой порядок, но и «правопорядок», «режим» (в социальном смысле этих слов), которому подчиняются все вещи в мире, в том числе и Солнце» [16, с. 157]. Следовательно, универсальная нормативная природа космоса согласует гармоничное движение всех вещей, в том числе и человека, с объективным критерием абсолютной истины, не вычлененной в древнегреческом мышлении из метафизической триады «красота», «добро», «истина», то есть из эстетико-этического контекста сознания.

Космос (идея, закон) определяет устройство как чувственно-материального, так и общественно-политического и индивидуального бытия, выступающего вторичным по отношению к его идеальной природе и устремлённым в своем предельном развитии к нему как воплощению полного и совершенного бытия. Естественно, что Аристотель, в последующем называя космос небом, отмечает, что его «движение в силу своего совершенства объемлет движения несовершенные и имеющие границу и остановку; само оно при этом не имеет ни начала, ни конца и, будучи безостановочным в продолжение бесконечного времени, выступает по отношению к прочим движениям как причина начала одних и восприимчивик остановки других» [3, с. 306]. В своих онтологических основаниях космос выступает как совершенное, объективно-существующее целое, являющееся одновременно и началом и целью становления всего в себе от несовершенного к совершенному. Космос, будучи целевой причиной всякого движения, вовлекающего в себя все сущее, предстает как форма, то есть как цель [2], которая актуализирует бытие чувственного и социально миров, выступая по отношению к ним идеальным образом (моделью, парадигмой).

Категория «космос» приобретает свое антропологическое и социально-политическое содер-

жательно-смысловое наполнение, начиная с философской программы Сократа, который «всегда вел беседы о делах человеческих: исследовал, что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что безобразно, что справедливо и что несправедливо, что благоразумие и что неблагоразумие, что храбрость и что трусость, что государство и что государственный муж, что власть над людьми и что человек, способный властвовать над людьми, и так далее» [10, с. 24]. Сократ, отнюдь не игнорируя космологическую проблематику, обнаружил, что «те же самые законы естества существуют не только в «окружающей среде» Космоса, но и во внутренней природе социальной жизни и отдельного человека» [19, с. 377], которая подчинена тем же объективно-эстетическим принципам, что и физический мир (фюзис). А.Ф. Лосев отмечает, что «космос – первообраз, а человек – подражание. Но существенного различия здесь нет, так как оно по преимуществу чисто количественное. То, что имеется в космосе, имеется и в человеке; а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосм и микрокосм – одно и то же. Одно – универсально, другое – индивидуально» [5, с. 572]. Таким образом, в философской системе Сократа происходит переориентация в понимании космоса с онто-космологических на социально-антропологические аспекты его осмысления, актуализировавшие разработку идеи микрокосмоса, согласно которой человек – составной и неотъемлемый элемент в совершенном единстве структур высшего и идеального порядка, как природы, так и общества. Это стало одной из ключевых идейно-мировоззренческих предпосылок, открывших возможность разработки «идеальных социально-политических проектов» в античный период.

Становление философских взглядов Сократа во многом обусловлено социально-культурным контекстом, связанным непосредственно с расцветом древнегреческих полисов, представлявших собой социально-политические устройства, характеризующиеся автономностью, демократичностью (исомией, исогорией) и слиянием государственной власти и гражданской общины. Развитие полисного уклада связывалось античными мыслителями с фундаментальной потребностью людей быть в единстве с себе подобными [17], определяющую неразрывные социально-политические связи и отношения между свободными гражданами. Древнегреческий полис, по словам Ж.-П. Вернана, – это «единство автономных и свободных личностей, составляющих основу небольшого, независимого общества» [24, р. 83]. Особенностью полисного устройства являлось слияние политической власти с гражданской волей, обуславливающее принцип равного соучастия в жизнедеятельности полиса. Эти социальные условия способствовали развитию чувства патриотизма, выражающегося в обязанности граждан «заботиться о

стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей» [17, с. 184]. Поэтому Платон, как истинный грек, которому была безразлична судьба полиса, предлагает проект «правильного», «истинного» государственного устройства в переломный период развития древнегреческих полисов. А.Ф. Лосев отмечает, что «Платон ясно увидел, что современное ему общество идет к гибели, что совершенно не за что ухватиться ни в общественной, ни в политической жизни, что нужно избрать какой-то свой путь... Поэтому Платону, тоже разочарованному во всех без исключения тогдашних формах общественной и государственной жизни, но также не представлявшему себе еще всего своеобразия наступающего эллинизма, приходилось использовать ту область человеческого сознания, которая всегда приходит на выручку в моменты великих социальных катастроф. Эта область – мечта, фантазия, новый – и уже рационализированный – миф, утопия. В самом деле, куда было деваться такому человеку, как Платон, с его социально-политическим критицизмом, с обостренным чувством негодности современных порядков, при полном неведении будущих судеб своего народа и одновременно жажде немедленного переустройства всей жизни? Оставались только мечта и утопия. Оставался идеализм» [11, с. 20-21].

Полис представлял собой «наивысшую форму» [8, с. 7], объединения древнегреческих граждан, способную обеспечивать не только их индивидуальные и социальные потребности, но и всеобщее благо в силу соответствия эстетическим принципам числовой пропорции, гармонии, симметрии. Подчеркивая приоритет общества над индивидом, Аристотель вводит определение человека как «политического животного», так как «государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства», – либо животное, либо божество [4, с. 378]. Подлинный грек (являющий в себе и собой истинный «эйдос») был идентичен своей социальной природе и воспитан в духе патриотизма; он родился и умер вместе с полисом – основой своего бытия, поэтому обрывание связей с ним было подобно смерти для грека, упадок полиса или его крушение – «смерть» для всех его членов.

Философские интуиции ранних древнегреческих философов об эстетической природе космоса принимают свои окончательные и завершенные черты в объективном идеализме Платона, представляющем собой первую полноценную и логически обоснованную философскую систему, выразившую примат идеального над материально-чувственным бытием. По словам А.Ф. Лосева,

«платоновский мир идей совершенно безличен, он не имеет никакого имени и никакой истории; он – просто вечный космос, в котором действуют вечные законы космоса (образцы), по которым движется космическая жизнь» [12, с. 52-53]. Идея, для Платона – это видимая умом сущность, субстанция вещи, ее идеальный «конструкт» и образец, выступающий внутренне определяющей «энергией», благодаря которой вещь принимает полноту и целостность своего бытия как совершенная форма. В подобном устройстве бытия «единственный путь, каким возникает любая вещь, – это ее причастность к особой (совершенной – П.Л.) сущности, к которой она должна быть причастна» [18, с. 60] и без посредства которой «вещь» не смогла бы обрести истинное бытие.

В этом смысле, идея, как единство действительного и должного, является определенной доминантой в процессе постоянного становления материально-чувственного мира вещей, отождествляемого Платоном с движением от небытия к бытию. На этом переходном этапе становления сущего идея красоты у Платона играет особую организационно-конститутивную роль, являясь определяющим параметром полноты и целостности бытия существующего. Поэтому оправдано, что идея красоты тождественна истине, а все то, что прекрасно – справедливо. «Миросозерцание античного мышления было живым неподдельным эстетическим наслаждением и восхищением всем окружающим. Для человека античного мира обыденной является эстетическая оценка поступка, состояния или явления» [14, с. 92]. Эта же мысль справедлива, по нашему мнению, и применительно к социально-политическому устройству общества в идеалистическом проекте Платона.

Идея в своем социально-антропологическом значении выступает целью и образцом (нормой, законом) для выстраивания правильного и справедливого государственного устройства, «доступным каждому желающему, глядя на который, человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя» [17, с. 388]. В связи с этим важна мысль А.А. Гусейнова, который отмечает, что Платон утопичен не столько в изображении идеальных состояний общества и государства, сколько в учении об идеях, как этической программе возвышения к подлинному, прекрасному и благу [6]. Тем самым, содержание философской системы Платона заключается не столько в совершенствовании существующего социального устройства на основе идеалистического проекта, сколько в поиске («узревании») абсолютного и объективного образца, идеи «правильного» государства. Вместе с тем, согласно философии Платона, идея «правильного» государства не может получить полной реализации вследствие неразрешимых диалектических противоречий между идеальным и материальным в мире.

Таким образом, именно теоретико-методологические установки идеального объективизма как философской системы создали условия для концептуализации «утопии» и позволили Платону предложить первый «идеальный» (эйдетический) проект «правильного» устройства государства. Вопрос о «правильном» устройстве государства, для античного мыслителя, является логическим продолжением размышлений об объективно-идеальной истинной природе космоса, выступающей совершенной формой становления полиса, которую «следует искать в космосе и выводить из устройства космоса» [9, с. 62]. «Идеальный» проект полиса Платона выстраивается согласно модели космического бытия, структурные элементы которого почти полностью сводятся к эстетическим принципам совершенства, соразмерности, симметрии, целостности, единства [17] и числовой гармонии.

Политическое устройство полиса, у Платона – это упорядоченное и деперсонифицированное единство, в котором не имеет значения личность, ее экономический статус, гендерные характеристики, семейные и кровно-родственные связи, а важна лишь некая метафизическая, природная предопределенность, идеальная интенция самого человека, согласно которой с гражданином в государстве надо поступать так, как «заслуживают его природные задатки» [17, с. 185]. Квинтэссенцией социально-политической системы Платона выступает мысль о том, что совершенный полис по своей форме, социальной структуре и принципам устройства предельно целесообразен, то есть органично и гармонично организован как некий обезличенный сверх-субъект бытия.

Таким образом, объективный идеализм Платона аккумулирует в себе мысль об идеальном образе мира, задает параметры разумного, эстетически упорядоченного общественного бытия, что послужило становлению концептуальных оснований утопической мысли и первыми шагами к возникновению утопической проблематики. Именно объективный идеализм Платона вычленяет идеальное, делая его доминирующим над материальным, что создает условия, в которых только и могут сформироваться утопические представления о совершенном социально-политическом устройстве общества. Следовательно, вне границ объективного идеализма практически невозможно говорить об утопии и утопическом сознании. Данное основание позволяет сомневаться в справедливости суждения авторов об эпохе античности как о периоде «становления, но не окончательного оформления социальной утопии» [21, с. 160] и об утопичности социально-политического проекта Платона [15, с. 45]. Указанное сомнение актуально в силу следующих обстоятельств:

– во-первых, для античных мыслителей

(в частности – Платона), осознававших себя истинными греками, то есть идентичными космосу и полису, было чуждо утопическое мышление, с его характерной «неприемлемостью существующего мира» [23, с. 151] и стремлением к преобразованию социума и государства;

– во-вторых, в объективном идеализме Платона, послужившем концептуальным основанием утопического мышления, нет разрыва между реальностью и идеей, которая соотносима с категориями «истина», правда», «знание»;

– в-третьих, понятие «идея», у Платона тождественно идеалу как закону, норме (в отличие от разделения идеи и идеала в современной философской культуре), что указывает на приоритет нормативного компонента над ценностным в платоновском объективном идеализме;

– в-четвертых, античный концепт космоса порождал представление о циклическом восприятии времени, обусловившем «аисторичность», исключительную ценность настоящего в духовной жизни древних греков и в концепции объективного идеализма Платона, для которого идея как субстанция обладает полным бытием, существует в вечности, отсекая проблематику будущего.

В дальнейшем о развитии утопии в античный период достаточно противоречиво говорить в связи с выдвижением на первый план аристотелевской философской системы, в которой элиминируется примат идеального над материальным и происходит онтологическое уравнивание формы и материи. Что же касается социально-антропологической проблематики, то нельзя не согласиться с Г.А. Александровым, который пишет, что «Аристотель был реальным политиком. Он не ставил себе цели построить некое идеальное государство, вовсе оторванное от практической, земной истории» [1, с. 259]. Именно это во многом определило судьбу зачатков утопического мышления, зарождающихся в объективном идеализме Платона. Еще не сформировавшаяся утопическая проблематика теряет свою концептуально-методологическую опору в эллинистическо-римский период развития философии и перестает развиваться. Те же основания не дают возможности вести речь об утопических проектах в философии стоиков как раннего, так и позднего периода, для которых был характерен пантеизм и фатализм, обуславливающие отсутствие перфектибилизма и представлений о будущем как горизонте иных возможностей человеческого бытия.

Таким образом, несмотря на то, что концептуальные предпосылки утопии закладываются именно в Античности, сама утопия не могла сложиться, в силу преобладающего влияния традиционализма, идущего вразрез с концептуальными основаниями и процессуальной природой утопии, сдерживающего ее позитивное становление.

Литература

1. Александров, Г.А. Аристотель (Философские и социально-политические взгляды) / Г.А. Александров. – Москва: Мысль, 1940. – 367 с.
2. Аристотель Метафизика / Аристотель Сочинения в 4 томах. – Т. 1. – Москва: Мысль, 1976. – С. 63-369.
3. Аристотель О небе / Аристотель Сочинения в 4 томах. – Т. 3. – Москва: Мысль, 1981. – С. 263-379.
4. Аристотель. Политика / Аристотель Сочинения в 4 томах. – Т. 4. – Москва: Мысль, 1983. – С. 375-645.
5. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русском переводе / под ред. С.Н. Муравьева. – Москва: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.
6. Гусейнов, А.А. Философия как утопия для культуры / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 10-15.
7. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1986. – 571 с.
8. Доватур, А.И. Политика и политии Аристотеля / А.И. Доватур. – Ленинград: Наука, 1965. – 392 с.
9. Йегер, В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / В. Йегер. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – 336 с.
10. Ксенофонт Воспоминания о Сократе / пер. с др. греч. С.И. Скобелевского. – Москва: Наука, 1993. – 379 с.
11. Лосев, А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона / А.Ф. Лосев Собрание сочинений в 4 томах. – Т. 1. – Москва: Мысль, 1990. – С. 3-63.
12. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф. Лосев. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с.
13. Лурье, С.Я. Демокрит. Тексты. Переводы. Исследования / С.Я. Лурье. – Ленинград: Наука, 1970. – 664 с.
14. Лященко, М.Н. К переинтерпретации оценки и смысла феномена одиночества в древнегреческой философской традиции / М.Н. Лященко // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 9. – С. 91-94.
15. Масловская, Т.И. Развитие утопической мысли в Древней Греции на рубеже 5-4 вв. до н.э. (Возникновение рациональной теоретической утопии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Масловская Тамара Ивановна. – Санкт-Петербург, 1998. – 234 с.
16. Муравьев, С.Н. Каким было начало сочинения Гераклита Эфесского? / С.Н. Муравьев // Вестник древней истории. – 1970. – № 3. – С. 135-158.
17. Платон Государство / Платон Собрание сочинений в 4 томах. – Т. 3. – Москва: Мысль, 1994. – С. 79-389.
18. Платон Пир / Платон Собрание сочинений в 4 томах. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1993. – С. 81-135.
19. Романенко, Ю.М. Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания / Ю.М. Романенко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 779 с.
20. Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – Москва: Наука, 1989. – 576 с.
21. Фролова, И.В. Утопия: сущность и развитие (опыт социально-философской концептуализации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Фролова Ирина Васильевна. – Уфа, 2005. – 334 с.
22. Цицерон О природе богов / Цицерон // Фрагменты ранних стоиков. Зенон и его ученики. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. – С. 210-259.
23. Черткова, Е.Л. Утопизм социальный / Е.Л. Черткова // Новая философская энциклопедия в 4 томах. – Т.4. – Москва: Мысль, 2010. – С. 151-152.
24. Vernant, J.-P. Social History and the Evolution of Ideas / J.-P. Vernant // Society in Ancient Greece. – Paris, 1980. – pp. 83-84.

УДК 1+009+304.5

Кароматулло Олимов, доктор философских наук, профессор, вице-президент Академии Наук Республики Таджикистан, председатель Отделения общественных наук, академик
e-mail: olimovk_2007@mail.ru

ВКЛАД РУССКИХ УЧЁНЫХ В РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ТАДЖИКИСТАНА (НА ПРИМЕРЕ АКАДЕМИКА А.А. СЕМЁНОВА И Е.Э. БЕРТЕЛЬСА)

Статья посвящена философскому осмыслению вклада русских учёных в становление научных школ по истории таджикского народа и его литературе. Констатируя важность сотрудничества учёных разных стран и народов, автор делает акцент на заслугах русских и советских специалистов в деле формирования таджикской науки, подготовки национальных кадров, способных вести исследования на мировом уровне. Фокусируя внимание на плодотворности деятельности русских учёных, предметом профессиональных интересов которых явились проблемы таджикской культуры, он упоминает их достижения в сферах истории, этнографии и литературоведения. Конкретизируя особенности познавательных интересов академика АН РТ А.А. Семёнова и члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса, автор указывает, что первый из них был крупным учёным-востоковедом и организатором исторической науки, второй, также обретший известность своими фундаментальными востоковедческими исследованиями, весьма успешно разрабатывал проблемы истории персидско-таджикской литературы, суфизма и тюркологии. Подытоживая изложенное, автор отмечает, что таджикско-российские научные связи, которые после распада СССР утратили ранее достигнутую эффективность, в настоящее время восстанавливаются и расширяются, что открывает новые горизонты сотрудничества учёных и научных учреждений Таджикистана и Российской Федерации, становясь средством защиты общих ценностей и интересов двух стран в условиях глобализирующегося мира.

Ключевые слова: русские учёные, таджикская культура, общественные науки Таджикистана, А.А. Семёнов, Е.Э. Бертельс, научное сотрудничество.

Наука как явление общечеловеческой культуры не может существовать и развиваться в рамках одного государства или географического региона. Сотрудничество учёных является главным условием развития науки, техники и технологии на всех этапах развития народов и стран. Даже когда те или иные страны и народы отстают в своём развитии, они, осваивая достижения передовых стран, через своих представителей участвуют в системе общечеловеческой науки и культуры. Таджикский народ еще с древних и средневековых времён имел торговые и культурные связи, непосредственно или опосредованно, с русскими и другими народами России. Об этом можем судить по имеющимся у нас историческим сведениям и трудам историков, в том числе историков науки. Труды Ибн Сины, Омара Хайяма, Махмуда Худжанды, литературными произведениями Рудаки, Фирдавси, Саади, Джами и других таджикских учёных и поэтов интересовались не только в Европе, но и в России. Однако по-настоящему тесное взаимодействие и сотрудничество в области науки и культуры развёртывается только после присоединения Средней Азии к России. О плодотворном научном сотрудничестве и заслугах русских исследователей таджикской культуры свидетельствуют многочисленные мемуары как российских, так и таджикских учёных и литераторов. Русские учёные и путешественники в XIX и начале XX века проводили немало исследований, направленных на всестороннее изуче-

ние природы, нрава, жизни народов Центральной Азии, в особенности Бухарского, Кокандского, Хивинского ханства и Восточной Бухары. В тех условиях, когда Средняя Азия находилась в плену темноты и мангитского мракобесия, и многие таджикские передовые мыслители искали пути выхода из политического и экономического тупика, именно благодаря усилиям русских учёных, путешественников и врачей, начали формироваться новые типы мировоззрения и научного подхода к исследованию общественных процессов. Об этом свидетельствуют труды великого таджикского просветителя Ахмада Дониша, его учеников-Мирзо Сироджа, Фитрата, Айни, Мунзима и некоторых других просветителей.

Особое место в нашей общей истории занимает советский период, когда в Таджикистане формировались новые социально-экономические отношения и при помощи русских специалистов строились новые школы, медицинские учреждения, заводы, фабрики, колхозы и совхозы. Всё это явилось результатом новой политики Советского государства, выработанной Компартией Советского Союза на основе марксистско-ленинской идеологии. Несмотря на то, что в двадцатые и тридцатые годы имели место грубейшие нарушения прав людей, репрессии, в результате чего пострадали многие достойные, грамотные национальные кадры, в Таджикистане сформировалась новая интеллигенция, отвечающая требованиям складывавшихся исторических реалий, которая, по своей

сущности, была интернациональной, а по составу – многонациональной.

Именно в этот период в Таджикистане происходит формирование и становление новой науки, новых научных школ, которые внесли достойный вклад не только в таджикскую науку, но и в советскую. Совместные труды российских и таджикских астрофизиков, сейсмологов, физиологов, геологов, археологов, историков, философов, фольклористов обогатили и советскую науку. Приезд и обоснование в Таджикистане многих русских и советских учёных способствовали тому, что в этой республике появились научно-исследовательские институты, кафедры, научные центры и станции, возглавляемые в начале в основном русскими учёными, а впоследствии – подготовленными ими национальными научными кадрами, которые успешно продолжили их научные изыскания, внося достойный вклад в советскую и мировую науку.

Русские учёные до Октябрьской революции, независимо от того, что некоторые из них, разумеется, выполняли спецзадания Российского государства, которые имели политические и военные цели, но они глубоко исследовали историю, этнографию, литературу народов Средней Азии, в особенности таджиков. Такие выдающиеся учёные, как В.В. Бартольд, А.А. Семёнов, М.С. Андреев, А.Е. Крымский, В.А. Жуковский, Е.Э. Бертельс, И.П. Петрушевский, О.А. Сухарева, А.Н. Болдырев, И.С. Брагинский, Б.А. Литвинский и многие другие внесли неоценимый вклад в исследовании важнейших проблем культуры таджикского народа. Следует отметить заслугу академика Бободжана Гафурова, который приложил много труда для расширения и углубления совместных исследований русских и таджикских учёных, особенно в области общественных наук. Будучи долгие годы директором института востоковедения АН СССР (1956–1977 гг.), он беззаветно служил делу укрепления научного сотрудничества советских учёных и расширения их творческих связей с учёными и мировыми востоковедческими центрами.

Здесь, на примере академика АН Таджикистана Александра Александровича Семёнова и члена-корреспондента АН СССР Евгения Эдуардовича Бертельса, хотелось бы кратко показать неоценимую заслугу русских учёных в становлении и развитии научных школ по истории и истории литературы таджикского народа.

А.А. Семёнов, 140-летие рождения которого научная общественность Таджикистана отметила в декабре 2014 года (этому событию был посвящён специальный сборник статей таджикских учёных), был выдающимся историком-востоковедом и организатором исторической науки в Таджикистане. В его докладе (являющем собой, по существу, прекрасный образец аналитического научного отчёта) на Всесоюзной конференции востоковедов

в 1957 году в Ташкенте под названием «Востоковедение в Таджикистане в аспекте истории, археологии, этнографии и искусства» [6] даются краткие, но важные сведения о результатах научных исследований в области истории, археологии, нумизматики, этнографии, искусства, театра, при этом акцент делается на том периоде, когда начал функционировать сначала Таджикский филиал Академии наук СССР, а затем, с 1951 года, Академия наук Таджикистана. Семёнов справедливо замечает, что «до советского времени истории и духовной культуре таджикского народа со стороны русских и западноевропейских учёных-востоковедов не было уделено должного внимания. И если кое-что в этой области было сделано в виде отдельных работ и газетных, и журнальных, и других статей, <...>, то при всей ценности таких работ, они ни в какой степени не могли дать связного представления об исторических судьбах таджикского народа» [6, с. 289]. Он отмечает, что начиная с 1925 года, после образования «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», получает развитие научное исследование истории таджикского народа. Одним из первых трудов, опубликованных в сборнике этого общества, была работа академика В.В. Бартольда «Таджики» [1]. Семёнов пишет о том, что эта работа Бартольда представляет собой «первое научное изложение исторических судеб таджикского народа».

Академик Семёнов, будучи, как и Бартольд, весьма грамотным учёным, хорошо знающим исторические и литературные источники, стремился использовать их с максимальной эффективностью. Это дало ему возможность изучать глубокие пласты истории таджикского народа, делать вполне объективные научные выводы.

Семёнов одним из первых обратил внимание на неправильное употребление европейскими востоковедами термина «арабская культура». Он совершенно резонно указывает, что «...арабские завоеватели находились на низком уровне общественного и культурного развития...представителями научной мысли покорённых арабами народов Ирана и Средней Азии и была создана та арабоязычная культура, которая до сих пор (то есть до 1957 г. – К.О.) ещё носит в трудах зарубежных востоковедов – название «арабской»» [6, с. 311]. К сожалению, некоторые учёные, представляющие страны Запада и СНГ, и ныне повторяют эту ошибку, хотя Семёновым и было доказано, что благодаря деятельности среднеазиатских учёных, в число которых входит немало таджиков, была создана большая и разнообразная литература на арабском языке, и её не следует относить только к арабской культуре. Эта литература, в первую очередь, относится к культуре иранских народов. Примером служит тот факт, что многотомный исторический труд, написанный

на арабском языке иранцем Абу Джафаром Мухаммадом ибн Джарир ат-Табари «привлѣк внимание образованных таджиков Бухары; в 963 г. он вышел в Бухаре в переводе на таджикский язык саманидского везира Абу-Али Мухаммеда Бал'ами» [6].

Научное наследие академика Семёнова имеет непреходящее значение для исторической науки вообще, и для историографии Таджикистана в особенности. Издание его неопубликованных работ, пусть даже некоторые из них и являются фрагментарными, незаконченными, представляет собой большую ценность не только для истории, но и для общественных наук в целом. Изучение, дополнение их новыми достижениями в области исторической науки – важная научная задача современных исследователей. Несмотря на большой вклад Семёнова в науку, следует отметить и некоторые неточности в содержании его работ, вызванные, видимо, идеологическими соображениями времени написания. Так, в статье «Историография Таджикистана (конец XIX-начало XX вв.)» (соавтор А. Мухтаров) он пишет: «В период вступления России в стадию империалистического развития таджикский народ был одним из самых отсталых народов Средней Азии. Основная масса таджиков проживала в горных, отдалённых от культурных центров районах» [6, с. 334]. Трудно согласиться с таким мнением. Ведь в указанный период таджики в основном жили не только в горных районах, где образовали Таджикскую ССР, но и в городах, в которых уже начали формироваться зачатки капиталистических отношений. Немало таджиков проживало в Ходжента, Ура-Тюбе, Исфаре, Кулябе и ряде других городов и районов Средней Азии, не говоря о таджиках, местом жительства которых были города Афганистана. Именно эти города, основная часть жителей которых составляли таджики, были культурными центрами. Экстраполяция периода после национально-территориального размежевания на историко-географические рамки до размежевания приводит авторов статьи к неверному выводу.

Научное наследие Семёнова имеет положительное значение и для выяснения истории таджикского языка. Его полемика с Бертельсом относительно истоков персидско-дари-таджикского очень интересна и требует отдельного рассмотрения.

Русские учёные внесли неоценимый вклад и в исследование истории таджикской литературы. Одним из этих учёных был Е.Э. Бертельс, глубоко знавший разнообразные источники. Своими выдающимися работами он оставил неизгладимый след в истории не только литературоведения, но и востоковедения вообще. Его фундаментальные исследования по проблемам персидско-таджикской литературы, суфизма, тюркологии среди востоковедов до сих пор считаются непревзойдёнными образцами научного поиска в сфере истории ли-

тературы [2, 3, 4, 5]. Он впервые хотел доказать, что к выдающемуся классическому наследию, созданному на персидском языке, имеют непосредственное отношение таджики. Поэтому своему капитальному труду он дал название «История персидско-таджикской литературы» [2]. За такое название работы, как говорил его сын Андрей Бертельс на конференции, посвященной 100-летию учёного, его чуть не выслали из Ленинграда. Евгений Эдуардович считал себя учеником Садриддина Айни, восхищался его широкими познаниями в области истории, литературы, общественно-политической мысли народов Средней Азии, Индии и Ирана, плодотворным художественным творчеством писателя.

Бертельс внимательно изучал литературный, философский и религиозный процесс персоязычных народов. Он исследовал этот процесс в неразрывном контексте исторических событий, обращал пристальное внимание на логику развития общественной мысли, твёрдо опирался на исторические и литературные источники. Такой подход делает его сочинения логически убедительными, объективными с научной точки зрения. В связи с этим, особо хочется отметить его важный труд «Суфизм и суфийская литература» [5]. В этой незаконченной работе, состоящей из отдельных статей, он сделал попытку глубокого исследования такого сложного и противоречивого религиозно-философского направления в таджикско-персидской и мусульманской истории вообще, каким был суфизм. Этот труд стал важным методологическим ориентиром для последующих советских, в особенности – таджикских исследователей суфизма. Высоко ценил исследования Бертельса известный таджикский философ, академик А.М. Богоутдинов.

Несмотря на временное ослабление научных связей и сотрудничества из-за развала Советского Союза, ныне таджикско-российские научные связи расширяются, они закреплены правительственными документами, меморандумами и приглашениями между Министерствами образования и науки, Академиями наук, научно-исследовательскими учреждениями Таджикистана и Российской Федерации. Таджикистан входит в сферу ВАК РФ, таджикские и российские учёные активно сотрудничают по многим направлениям научных исследований.

Мы уверены, что расширение сотрудничества в области научных исследований способствует бережному сохранению и приумножению тех совместных успехов, которые были достигнуты в советское время и открывает новые горизонты сотрудничества между научными учреждениями двух стран и учёных во имя всеобщего блага народов. Это необходимое средство защиты обоюдных интересов и общих ценностей в современном сложном глобализирующемся мире.

Литература

1. Бартольд, В.В. Таджики. Исторический очерк // Сочинения / В.В. Бартольд. – Москва: Издательство восточной литературы, 1963. – Т. 2., Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – С. 451-468.
2. Бертельс, Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы / Е.Э. Бертельс. – Москва: Издательство восточной литературы, 1960. – 561 с.
3. Бертельс, Е.Э. История литературы и культуры Ирана: Избранные труды / Е.Э. Бертельс. – Москва: Наука, 1988. – 558 с.
4. Бертельс, Е.Э. Очерк истории персидской литературы / Е.Э. Бертельс. – Ленинград: Ленингр. вост. ин-т, 1928. – 204 с.
5. Бертельс, Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература / Е.Э. Бертельс. – Москва: Издательство восточной литературы, 1965. – 524 с.
6. Семенов, А.А. Избранные сочинения / А.А. Семенов. – Душанбе: Офсет Империя, 2013.
7. Семенов, А.А. Средняя Азия: Очерк А. Семенова / А.А. Семенов. – 2-е изд. – Москва: Типография Вильде, 1911. – 96 с.

ANNOTATION OF THE ARTICLE

I.R. Kurnysheva

Doctor of Economic Sciences, Head of Sector of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences

INTERRELATIONS OF STRUCTURAL CHANGES AND TAXES (METHODOLOGICAL ASPECTS)

Article purpose is to promote implementation of the decree of the Russian President V. Putin formulated in the Message to Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2018 that «For further change of structure of national economy it is necessary to involve growth sources at essentially other level». The relevance is defined by the fact that the course towards overcoming export and raw dependence of the country on the basis of technological updating is chosen among the most important priorities of development to a long-term outlook. Implementation of such large-scale strategic project demands coordination of concepts, the purposes and mechanisms of many industry and functional programs promoting structural transformations within uniform model of its formation. Today statement and the solution of a problem of structural and technological modernization of the Russian economy are deprived of the strong methodological and information base in coordination interacting with other necessary resources. The question of sources and scales of necessary financial resources for modernization and innovative development also still remains debatable. The scientific and practical importance consists in justification of relevance of use of system of the tables «expenses release» in practice of the developed directive decisions in the sphere of the taxation. The reliability of the achieved results is confirmed by analytical calculations that tax policy – one of the tools which are really promoting formation of new structural proportions and growth of financial resources of national economy. The conducted research has allowed to reveal new tendencies and structural proportions in the Russian economy.

Keywords: structure, method, methodology, tables «expenses-output», taxes.

References

1. Baranov, E.F., Solovyov, Yu. P., Posvyanskaya, L.P. Prices for products of natural monopolies and inflationary processes in the industry / E.F. Baranov, Yu.P. Solovyov, L.P. Posvyanskaya // Banking. – 2007. – Vol. 1. – pp. 37-43.
2. Kryukov, V.A. More models – better and different / V.A. Kryukov // EKO. – 2011. – Vol. 5 (443). – p. 3.
3. Kurnysheva, I.R. Macroeconomic development: tendencies and development / I.R. Kurnysheva – Moscow: Science, 2005. – 285 p.
4. New industrial policy of Russia in the context of ensuring technological independence of economy / chief editor E.B. Lenchuk. – Saint Petersburg: Aletiya, 2016. – 336 p.
5. Ostapenko, T.V. Inter-industry analysis of foreign economic relations of grocery chains of agrarian and industrial complex / T.V. Ostapenko // Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2017. – Vol. 7 (4A). – pp. 173-182.
6. Ostapkovich, G. Looking how to consider / G. Ostapkovich // «Russian Newspaper». – 04.07.2017.
7. Ponomarenko, A.N., Muradov, K.Yu. New statistics of the movement of value added in international trade / A.N. Ponomarenko, K.Yu. Muradov // The Economic magazine of HSE. – 2014. – Vol. 18 (1). – pp. 43-79.
8. «Events of day». 05.07.2017 [Electronic resource] – Access: <https://www.hse.ru/news/207283532.html> – (reference date: 12.06.2018).
9. Suvorov, P.A. Expences-Emission method as tool of assessment of macroeconomic efficiency of innovative and investment projects: author's abstract dis. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / Suvorov Pavel Anatolyevich. – Moscow, 2014. – 26 p.
10. Kurnysheva, I., Burakov, D. Do Oil Price Shocks Matter for Competition: A Vector Error Correction Approach to Russian Labor / I. Kurnysheva, D. Burakov // Market International Journal of Energy Economics and Policy. – 2017. – Vol. 7 (4). – pp. 68-75.

A.G. ZeldnerDoctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences**MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA**

The urgency of the article is determined by the role played by the functioning management system in the really established low rates of economic development and the standard of living of the population. In recent years, the real disposable incomes of the population, the volume of investments and synchronously the growth rates of GDP in comparable prices are steadily declining. In connection with the current situation, the article proposes directions for improving management in connection with the formation of a model of the social and market economy. Purpose of the article. On the basis of the analysis of the socioeconomic state of the Russian economy, determine the main directions of its development by improving the legal framework, optimizing the structure and quality of management. In the process of preparation of the article, the works of Academicians L.I. Abalkin, V.A. Trapeznikov, American researcher Parison I., Lee Kuan Yew and other researchers were taken into account. The article managed to systematize the reasons related to ineffective management and outline the main directions for improving the quality and efficiency of management. The materials of the article will be of interest to scientific and practical workers, post-graduate students and students.

Keyword: management, quality, efficiency, social and market development model.

References

1. Abalkin, L.I. Problems of modern Russia. – Moscow: Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 110 p.
2. Zeldner, A. National model of social and market development of Russia on the basis of mixed economy and the mechanism of public-private partnership. – Moscow: Ankil, 2017. – 80 p.
3. Lee Kuan, Yew. Singapore history: 1965-2000 from the third world – in the first. – Moscow: MGIMO university, 2010. – 656 p.
4. Sketches of history of the CPSU. – Moscow: Politizdat, 1967. – 448 p.
5. Osipov, V. Design and functional structure of management for public authorities / V. Osipov // Questions of the public and municipal administration. – 2016. – Vol. 3. – pp. 219-230.
6. Parison, I. Investment climate and the prospects of economic growth in Russia / Under the editorship of E. Yasin. – Moscow: Higher School of Economics, 2001. – pp. 204-208.
7. Putin, V. Russia at a turn of the millennium. Independent Newspaper. – 30.12.1999.
8. Smotrinskaya, I. New economic strategy demands new quality of a state administration / I. Smotrinskaya // Bulletin of institute of economy of Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 5. – pp. 7-22.

L.N. Ivanova-ShvetsCandidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of human resource management,
Plekhanov Russian University of Economics**FACTORS LIMITING INNOVATIVE ACTIVITY: A TERRITORIAL ASPECT**

The urgency of the problem under investigation is determined by the importance of identifying the factors limiting the innovative activity of the regions. Accounting and leveling of such factors can be a stimulus for realizing the potential of innovative breakthrough of regions.

The main methods of research can include: analysis, graphic, detailing, grouping, system. The system approach allowed to identify the main aspects of the problem and determine the nature of the relationships between the properties and characteristics of the object.

Political, economic, legal, technological, socio-cultural, organizational and managerial factors influencing the innovation activity of the Federal Districts of Russia are considered and analyzed in the article. Dynamics of innovative activity of regions during recent years is shown, and the factors that have a negative impact on innovation activity are identified.

The materials of the article can be used at the regional level for the development and implementation of innovative development programs, as well as in research work on enhancing the innovative development of the territories of Russia.

Keywords: innovative activity, factors influencing the innovative activity of federal districts.

References

1. Avdonina, S.G. Factors of innovative activity of enterprises / S.G. Avdonina // *Economic Sciences*. – 2010. – Vol. 6 (67). – pp. 49-52
2. Astapenko, M.S. Spatial development of the Russian economy in the context of the formation of a national innovation system / M.S. Astapenko, E.F. Nikitskaya // *Management of economic systems*. – 2017. – Vol. 3. – p. 17.
3. Bobrova, V.V. Classification of factors determining the effectiveness of economic activities of territorial entities / V.V. Bobrova, S.G. Orlov // *Intelligence. Innovation. Investments*. – 2017. – Vol. 10. – pp. 15-18.
4. Grishin, V.I., Gagarina, G.U. The Russian Economic Space: Problems and Prospects for Restructuring: monograph / V.I. Grishin, G.U. Gagarina. – Moscow: INFRA-M, 2013. – p. 187.
5. Zemcov, S.P. Factors of regional innovation activity: analysis of theoretical and empirical research / S.P. Zemcov, V.A. Barinova, A.K. Muradova // *Innovations*. – 2016. – Vol. 5 (211). – pp. 41-51.
6. Kabachevskaya, E.A. Regulatory and Legal Regulation of Innovation Activities / E.A. Kabachevskaya // *Scientific and Methodical Electronic Journal «Concept»*. – 2016. – Vol. 41. – pp. 110-115. [Electronic resource] – Access: <http://e-koncept.ru/2016/56927.htm> – (reference date: 20.05.2018).
7. Makarova, E.S. Classification of factors of innovative potential of the region / E.S. Makarova // *Economics and management of innovative technologies*. – 2012. – Vol. 1 [Electronic resource] – Access: <http://ekonomika.snauka.ru/2012/01/319> – (reference date: 20.02.2018).
8. Osipov, V.S. The strategic importance of the territories of priority development for the country's economy / V.S. Osipov // *Reporter of the Moscow university named after S.U. Vitte*. – 2016. – Vol. 4 (19). – pp. 5-12.
9. Osipova, O.N. Evaluation and classification of factors hampering the innovative sensitivity of the region / O.N. Osipova, N.S. Borozdina // *Modern high technology. Regional annex*. – 2011. – Vol. 2 (26). – pp. 58-63.
10. Chairan, U.A. Factors affecting the development of innovation / U.A. Chairan, G.Y. Belyakova // *Creative economics*. – 2014. – Vol. 11 (95). – pp. 162-170.
11. Chistov, I.V. Analysis of regulatory and legal regulation of innovation in the Russian Federation / I.V. Chistov // *Reporter of the Moscow university named after S.U. Vitte*. – 2012. – Vol. 1. – pp. 58-64.

K.V. Kikilashvili

Graduate student at the Department of the history of national economy and economic studies,
Lomonosov Moscow State University

**TRANSFORMATION OF THE OIL INDUSTRY OF RUSSIA AND THE USSR:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Determining the patterns of development of the oil industry in conjunction with the development of the national economy as a whole is relevant for developing recommendations for the strategic management of the development of both the industry itself and the entire economy of our country. As separate periods for studying these regularities, it is advisable to consider periods of transformation of the oil industry with their subsequent comparative evaluation in different historical periods.

The aim of the work was to identify the most effective transformations of the oil industry from the beginning of the Soviet period of history to the present.

As a transformation of the national oil industry, the author understands the interrelated organizational, structural, managerial, innovation-technological, territorial (regional) changes, as well as interrelated changes in the exploration, production, transportation, processing, storage and supply of oil and petroleum products, caused either by general economic interests of increasing efficiency production, the implementation of which becomes available with the advent of new technologies for exploration, production, transportation, storage, supply and processing, or the need for a sharp increase in production and / or changes in product quality associated with the new challenges of energy consumption.

The methodological basis of the study was a comprehensive analysis of the oil industry in terms of the totality of indicators in the context of the dynamics of the development of the domestic economy as a whole. On the basis of this work, historical periods are singled out and a comparative analysis of the main characteristics of the oil industry transformations of the USSR and the Russian Federation.

It is shown that the most effective for the development of the industry and the economy of the country as a whole was the post-war innovation and technological and regional transformation, characterized primarily as a shift in the oil production center from the Caucasus to the Volga-Ural region and ensuring the formation of a modern type of economy (for this period).

The results of the research can be used to take into account in the strategic management of the development of the Russian oil industry for a long-term period.

Keywords: oil industry, transformation, organization, management, innovation, technology, economy of the USSR, the economy of the Russian Federation.

References

1. Alekperov, V.Yu. Vertically integrated oil companies in Russia: monograph / V.Yu. Alekperov. – Moscow: AUTOPAN, 1996. – 294 p.
2. Arbatov, A.A., Smirnov, V.S., Feigin, V.I. Cycles of oil dependence / A.A. Arbatov, V.S. Smirnov, V.I. Feigin // Russia in global politics. – 2005. – Issue 3. – Vol. 2. – pp. 185-198.
3. Gaidar, E.T. The death of the empire. Lessons for modern Russia. 2nd ed., cor. and add.: monograph / E.T. Gaidar. – Moscow: ROSSPEN, 2006. – 448 p.
4. Glazyev, S.Yu., Kharitonov, V.V. Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy: monograph / S.Yu. Glazyev, V.V. Kharitonov. – Moscow: Trovant, 2009. – 304 p.
5. Huseynov, B.M. Innovative development of Russian oil and gas companies / B.M. Huseynov // Finance and credit. – 2011. – Vol. 1. – pp. 51-55.
6. Zenikov, S. Production of drilling equipment in Russia: import substitution as it is [Electronic resource] / S. Zenikov // PRONEDRA, 02.20.2017. – Access: <https://pronedra.ru/oil/2017/02/20/proizvodstvo-burovogo-oborudovaniya-v-rossii/> – (reference date: 01.04.2018).
7. Igolkin, A.A. Soviet oil exports in the prewar five-year periods / A.A. Igolkin // Oil Industry. – 2006. – Vol. 9. – pp. 139-141.
8. Import of equipment into the oil and gas industry. Problems of import substitution [Electronic resource] / All about gas transport. – Access: <http://www.turbinst.ru/page,2,49492-import-oborudovaniya-v-neftegazovuyu-otrasl-problemy-importzamescheniya.html> – (reference date: 04.01.2018).
9. Kaiser, K.A. Assessment of the dynamics of investment in oil production projects in Russia in 2000-2014. [Electronic resource] / K.A. Kaiser // Economics and Management of Innovative Technologies. – 2016. – Vol. 2. – Access: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/02/10805> – (reference date: 20.02.2018).
10. Kvashnina, I.A., Obolensky, V.P., Shuisky, V.P. Foreign economic factors of the modernization of the Russian economy [Electronic resource] / I.A. Kvashnina, V.P. Obolensky, V.P. Shuisky // Scientific Report. Chief editor V.P. Obolensky. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2013. – 55 p. – Access: https://inecon.org/docs/Obolensky_paper_2013.pdf – (reference date: 04.04.2018).
11. Lebedev, V. About the Brazilian system [Electronic resource] / V. Lebedev. – Access: <http://mediator-rus.com/images/portfolio/investobzor/Invest-Expert-2013-2.pdf> – (reference date: 04.01.2018).
12. Is the fate of the USSR waiting for the world economy? [Electronic resource] / «BUSINESS Online», 6.06.2011. – Access: <https://www.business-gazeta.ru/article/41443https://www.business-gazeta.ru/article/41443> – (reference date: 04.01.2018).
13. Parmukhina, E.L. Development of the market of ground drilling rigs in Russia / E.L. Parmukhina // Territory of Neftegaz. – 2016. – Vol. 3. – pp. 25-27.
14. Pachin, N. Was the economic growth of the USSR low? [Electronic resource] / H. Pachin // Information and discussion portal «NEWSLAND», 05.12.2013. – Access: <https://newslan.com/user/4297798077/content/byl-li-ekesticheskii-rost-sssr-nizkim/4549823> – (reference date: 04.01.2018).
15. Pusenkova, N.N. Russian oil industry: twenty years that shook the world [Electronic resource] / N.N. Pusenkova // History of the New Russia. – Access: <http://www.ru-90.ru/node/1319/> – (reference date: 04.01.2018).
16. Shishkov, Yu.V. Internationalization of production – a new stage in the development of the world economy: a monograph / Yu.V. Shishkov. – Moscow: IMEMO RAN, 2009. – 92 p.
17. Dixon, Sarah. Organizational Transformation in the Russian Oil Industry: monograph / Sarah Dixon. – Center for International Business. University of Leeds (CIBUL), UK, 2008. – 282 p.
18. Gerschenkron, A. Economic Backwardness in the Historical Perspective: a monograph / A. Gerschenkron. – Cambridge, Mass., 1962. – 456 p.
19. Gustafson, T. Crisis Amid Plenty. The Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev: monograph / T. Gustafson. – Princeton University Press, US, 1989. – 387 p.

D.A. Kuzin

Candidate of Economic Sciences, Head of Scientific Research Center, Sochi State University

A.S. Kuzin

Leading Engineer of the property complex management Department, Orenburg State University

**STUDYING OF INFLUENCE OF FACTORS ON ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE MEMBER COUNTRIES OF THE CIS**

Formation of the multipolar world means education of the political and economic coalitions and the unions. This process became more active at the end of the 20th century as a result of transition of the countries of the former socialist camp from planned economy to market. In this regard we consider relevant studying of factors of the republics exerting impact on development of economy of such big association as the CIS. The purpose of accomplished research consists in measurement of influence of macroeconomic factors on development of economy of the CIS countries. For achievement of a goal the following methods of scientific knowledge were used: analysis and synthesis, tabular and graphic, correlation and regression. It is possible to rank the following as the main results of the conducted research: economies of the CIS countries are subject to negative impact of world crises; members of the union considerably lag behind the developed countries on the GDP level per capita; the factors containing growth of economy of member countries are a high share of agriculture in economies and the considerable size of import. Direction of use of results: the received results of a research will be useful first of all to scientists of the CIS countries dealing with a problem of integration into the international space and also statesmen to carrying out policy of rapprochement of member countries of the union.

Keywords: economic growth, Commonwealth of Independent States, Post-Soviet countries, gross internal product, variation, dependence.

References

1. Gerasimova, R.G. The comparative analysis of economic development and market reforms in countries with economies in transition in 1990-2009 / R.G. Gerasimova. – Moscow: INFRA-M, 2010. – 176 p.
2. Zhuravlyova, G. The Commonwealth of Independent States – 20 years / G.P. Zhuravlyova, V.I. Smagina // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. – 2011. – Vol. 12-1 (104). – pp. 18-28.
3. Kulevskaya, S. Economic development of the CIS countries / S. Kulevskaya // Science and innovations. – 2011. – Issue 7. – Vol. 101. – pp. 36-37.
4. Kushenov, S.N. Economic security and social and economic development of the states of the CIS / S.N. Kushenov // Transport business of Russia. – 2012. – Vol. 6-1. – pp. 224-228.
5. Molchanov, A. CIS: growth potential / A. Molchanov // Free thought. – 2010. – Vol. 9 (1616). – pp. 28-38.
6. Nakopiya, K.I. The statistical analysis of tendencies of social and economic development of the CIS countries during a transition period: author's abstract of diss.... Candidate of Economic Sciences: 08.00.11 / K.I. Nakopiya. – Tbilisi, 1997. – 181 p.
7. Orozbekova, A.M. Interaction of the CIS countries as factor of acceleration of economic development / A.M. Orozbekova // Economy. – 2011. – Vol. 8. – pp. 59-63.
8. Osipov, V.S. Political economy of sanctions (new agrarian policy) / V.S. Osipov // International scientific research. – 2014. – Vol. 3-4 (20-21). – pp. 6-8.
9. Osipov, V.S. Political economy of sanctions subject and method / V.S. Osipov // Messenger of Institute of economy of the Russian Academy of Sciences. – 2015. – Vol. 2. – pp. 102-115.
10. Popov, V.V. The analysis of customs payments of the region in the conditions of creation and development of the Customs union / V.V. Popov // Economic analysis: theory and practice. – 2011. – Vol. 44. – pp. 47-53.
11. Social and economic development of the Post-Soviet countries: twentieth anniversary results / chief editor L.B. Vardomsky, E.M. Kuzmina. – Moscow: IE RAS, 2012. – 400 p.
12. Tsylin, A.P. Statistical analysis of transformation of economy of Russia: author's abstract of the diss.... Candidate of Economic Sciences: 08.00.12 / A.P. Tsylin. – Orenburg, 2005. – 199 p.

N.P. Kuzmich

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor at the Department of geodesy and land management,
Far Eastern State Agrarian University

LAND ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF HOUSING CONSTRUCTION

The relevance of the research problem due to the fact that its decision influences as a whole the comfort of living and quality of life of the population, as the projects of integrated development have obvious advantages over objects created by point, as a unified concept and architectural style of all buildings erected, etc. the Purpose of this article is to identify trends in land administration in the sphere of housing construction as part of state land and urban planning policy.

The methodological basis of the work was general scientific principles and research methods: analysis and synthesis, induction and deduction. The integrated approach also used methods of observation and comparison.

As the main results achieved in the course of the study, we can highlight: the identification of the main directions of development of urban areas; analysis of point development and integrated development of the territory for the construction of standard housing; analysis of the cost of complex residential development; opening the most significant problems of implementation of complex residential development of the territory. The results of the scientific article will be useful for researchers in the field of urban planning, as well as specialists of construction organizations engaged in the construction of territories.

Keywords: urban area, housing construction, land resources, engineering and social infrastructure, complex development of territories, rational use, point construction

References

1. Architecture. Construction. Engineering systems: monograph / E.Y. Ageeva, L.L. Babenko, T.V. Bondarenko, S.V. Borisov and others – Novosibirsk: Publishing house NSTU, 2012. – 466 p.
2. Baulina, O.A. Problems and prospects of housing construction in modern Russia [Electronic resource] / O.A. Baulina, V.V. Klyushin. – Access: <http://naukovedenie.ru> / PDF / 15EVN216.pdf – (reference date: 04.06.2018).
3. Buzzyrev, V.V. The efficiency of the infrastructure of housing in entrepreneurial activity of business entities / V.V. Buzzyrev, M.N. Udenko // Economics of construction. – 2014. – Vol. 6. – pp. 32-37.
4. Virzev, M.Y. Development of areas through development of low-rise housing / M.Y. Virzev // Journal of Russian entrepreneurship. – 2014. – Vol. 18. – pp. 100-108.
5. Gerbeev, L.Y. The role and place of ownership in the development of the region / L.Y. Gerbeev // Economics and entrepreneurship. – 2014. – Vol. 11. – pp. 120-125.
6. Zagoskin, N.N. The main directions of development of investment and construction activities in Russia / N.N. Zagoskin // Economic revival of Russia. – 2012. – Vol. 4. – pp. 135-141.
7. Kabakova, S.I. Ways to improve urban policy in the Russian Federation / S.I. Kabakova // Construction Economics. – 2012. – Vol. 6. – pp. 3-9.
8. Kuzmich, N.P. Expand the resource base of the construction complex on the basis of the use of local raw materials and energy system technique technologies / N.P. Kuzmich // Problems of modern economy. – 2012. – Vol. 2. – pp. 325-328.
9. Kuzmich, N.P. The role of the construction complex in socially-oriented directions of development of the region / N.P. Kuzmich // Labor and social relations. – 2011. – Vol. 7. – pp. 52-55.
10. Sarchenko, V.I. The Development of urban areas requires a scientific study / V.I. Sarchenko // Economics of construction. – 2014. – Vol. 5. – pp. 65-68.

V.S. Osipov

Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Institute of Market Problems, Russian Academy of Science

POLICY OF DIGITALIZATION: THE NEED TO PROTECT A LABOR

Relevance. Realization of policy of import substitution has allowed a number of the countries of Southeast Asia and China to provide not only high rates of economic growth, but also to receive the updated advanced industry. The international competitiveness of goods from the countries of Southeast Asia and China confirms fidelity of the chosen direction. However during realization of policy of import substitution in Russia there were most powerful technological changes which have generated digital technologies and the Internet of things. It has turned out that

ANNOTATION OF THE ARTICLES

when updating industry the factor of work loses the importance in production function as robotization is more preferable in connection with more high efficiency, than creation of new jobs.

Scope. To consider possible mechanisms of leveling of negative consequences of robotization and digitalization in the form of refusal of a work factor in favor of a capital factor.

Methods. When carrying out a research general scientific and special methods and tools of an economic research were used: set of scientific receptions of an abstract and logical method, method of the institutional analysis.

Results of a research. In article the mechanism of refusal of the capital of a work factor, possible consequences and ways of leveling of negative consequences of robotization and digitalization is discussed.

Keywords: import substitution, digitalization, capital, labor, unconditional income, induced incorporating

References

1. List, F. National system of political economy. – Moscow: Publishing House «Europe», 2005. – 382 p.
2. Loginov, E.L., Derkach, N.L. Problems of formation of the convergent sphere of globally interconnected and synchronized intellectual administrative spaces // National interests: priorities and security. – 2011. – Vol. 9. – pp. 33-37.
3. Loginov, E.L., Loginova, V.E., Derkach, N.L. Convergent technological clusters as the environment of innovative operations in the conditions of globalization // Economics: theory and practice. – 2012. – Vol. 1 (25). – pp. 3-7.
4. Loginov, E.L., Pinchuk, V.N. Problems of formation of a cross-border information environment for managing the economy on the basis of convergence-informational factors // Financial analytics: problems and solutions. – 2011. – Vol. 44. – pp. 7-13.
5. Osipov, V.S. The role of import substitution in the formation of a new development model // Intelligence. Innovation. Investments. – 2017. – Vol. 5. – pp. 24-31.
6. Reinert, E.S. Spontaneous chaos. Economy of the Recession. – Moscow: ROSSPEN, 2017. – pp. 11-12.
7. Timofeev, D.N., Tsylin, A.P. Industrial production in Russia: the state and development prospects // Economics and Entrepreneurship. – 2016. – Vol. 3-2 (68-2). – pp. 1146-1152.
8. Tsylin, A.P., Sorokin, A.S. Statistical packages of programs in socio-economic research // Azimuth of scientific research: economics and management. – 2016. – Issue 5. – Vol. 4 (17). – pp. 379-384.
9. Bregman, R. Utopian thinking: the easy way to eradicate poverty // The Guardian, 2017.
10. Frey, C.B., Osborne, M.A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? // Working Paper. Oxford Martin School, 2013.
11. Hirschman, A.O. The political economy of import-substituting industrialization in Latin America // Quarterly Journal of Economics. February, 1968.
12. Jaimovich, N., Siu, H.E. The Trend is the Cycle: Job Polarization and Jobless Recoveries // Working Paper. National Bureau of Economic Research, 2012.
13. Onimode, B. Imperialism and Underdevelopment in Nigeria. The Dialectics of Mass Poverty. – L., 1982. – p. 177.
14. Standing, G. How Cash Transfers Promote the Case for Basic Income // Basic Income Studies. – 2008. – Vol. 3. – Issue 1.
15. Usman, W.Ch. Universal Basic Income: A Review // Social Science Research Network, 2017.

Yu.V. Sazhin

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of statistics, econometrics and information technologies in management, National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev

A.A. Ganina

Postgraduate of the Department of statistics, econometrics and information technologies in management, National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev

THE STATISTIC RESEARCH OF DEVIANT BEHAVIOR IN MODERN SOCIETY

The problems of deviant (abnormal) behavior get a very actual meaning and the reasons are big changes going on in Russia. The crisis in our society, the dynamism of social processes, destroying ordinary forms of social control, contribute to negative phenomenon, including deviations from social life. This topic is actual, because alcoholism and other forms of deviant behavior touch all the spheres of social life, impacting them negatively more or less. The aim of this work is in full statistic research of the dynamics of the number of crimes in Republic

Mordovia. In the article the dynamics of realization of alcoholic drinks in the Russian Federation from 2012 to 2016 is reviewed. The analysis of the morbidity of the population from alcoholism and alcoholic psychosis in the Russian Federation from 2011 to 2016 is made. The building of forecast of the number of registered offences under the influence of alcohol is implemented. In the article the table and graphic methods of presentation of statistics were used. The detailed processing of information was made with the help of statistical packages of computer STATISTICA. The results of the research can be used in a further scientific development of this problem. The conclusions and results can be used by the state statistics during the analysis of deviant behavior in the country and its regions and also by the government during formulation of the basic directions socially-oriented development, target programs directing at the prevention of deviant behavior.

Keywords: deviant behavior, pricing, realization of alcoholic drinks, morbidity of the population by alcoholism and alcoholic psychosis, mortality from the reasons connected to alcohol consumption, forecasting.

References

1. Altshuler, V.B. Monography. A58 Alcoholism. – Moscow: GEOTAR. Media, 2010. – 264 p.
2. Afanasief, V.N. The analysis of time series and forecasting: textbook/ V.N. Afanasief, M.M. Yuzbashev. – Moscow: Finance and statistics, 2011. – 320 p.
3. Belova, Yu.Yu. Alcoholization of population as a threat to national safety of Russia: social consequences and their influence to realization of national interests of the Russian Federation // The Bulletin of economics, law and sociology. – 2012. – Vol. 1. – pp. 278-282.
4. Belova, Yu.Yu. Alcoholization of population as a threat to national safety of Russia: social consequences and their influence to realization of national interests of the Russian Federation // The Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2012. – Vol. 1. – pp. 278-282.
5. Vladykina, I.K. Alcoholism in Russia: social and social-psychological determinants // The Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science. – 2010. – Vol. 4. – p. 55-66.
6. Ganina, A.A. The usage of statistic methods to the research of deviant behavior of the population of the republic Mordovia / A.A. Ganina, M.A. Skvortsova // Dialogue «Statistics – Society – Economics»: historical experience and modern vector of development / The materials of interregional scientific-practical conference devoted to the World day of Statistics. – Saransk, 2015. – pp. 45-49.
7. Ganina, A.A. Statistic analysis of indicators characterizing social pathology of Russia / A.A. Ganina // The 5th International student scientific-practical conference «**Actual questions of economics of the region: analysis, diagnostics and forecasting**» April 17-21.2015. thesis of students: in 2 books. –Book 2. – Moscow: FSBOU VPO «REU named after G.V. Plehanov», 2015. – pp. 360-366.
8. Yeliseeva, I.I. The common theory of Statistics: textbook / I.I. Yeliseeva, M.M. Yuzbashev; under edit. of I.I. Yeliseeva. – Moscow: Finance and statistics, 2009. – 656 p.
9. Ikryanova, D.V. Alcoholism in Russia as a national problem of the XXI century // Science Time. – 2014. – Vol. 7 (7). – pp. 121-124.
10. Sazhin, Yu.V. The analysis of time series and forecasting: textbook / Yu.V. Sazhin, A.V. Katyn, Yu.V. Saraykin. – Saransk: The publishing of Mordovian State University, 2013. – 192 p.
11. Cheremisina, N.V. Alcoholism: global problem of modern Russia / N.V. Cheremisina, M.I. Ibliev, D.D. Talalaev // Social-economic phenomenon and processes. – 2014. – Issue 11. – Vol. 9. – pp. 163-166.

O.S. Smotrina

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of management,
Orenburg State University

A.S. Korennaya

Graduate student at the Department of management, Orenburg State University

METHODIC OF ESTIMATION OF CRISIS MANAGEMENT OF ENTERPRISE OF AGROINDUSTRIAL COMPLEX

The relevance of the study is related to the variety offered in the science and practice of crisis management system assessment methodologies enterprises. The aim of the study was the development of methodology for assessing crisis management now takes into account the specificity of agriculture.

The proposed methodology relies on the calculation of specific indicators, taking into account the influence of sectoral external and internal factors, using expert estimates. This methodology is designed to assess the manage-

ment system of a modern agro-enterprise and allowed to analyze the internal elements of the enterprise (efficiency, financial efficiency, adaptability, innovative efficiency, social efficiency, efficiency and management efficiency), and to identify the problems of the enterprise's activity, to evaluate possible directions of development.

The described technique was tested at the enterprises of the Orenburg region. Approbation of the methodology showed its relevance in assessing the anti-crisis management of an agricultural enterprise in modern conditions. Applicability of the method is proved by the results obtained in the course of the study.

The peculiarity of the development is taking into account the changing factors of the external and internal environment inherent in the agricultural sector; the peculiarities of the structural agrarian crisis. The methodology proposed in the paper can be used to assess the effectiveness of the existing management of enterprises in the field of agricultural production, since it takes into account the industry specificity of the activity of the object of evaluation.

Keywords: crisis management, management efficiency, financial analysis, financial efficiency.

References

1. Bautov, A.N. Comprehensive indicator of the effectiveness of the anti-crisis management of an insurance organization and the criteria for its evaluation / A.N. Bautov, O.V. Troonev // Insurance business. – 2009. – Vol. 7. – pp. 10-12.
2. Vaskova, Y.I. Approaches to assessing the effectiveness of crisis management of meat processing enterprises of the Ukrainian agroindustrial complex / Y.I. Vaskov // Bulletin of the SSU. – 2015. – Vol. 2. – pp. 21-29.
3. Gabdulin, R.R. Industrial enterprises in an unstable environment: ways to assess crisis measures / R.R. Gabdulin // Handbook of the Economist. – 2010. – Vol. 6. – pp. 37-43.
4. Kondratieva, K.V. Evaluation of crisis management of the enterprise / K.V. Kondratieva // Bulletin of Perm State University. – 2016. – Vol. 4. – pp. 189-200.
5. Korabeynikov, I.N. State regulation of scientific and technological progress in agriculture / I.N. Korabeynikov, O.A. Korabeynikova, E.V. Rodionova // Bulletin of the Orenburg State University. – 2010. – Vol. 4. – pp. 209-213.
6. Korabeynikov, I.N. Factors influencing innovation and innovative behavior of economic entities / I.N. Korabeynikov, O.S. Smotrina // Economics and entrepreneurship. – 2017. – Vol. 3. – pp. 585-581.
7. Korennaya, A.S. Cluster approach in the crisis regulation of the agroindustrial complex / A.S. Korennaya // Perspectives of sustainable development of the agroindustrial complex. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. – 2017. – Vol. 1. – pp. 867-870.
8. Panochkina, K.V. Methods of crisis management in making decisions at enterprises of the real economy sector / K.V. Panochkin // National interests: priorities and security. – 2016. – Vol. 2. – pp. 57-65.
9. Sayenko, I.I. Financial and economic analysis of agro-industrial enterprises by foreign and domestic models / I.I. Saenko, T.V. Sukhina // The Political Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. – 2015. – Vol. 110. – pp. 1351-1363.
10. Shishkina, V.A. Application of intellectual analysis in the management of the agro-enterprise / V.A. Shishkina // Perm Agrarian Herald. – 2014. – Vol. 1. – pp. 74-78.
11. Yaroshechik, M.V. Modern Approaches to Anti-Crisis Management and Bankruptcy Prevention in Small Business Enterprises / M.V. Yaroshevich // Internet-journal Scientology. – 2015. – Vol. 2. – pp. 88.
12. Topiy, I.I. Method of evaluation of the level of success of implemented anti-crisis measures / I.I. Topiy // Materials of the International Scientific and Practical Conference. – 2011. – Vol. 1. – pp. 651-652.
13. Zykov, S.V. Crisis Response and Management [Electronic resource] / S.V. Zykov // *ENCYCLOPEDIA OF INFORMATION SCIENCE AND TECHNOLOGY – 4TH EDITION*. – 2018. – Vol. 1. – pp. 1396-1406. – Access: <https://www.igi-global.com/gateway/chapter/183854> – (reference date: 10.03.2017).
14. Salvador, A.B. Brand crisis management: the use of information for prevention, identification and management [Electronic resource] / A.B. Salvador, A.A. Ikeda // *RBGN-REVISTA BRASILEIRA DE GESTAO DE NEGOCIOS*. – 2018. – Vol. 1. – pp. 74-91 – Access: <https://rbgn.fecap.br/RBGN/article/view/3583/pdf> – (reference date: 10.03.2017).

A.M. Khezhev

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of finance,
Russian State Agrarian University named after K.A. Timiryazev

A.V. Kabulov

Post-graduate student of the Department of finance,
Russian State Agrarian University named after K.A. Timiryazev

BALANCED SYSTEM OF INDICATORS AS A TOOL FOR MANAGING THE VALUE OF THE COMPANY

The time of transition of the economy to the market was characterized by the emergence of various forms of ownership and autonomous owners of organizations and enterprises, in which the issue of determining the value of own capital began to arise, this is the urgency of the research topic. The purpose of this article is to generalize approaches and methods to assess the value of an agricultural enterprise and develop measures to increase the cost taking into account all the features of the reproduction process. During the writing of the article the following research methods were used: comparative (comparison of material from different sources); analytical (study and synthesis of assessment data, analysis); positive (a description of how the assessment should be conducted according to the norms); normative (compliance with normative documents); corrective (checking and clarifying the facts, their adjustment). The main results of the study are based on the analysis of the agricultural enterprise under consideration and consist of justifying the approaches applicable to business valuation and proposing methods for its evaluation. The practical importance of the work is to determine and establish the value of the organization in question, conduct analysis of the current information security of the valuation system and methodological approaches to the valuation of the organization, developed a balanced system of indicators and outlines recommendations to increase the value of stud farm «Our Motherland».

Keywords: Finance, business valuation, company valuation, income approach, cost approach, comparative approach, cash flow discounting method, net assets method, capital market method, balanced scorecard, key performance indicator.

References

1. Allahverdiyev, M.I. Valuation of business. – Saint Petersburg: SPB STU, 2014. – 200 p.
2. Esipov, V.E. Assessment of the business. – Saint Petersburg: Publishing house «Piter». 2015. – 415 p.
3. Zaruk, N.F. Business valuation / N.F. Zaruk, R.V. Kostina. – Moscow: Publishing House «Triada», 2016. – 170 p.
4. Zaruk, N.F. Methodology of business valuation / N.F. Zarouk, A. Vorontsov, K. Falunina // Tendencies of development of system of financial management in the research of young scientists: collected articles. – Moscow: Publishing House «Triada», 2016. – pp. 18-29.
5. Kabulov, A.V. Semeikin, A.A. Problems of assessment of the value of the company in Russia / A.V. Kabulov, A.A. Sinaikin // Actual problems of financial management in the research of young scientists: collected articles. – Moscow: Publishing House «Triada», 2015. – pp. 123-128
6. Kabulov, A.V., Urusov, M.R. Problems of real estate valuation in Russia / A.V. Kabulov, M.R. Urusov // Actual problems of financial management in the research of young scientists: collection of articles. – Moscow: Publishing House «Triada», 2015. – pp. 260-265.
7. Kaznacheeva, N.L. Evaluation of the effectiveness of implementation of the balanced scorecard as instrument of strategic management of the enterprise / N.L. Kaznacheeva, V.A. Morgunov // Bulletin of the Tomsk State University. Economy. – 2009. – Vol. 1. – pp. 48-52.
8. Copeland, T., Murin, J., Kohler, T. The Value of companies: assessment and management. – Moscow: Publishing house «Olympus-Business», 2015. – 532 p.
9. Kundius, V.A. Russian agroindustrial complex: current state and development problems / V.A. Kundius, A.I. Altukhov // Agroindustrial complex: Economics and management. – 2014. – Vol. 1. – pp. 78-79.
10. Chebotarev, N. To. Economic efficiency of entrepreneurial activity in the system of production and feed use // Journal of Russian entrepreneurship. – 2012. – Vol. 8. – pp. 8-12.
11. Shamin, A. E., Frolova, O. A. Assessment of efficiency of agricultural production // Economics of agricultural enterprises. – 2015. – Vol. 4. – pp. 13-14.
12. Shcherbakov, V.A. Valuation of the enterprise (business). – Novosibirsk: NSTU, 2014. – 128 p.

A.P. Tsybin

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of statistics and econometrics,
Orenburg State University

**STUDYING OF TRANSFORMATION OF ECONOMY OF THE POST-SOVIET COUNTRIES BY
METHODS OF THE SYSTEM ANALYSIS AND STATISTICS**

The past quarter of a century since the collapse of the Soviet Union has shown that it is quite difficult to confront the realities of the global economic and political situation separately for post-Soviet countries, the way out of this situation is the process of integration into unions and associations. This process deserves a separate close attention on the part of economic science as a new one, which did not exist before, in this connection the chosen topic is up to date. The purpose of this article is to identify the patterns of transformational reconstructions of the economies of the post-Soviet countries from the position of system analysis. Such general scientific methods as analysis and synthesis, as well as proprietary methods of system analysis (methods of decomposition of complex systems, methods for disclosing «black boxes») and statistics (tabular, graphical, coefficient, groupings, correlations) are used as research methods. The main results of the study can be called: before 1970, the growth rates of the Soviet economy were comparable to those in the United States, then the US economy shows itself as a stable system, and internal contradictions and the impact of the external environment led to the death of the Soviet Union. The resulting post-Soviet republics tend to integrate around such centers of attraction as the European Union, Russia and China. The results obtained will be useful to researchers in the field of transition economy, as well as employees of state institutions for the formation of a policy of integration of Russia and the countries of the post-Soviet space.

Keywords: statistics, system analysis, bifurcation, dynamics, transformation, Soviet Union, Post-Soviet countries.

References

1. Alenikov, A.S. Tools of the system analysis and its application when modeling non-stationary economy / A.S. Alenikov, M.V. Makarov // National interests: priorities and safety. – 2014. – Vol. 4. – pp. 36-46.
2. Braginsky, O.B. Prices of oil: history, forecast, influence on economy / O.B. Braginsky // Russian chemical magazine. – 2008. – Vol. LII. – Vol. 6. – pp. 25-36.
3. Gadzhiyev, N.G. System approach to the analysis of factors of economic growth / N.G. Gadzhiyev, M.M. Halidov, M.N. Gadzhiyev // Messenger of the Dagestan State University. Series 3: Social sciences. – 2017. – Issue 32. – Vol. 1. – pp. 6-12.
4. Gospodarik, E. Long-term forecast of economic growth of EEU / E. Gospodarik, M. Kovalyov // Science and innovations. – 2015. – Issue 12. – Vol. 154. – pp. 38-43.
5. Gursky, V. The analysis of influence of integration effects in the course of formation of the Eurasian Economic Union on development of the industry and industrial policy of member states // Magazine of international law and the international relations. – 2017. – Vol. 1-2 (80-81). – pp. 110-121.
6. Drogobytzky, I.N. The system analysis in economy / I.N. Drogobytzky. – Moscow: UNITY-DANA, 2012. – 423 p.
7. Dushchenko, V.V. Bifurcations in nonequilibrium economic systems / V.V. Dushchenko // Innovations and investments. – 2014. – Vol. 12. – pp. 32-35.
8. Zuev, V.N. Supranational mechanisms of integration: monograph / V.N. Zuev; Higher School of Economics National Research University. – Moscow: Master, 2013. – 288 p.
9. Kovalyova, V.D. Current problems of the Euroasian economic integration // Scientific review. Economic Sciences. – 2017. – Vol. 2. – pp. 54-57.
10. Kondratyev, N.D. Problems of economic dynamics. – Moscow: Economy, 1989. – 523 p.
11. Kornev, G.N. System analysis / G.N. Kornev, V.B. Yakovlev. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2016. – 308 p.
12. Korol, O.V. The synergetic financial and economic effects of integration in EEU as the main factor of efficiency of functioning of all union // Economy and banks. – 2017. – Vol. 2. – pp. 16-21.
13. Krivtsov, A.I. Model of assessment of effective management of changes of social and economic systems / A.I. Krivtsov, M.V. Potapov // Messenger of the Volga University of V.N. Tatishchev. – 2016. – Issue 2. – Vol. 3. – pp. 39-43.
14. Lizunkov, V.G. Analysis of economic indicators of the integration association EurAsEC / B.G. Lizunkov and others // Basic researches. – 2018. – Vol. 1. – pp. 81-86.
15. Novoseltsev, V.I. Theoretical bases of the system analysis / V.I. Novoseltsev and others. – Moscow: Major, 2006. – 592 p.
16. Ogneva, V.V. EEU: in search of synergetic effect of integration process / V.V. Ogneva, A.V. Polyanin // The

region: systems, economy, management. – 2018. – Vol. 1 (40). – pp. 170-176.

17. Rogova, I.A. International economic integration: specifics and prospects of the Euroasian regional associations / I.A. Rogova, A.M. Palvanov // Messenger of the university. – 2017. – Vol. 11. – pp. 115-122.

18. Tkachenko, I.Yu. Problems of integration at the former Soviet Union in a format of EEU / I.Yu. Tkachenko, Yu.V. Sharykina // Russian external economic messenger. – 2016. – Issue 2016. – Vol. 10. – pp. 34-49.

19. Hachev, M.M. The system analysis as the instrument of innovative development of economy (on the example of the territorial subject of the Russian Federation) / M.M. Hachev, S.A. Temmoyeva / Progress of modern science and education. – 2016. – Issue 3. – Vol. 11. – pp. 207-214.

20. Tsylin, A.P. Statistical analysis of transformation of economy of Russia: thesis... Candidate of Economic Sciences 08.00.12. – Orenburg, 2005. – 199 p.

21. Tsylin, A.P. Comparison of growth rates (decrease) of industrial production of Russia and the USA in 1970-2010 / A.P. Tsylin, V.A. Ovsyannikov // Intelligence. Innovations. Investments. – 2016. – Vol. 1. – pp. 41-45.

22. Tsylin, A.P. Statistical research of influence of factors on dynamics of macroeconomic indicators of ex-member of the Soviet Union / A.P. Tsylin, L.R. Faizova // Azimuth of scientific research: economy and management. – 2017. – Issue 6. – Vol. 4 (21). – pp. 259-263.

23. Tsylin, A.P. Statistical research of influence of factors on dynamics of macroeconomic indicators of the former republics of the Soviet Union / A.P. Tsylin // Bulletin of NSUEM. – 2018. – Vol. 2. – pp. 79-95.

A.A. Byron

Graduate student at the Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University

BELIEF AND KNOWLEDGE IN THE SYSTEM OF PHILOSOPHICAL VIEWS OF B.N. CHICHERIN

The article examines the views on the problem of the correlation of faith and knowledge in the works of the outstanding Russian thinker B.N. Chicherin, whose 190th birthday is celebrated in 2018. In the field of the author's attention is included both the direct disclosure by the philosopher of these concepts and their correlation, and its significance for the logical justification underlying the truths of Christianity. Also touched upon are issues closely related to the solution of the problem of faith and knowledge in Chicherin, namely the polemic against, on the one hand, the materialistic teachings, on the other hand, «mysticism in science» of V.S. Solovyov. The author comes to the conclusion that Chicherin belongs to the number of thinkers who defended the «harmony» between faith and knowledge on the basis of the mind as an application of the laws of formal logic

Keywords: B.N. Chicherin, G.V.F. Hegel, belief, knowledge, religion, philosophy, reason, formal logic, science, positivism.

References

1. Hegel, G.V.F. National religion and Christianity / G.V.F. Hegel. Works of different years. In 2 vol. – Moscow: The Thought, 1972. – Vol. 1. – pp. 45-86.

2. Hegel, G.V.F. Logic science: monograph. In 3 vol. / G.V.F. Hegel. – Moscow: The Thought, 1970. – Vol. 1. – 501 p.

3. Hegel, G.V.F. Philosophy of religion: monograph. In 2 vol. / G.V.F. Hegel. – Moscow: The Thought, 1976. – Vol. 1. – 532 p.

4. Hegel, G.V.F. Philosophy of religion: monograph. In 2 vol. / G.V.F. Hegel. – Moscow: The Thought, 1977. – Vol. 2. – 573 p.

5. Kant, I. Criticism of pure mind: monograph / I. Kant. – Moscow: Exmo, 2010. – 734 p.

6. Lobeveva, V.M. Unity of religious belief and philosophical rationality in knowledge of metaphysical entities: analysis of the concept of B.N. Chicherin / V.M. Lobeveva // Space and time. – 2017. – Vol. 1 (27). – pp. 57-63.

7. Lossky, N.O. History of the Russian philosophy: monograph / N.O. Lossky. – Moscow: Higher School, 1991. – 559 p.

8. Chicherin, B.N. Philosophy questions: monograph / B.N. Chicherin. – Moscow: printing house of literary association I.N. Kushnerev and K., 1904. – 385 p.

9. Chicherin, B.N. Memoirs: monograph / B.N. Chicherin. – Moscow: AST; Minsk: Harwest, 2001. – 336 p.

10. Chicherin, B.N. Mysticism in science: monograph / B.N. Chicherin. – Moscow: Martynov's and K printing house, 1880. – 191 p.

11. Chicherin, B.N. Science and religion: monograph / B.N. Chicherin. – Moscow: The Republic, 1999. – 495 p.

12. Chicherin, B.N. Bases of logic and metaphysics: monograph / B.N. Chicherin. – Moscow: printing house of literary association I.N. Kushnerev and K., 1894. – 368 p.

13. Chicherin, B.N. Positive philosophy and unity of science: monograph / B.N. Chicherin. – Moscow: printing house of literary association I.N. Kushnerev and K., 1892. – 334 p.

T. K. Kerimov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of social philosophy, Ural Federal University

I.V. Krasavin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of social philosophy,
Ural Federal University

A PROBLEM OF COMPLEXITY: ON MULTIPLE NATURE OF STRUCTURE

The article is devoted to analysis of multiple structure, which appears as the origin of complexity: of its manifold and multidimensionality. Representation of multiple character of structure, which is virtual and being realized in actuality only partially – is the initial presupposition of the research. This feature makes relations differential, mutually determinable. Mutual determination of relations represents a qualitative difference, which cannot be objectified. This difference is really existing, not actual, but virtual. Virtual is presented here as real, having full completeness of existence. It is affirmed in the article that virtual and potential are of different nature. Potential is a hypothetic similitude of an actually existing form, object. Virtual is not linked to an actual, though it determines the borders of the latter. Reality of virtual and multiple architecture of structure exclude their determination through basic identity and its reduction to single elements, qualities or relations.

Keywords: structure, difference, multiplicity, virtual, differential relations.

References

1. Bergson, A. Creative Evolution. Matter and Memory: monograph / A. Bergson. – Minsk: Harvest, 1999. – 1347 p.
2. Deleuze, G. Marseille Proust and Signs: monograph / G. Deleuze. – Saint Petersburg: Aleteya Publisher, 1999. – 325 p.
3. Deleuze, G. Difference and Repetition: monograph/ G. Deleuze. – Saint Petersburg: Petropolis, 1998. – 468 p.
4. Deleuze, G., Guattari, F. Capitalism and Schizophrenia. A Thousand Plateaus: monograph / G. Deleuze, F. Guattari. – Ekaterinburg: U-Factoriya, Moscow: Astrel, 2010. – 895 p.
5. Luhmann, N. Differentiation: monograph / N. Luhmann. – Moscow: Logos, 2006. – 320 p.
6. On the Basics of Geometry. Collection of Classical Works on Geometry of Lobachevsky and Development of his ideas / (Ed.) A. Norden. – Moscow: State publisher of technical literature, 1956. – 560 p.
7. Society of Difference and Contemporary Social Ontology II / Works of roundtable. (Ed.) V. Kemerov, T. Kerimov, I. Krasavin – Ekaterinburg: AMB publisher, 2010. – 125 p.
8. Delanda, M. Intensive Science and Virtual Philosophy: monograph/ M. Delanda. – London – New York: Continuum, 2002. – 248 p.
9. Delanda, M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity: monograph / M. Delanda. – London: Continuum, 2006. – 150 p.
10. Farias, I. Virtual attractors, actual assemblages: How Luhmann's theory of communication complements actor- network theory / I. Farias // European Journal of Social Theory. – 2014. – Vol. 16 (1). – pp. 24-41.

P.V. Lyashenko

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of general legal disciplines
and political science, Orenburg State University

TO THE PROBLEM OF THE CONCEPTUAL BASES OF THE UTOPIA IN ANCIENT PHILOSOPHY

The article is devoted to the analysis of the conceptual bases of a utopia within Ancient Greek philosophical system. This system in the majority of scientific research appears as the period of formation and registration of a utopia. In article it is noted that the objective idealism of Platon, accumulating in itself a thought of an ideal image of the world, setting parameters of reasonable, esthetically ordered social being, promotes emergence of

a utopian perspective and formation of the conceptual bases of a utopian thought. Further development of ideas of a utopia during the antique period is clearly slowed down in connection with promotion into the forefront of the Aristotelean philosophical system alien to a primacy ideal over material and ontologically equalizing a form and matter. There of the arising rudiments of utopian thinking in objective idealism of Platon don't find a conceptual and methodological support in the maintenance of the philosophical doctrines arising and gaining distribution which are under the influence of an aristotelizm and cease to develop. Considering this circumstance, the author comes to a conclusion that in Antiquity conceptual prerequisites of a utopia are put. However during this era the utopia couldn't develop owing to the prevailing influence of the traditionalism which is contrary to spirit and a letter of a utopian outlook and therefore essentially constraining his development.

Keywords: utopia, ancient philosophy, space, perfection, beauty, harmony, policy, person.

References

1. Alexandrov, G.A. Aristotle (Philosophical and socio-political views) / G.A. Alexandrov. – Moscow: Thought, 1940. – 367 p.
2. Aristotle Metaphysics / Aristotle Works in 4 volumes. – Vol. 1. – Moscow: Thought, 1976. – pp. 63-369.
3. Aristotle On the Sky / Aristotle Works in 4 volumes. – Vol. 3. – Moscow: Thought, 1981. – pp. 263-379.
4. Aristotle. Politics / Aristotle Works in 4 volumes. – Vol. 4. – Moscow: Thought, 1983. – pp. 375-645.
5. Heraclitus of Ephesus: all the legacy: in the original languages and in the Russian translation / ed. by S.N. Muraveva. – Moscow: «Ad Marginem Press» LLC, 2012. – 416 p.
6. Huseynov, A.A. Philosophy as a Utopia for Culture / A.A. Huseynov // Issues of Philosophy. – 2009. – Vol. 1. – pp. 10-15.
7. Diogenes Laertius About life, teachings and sayings of famous philosophers / Editor of the volume and auth. of entry article A.F. Losev. – Moscow: Thought, 1986. – 571 p.
8. Dovatur, A.I. Politics and politics of Aristotle / A.I. Dovatur. – Leningrad: Science, 1965. – 392 p.
9. Yeager, V. Paideia. Education of the ancient Greek (the era of great educators and educational systems) / V. Yeager. – Moscow: Greco-Latin Cabinet Y.A. Shichalina, 1997. – 336 p.
10. Xenophon Memories of Socrates / trasl. from greek S.I. Skobolevsky. – Moscow: Science, 1993. – 379 p.
11. Losev, A.F. Life and creative way of Plato / A.F. Losev. Collected works in 4 volumes. – Vol. 1. – Moscow: Thought, 1990. – pp. 3-63.
12. Losev, A.F. The history of ancient aesthetics. Early classics / A.F. Losev. – Moscow: «Publishing house AST», 2000. – 624 p.
13. Lurie, S.Y. Democritus. Texts. Translations. Research / S.Y. Lurie. – Leningrad: Science, 1970. – 664 p.
14. Liashchenko, M.N. To the reinterpretation of the evaluation and meaning of the phenomenon of loneliness in the ancient Greek philosophical tradition / M.N. Lyashchenko // Intellect. Innovation. Investments. – 2016. – Vol. 9. – pp. 91-94.
15. Maslovskaya, T.I. The development of utopian thought in ancient Greece at the turn of the 5th-4th centuries. B.C. (The emergence of rational theoretical utopia: author's abstract of the dis Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11 / Maslovskaya Tamara Ivanovna. – Saint Petersburg, 1998. – 234 p.
16. Muravyov, S.N. What was the beginning of the work of Heraclitus of Ephesus? / S.N. Muraviev // Bulletin of Ancient History. – 1970. – Vol. 3. – pp. 135-158.
17. Plato State / Plato Collected Works in 4 volumes. – Vol. 3. – Moscow: Thought, 1994. – pp. 79-389.
18. Plato Pir / Plato Collected works in 4 volumes. – Vol. 2. – Moscow: Thought, 1993. – pp. 81-135.
19. Romanenko, Y.M. Genesis and nature: Ontology and metaphysics as types of philosophical knowledge / Y.M. Romanenko. – Saint Petersburg: Aleteya, 2003. – 779 p.
20. Fragments of the early Greek philosophers. From epic theocosmogony to the emergence of atomism. – Moscow: Science, 1989. – 576 p.
21. Frolova, I.V. Utopia: essence and development (experience of socio-philosophical conceptualization: author's abstract of the dis Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.11 / Frolova Irina Vasilievna. – Ufa, 2005. – 334 p.
22. Cicero On the Nature of the Gods / Cicero // Fragments of the Early Stoics. Zeno and his disciples. – Moscow: Greco-Latin Cabinet Y.A. Shichalina, 1998. – pp. 210-259.
23. Chertkova, E.L. Utopianism is social / E.L. Chertkova // New philosophical encyclopedia in 4 volumes. – Vol. 4. – Moscow: Thought, 2010. – pp. 151-152.
24. Vernant, J.-P. Social History and the Evolution of Ideas / J.-P. Vernant // Society in Ancient Greece. – Paris, 1980. – pp. 83-84.

K. Olimov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Vice-President of the Academy of Sciences of Tajikistan

**CONTRIBUTION OF RUSSIAN SCIENTISTS TO THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SCIENCES
IN TAJIKISTAN (BY THE EXAMPLE OF ACADEMICIAN A.A. SEMENOV AND E.E. BERTELS)**

The article is devoted to the philosophical understanding of the contribution of Russian scientists to the formation of scientific schools on the history of the Tajik people and its literature. Noting the importance of cooperation between scientists from different countries and nations, the author focuses on the merits of Russian and Soviet specialists in the formation of Tajik science, training of national personnel capable of conducting research at the world level. Focus on the fruitfulness of the activities of Russian scientists, the subject of professional interests which were the problems of Tajik culture, the author mentions their achievements in the fields of history, ethnography and literary criticism. Elaborating on the features of the educational interests of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan A.A. Semenov and and corresponding member of the USSR Academy of Sciences E.E. Bertels, the author points out that the first one was a great scientist-orientalist and organizer of historical science, the second also gained fame for his fundamental Oriental research, successfully developed the problems of the history of Persian-Tajik literature, Sufism, and Turkology. Summing up above, the author notes that the Tajik-Russian scientific relations, which lost their effectiveness after the collapse of the Soviet Union, are now being restored and expanded, which opens new horizons for cooperation between scientists and scientific institutions of Tajikistan and the Russian Federation, becoming a means of protecting the common values and interests of the two countries in a globalizing world.

Keywords: Russian scientists, Tajik culture, social sciences of Tajikistan, A.A. Semenov, E.E. Bertels, scientific cooperation.

References

1. Bartold, V.V. Tajiks. Historical sketch // Compositions / V.V. Bartold. – Moscow: Publishing house of east literature, 1963. – Vol. 2, Part 1. General works on history of Central Asia. Works on history of the Caucasus and Eastern Europe. – pp. 451-468.
2. Bertels, E.E. Chosen works. History of the Persian-Tajik literature / E.E. Bertels. – Moscow: Publishing house of east literature, 1960. – 561 p.
3. Bertels, E.E. History of literature and cultures of Iran: Chosen works / E.E. Bertels. – Moscow: Science, 1988. – 558 p.
4. Bertels, E.E. Essay on the history of Persian literature / E.E. Bertels. – Leningrad: Leningrad east institute, 1928. – 204 p.
5. Bertels, E.E. Chosen works. Sufism and Sufi literature / E.E. Bertels. – Moscow: Publishing house of east literature, 1965. – 524 p.
6. Semenov, A.A. Chosen compositions / A.A. Semenov. – Dushanbe: Offset Empire, 2013. – 351 p.
7. Semenov, A.A. Central Asia: Essay A. Semenova / A.A. Semenov. – Moscow: Printing House of Vilde, 1911. – 96 p.

**ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ
АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ**

1. К публикации принимаются научные (практические) и обзорные статьи.**1.1. К содержанию научной (практической) статьи предъявляются следующие требования:**

- в вводной части должна быть обоснована актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи);
- в основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность;
- в заключительной части необходимо подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.

1.2. К содержанию обзорной статьи (обзора) предъявляются следующие требования:

- в обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и прочее;
- материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.

2. Перечень необходимых данных в статье:

- УДК, фамилия, имя, отчество автора или авторов (на русском и английском языке);
- подробные сведения об авторе или авторах: ученая степень, ученое звание, должность, место работы (на русском и английском языке, как в Уставе организации);
- электронный адрес, адрес для почтовой переписки;
- аннотация, которая должна содержать краткую версию статьи и иметь четкую структуру (кроме философии): цели, методы исследования, актуальность, основные результаты (100–250 слов, на русском и английском языке);
- ключевые слова (4–7 слов) к статье (на русском и английском языке);
- название статьи (на русском и английском языке);
- текст статьи;
- литература на русском и английском языке, рекомендуется не менее 10 пунктов. Оформление в соответствии с международным библиографическим стандартом.

3. Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx;

- Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал 1,5 pt.
- Выравнивание текста: по ширине.
- Поля: левое 3 см, правое 1,5 см, верхнее 1,5 см, нижнее 2 см.

4. Графический материал должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi. Все графические материалы должны быть чёрно-белыми, полноцветные рисунки не принимаются.**5. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из списка литературы.****6. К статье отдельным документом прикладывается анкета с данными об авторе.****7. К статье прикладывается рецензия от остепененного специалиста.****8. К статье прикладывается копия квитанции об оплате публикации. Публикация оплачивается только после положительного решения членов редакционной коллегии.****9. Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ»

Периодичность журнала – 12 номеров в год.

Проводится подписка на 1-е полугодие 2017 г.

Вы можете выбрать удобный для Вас вид подписки:

по каталогу Российской прессы «Почта России», подписной индекс – 16478;

через редакцию журнала:

460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13, каб. 171203, 171204

НАШИ РЕКВИЗИТЫ

ИНН 5612001360

КПП 561201001

УФК ПО ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

(ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Л. СЧ. 20536X44564),

ОТДЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРГ БИК 045354001

Р. СЧ. 40501810500002000001

ОКВЭД 80.30.1

ОКПО 02069024

ОКОПФ 72

ОКФС 12

ОГРН 1025601802698

ОКТМО 53701000

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ – КБК 000000000000000000130

ЖУРНАЛ «ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ»

Интеллект. Инновации. Инвестиции

№ 6/2018

Ответственный секретарь – А.П. Цыпин
Верстка – Г.Х. Мусина
Корректурa – Ю.Р. Забирова
Перевод – В.А. Захарова
Дизайн обложки – И.В. Возяков

Подписано в печать 26.06.2018 г. Дата выхода в свет 29.06.2018 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13,48. Усл. изд. л. 11,32. Тираж 1000. Заказ № .

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Учредитель/редакция/издатель
Оренбургский государственный университет
Адрес: 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13
тел.: +7 (3532) 37-24-53
e-mail: intellekt-izdanie@yandex.ru

Издательско-полиграфический комплекс ОГУ
Адрес: 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
тел./факс: +7 (3532) 91-22-21
e-mail: uop@mail.osu.ru

Свободная цена
